

РОБЕРТ
МАККАММОН

Настоящий
мастер готического
романа!

Вселенная

ОНИ
ЖАЖДУТ

Роберт Маккаммон

Они жаждут

Серия «The Big Book»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69894814

*Они жаждут: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2022
ISBN 978-5-389-21819-2*

Аннотация

Странные дела творятся в Лос-Анджелесе. Странные и страшные. В городе действует маньяк и серийный убийца, помечающий свои жертвы тем, что запихивает им в рот черных тараканов.

Кто-то разрывает могилы на Голливудском мемориальном кладбище и крадет оттуда гробы.

Священник, разыскивая пропавшую девушку из числа своих прихожан, обнаруживает дом, наполненный завернутыми в простыни человеческими телами. В их венах нет ни капли крови, пульс отсутствует, но время от времени они бьются в конвульсиях и словно бы оживают.

Капитан полиции Энди Палатазин безуспешно пытается отыскать виновника – виновников? – всех этих преступлений и, только когда видит картину с дергающимися телами, начинает догадываться, какое жуткое настоящее ждет Лос-Анджелес в самые ближайшие дни.

Роман Маккаммона «Они жаждут» входит в известную обзорную антологию «Хоррор: 100 лучших книг» (Noggor: 100 Best Books) – один из главных рейтингов мировой литературы в жанре хоррор, – наряду с произведениями классиков с мировыми именами, такими как Чарльз Диккенс, Оскар Уайльд, Шарлотта Бронте, и не менее знаменитых авторов современности – Джона Фаулза, Рэя Брэдбери, Стивена Кинга.

Роман публикуется в новом переводе. Сборник дополнен рассказом «Кровь победит Голливуд», впервые переведенным на русский.

Содержание

Они жаждут	7
Пролог	9
Котел	25
I	25
II	43
III	52
IV	64
V	73
Беспокойство	83
I	83
II	93
III	100
IV	117
V	119
VI	132
VII	146
VIII	151
Ночные странники	173
I	173
II	179
III	192
IV	201
V	217

VI

218

VII

228

Конец ознакомительного фрагмента.

238

Роберт Маккаммон

Они жаждут

Robert R. McCammon

THEY THIRST

Copyright © 1981 by Robert R. McCammon

BLOOD IS THICKER THAN HOLLYWOOD

Copyright © 2020 by McCammon Corporation

All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Donald Maass Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© С. Б. Удалин, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Они жаждут

*Салли, без чьей поддержки я не смог бы
осуществить задуманное*

Было за полночь в Топанге,

И сказал диджей:

«Полнолуние сегодня.

Кто со мной в Эл-Эй?»

Уоррен Зивон

Я убью за любовь.

Я убью за любовь.

Господом Богом поклясться готов,

Я убью за любовь.

Рори Блэк

Тени скачут по стене,

Полоса за полосой,

И сливаются в густой

Безысходности теней.

Огастес Джулиан Рекьер

Я хотел бы выразить признательность людям, которые помогли мне собрать материал для этой книги: доктору медицины У. Б. Макдональду, доктору медицины Джеймсу Р. Флетчеру, комендору-сержанту Морской пехоты США Ларри Року, капитану Морской полиции США Полу Т. Тейлору;

сержанту полиции Уильяму Ладлоу, Раду Флореску и Рэймонду Т. Макнелли за то, что хранят легенды, а также Майку и Элизабет.

P. M.

Пролог

В пламени печи плясали демоны.

Они кружились, извивались и плевались в глаза мальчику, который сидел у самого огня, машинально подогнув под себя ноги, как обычно делают очень гибкие дети. Он подпер руками подбородок и молча смотрел, как языки пламени сходятся, сливаются и распадаются на части, с шипением раскрывая свои тайны. Мальчику всего шесть дней назад исполнилось девять лет, но, поскольку отец еще не пришел домой, он ощущал себя совсем взрослым, а огненные демоны смеялись над ним.

– Останешься за старшего до моего возвращения, – сказал отец, наматывая веревку на свою медвежью лапу. – Побойся о матери и о том, чтобы все было в порядке, пока мы с твоим дядей будем далеко. Ты меня понял?

– Да, папа.

– Приноси ей дрова, когда она попросит, и аккуратно складывай у стены, чтобы просохли. И вообще делай все, что она скажет, хорошо?

– Сделаю.

Мальчик все еще видел морщинистое, обветренное лицо отца, нависшее над ним, чувствовал твердокаменную руку на своем плече. Тяжелая отцовская хватка словно бы передавала его безмолвный наказ: «Я иду на серьезное дело, сы-

нок. Не обольщайся насчет этого. Присматривай за матерью и сам будь осторожен».

Уверившись, что мальчик все правильно понял, отец удовлетворенно кивнул.

Следующим утром мальчик сидел у кухонного окна и смотрел, как дядя Йозеф запрягает двух сивых коней в семейный фургон. Родители отошли в дальний конец комнаты, к запертой на засов двери. Отец надел шерстяную шапку и тяжелый овчинный полушубок, которую жена сшила ему на Рождество много лет назад. Потом забросил на плечо моток веревки. Мальчик уныло ковырялся в миске с мясным бульоном и прислушивался к разговору родителей, хотя и понимал, что они нарочно говорят шепотом, чтобы он ничего не услышал. А даже если и услышит, то все равно ничего не разберет.

«Так нечестно, – подумал он, запуская пальцы в бульон и выживая оттуда кусок говядины. – Раз уж я остаюсь за старшего, то должен знать и все тайны».

Внезапно мама перестала следить за своим голосом.

– Прошу тебя, пусть этим займется кто-то другой!

Но отец приподнял ее подбородок и посмотрел в серые, как то утро, глаза.

– Я должен все сделать сам, – сказал он, и вид у мамы стал такой, как будто она очень хотела заплакать, но никак не получалось.

Все свои слезы она выплакала прошлой ночью, лежа на

пуховой перине в соседней комнате. Мальчик всю ночь напролет слушал ее рыдания. Эти тяжкие часы словно разбили его сердце; и сколько бы времени ни прошло по другую сторону сумерек, его уже не излечишь.

– Нет, нет, нет, – повторяла мама опять и опять, как будто это было волшебное слово, которое не позволит отцу выйти на залитый солнцем заснеженный двор, как будто оно могло превратить деревянную дверь в каменную стену, способную удержать отца внутри дома, а все его тайны – снаружи.

Когда мама затихла, отец взял двустволку с ружейной стойки у двери. Открыл казенник, зарядил оба ствола и аккуратно поставил ружье на место. Потом обнял маму, поцеловал и сказал:

– Я люблю тебя.

Мама прильнула к нему, словно вторая кожа, но тут дядя Йозеф постучал в дверь и крикнул:

– Все готово, Эмиль! Пора ехать!

Отец на мгновение задержал маму в объятиях, потом взял купленную в Будапеште винтовку и открыл дверь. Он остановился на пороге, и снежинки запорхали вокруг него.

– Андре! – позвал он мальчика, и тот вскинул голову. – Позаботься о матери и проследи, чтобы дверь всегда была заперта на засов. Ты меня понял?

– Да, папа.

Уже в дверях, стоя на фоне выцветшего неба и багряных зубцов далеких гор, отец бросил взгляд на жену и тихо про-

изнес всего три слова. Почти неразличимых, но мальчик сумел уловить их, и сердце его забилось от смутного беспокойства.

– Отслеживай мою тень, – сказал отец.

Он вышел из дома, и ноябрьский ветер занял его место. Мама стояла на пороге, ее волосы засыпало снегом, отчего она словно бы старела с каждой минутой. Она не отрывала глаз от фургона, а двое мужчин гнали коней по мощеной дороге, торопясь встретиться с остальными. Стояла долго, с изможденным лицом на фоне обманчиво-белой чистоты мира за дверью. Когда гроыхающий фургон скрылся из виду, она вернулась в дом и заперла дверь на засов. Подняла глаза на сына и проговорила с улыбкой, больше похожей на гримасу боли:

– А теперь садись за уроки.

Прошло три дня после отъезда отца. И вот теперь демоны со смехом плясали в огне, а в доме поселилось какое-то ужасное, неосязаемое существо. Оно то занимало пустующий стул возле печи, то усаживалось между мальчиком и женщиной за ужином, преследуя их повсюду, словно туча черного пепла, поднятого странствующим ветром.

В углах обеих комнат становилось все холодней, запас дров постепенно уменьшался, и было заметно, как призрачный туман вырывается из ноздрей матери при каждом выдохе.

– Я возьму топор и наколю дров, – сказал мальчик, под-

нимаясь со стула.

– Нет!

Мать мгновенно вскинула голову, их серые глаза встретились и не расходились несколько секунд.

– Переночуем с тем, что у нас есть. Сейчас слишком темно, подожди, пока рассветет.

– Но этого же не хватит...

– Я сказала: «Подожди до утра!»

Она почти сразу отвела взгляд, как будто устыдившись чего-то. В отблесках пламени сверкали вязальные спицы, а из-под них постепенно появлялся свитер для мальчика. Он сел на место и увидел ружье в дальнем углу комнаты. Двустволка тускло светилась красным огнем, словно чей-то глаз в темноте. Вдруг огонь вспыхнул, взвился и затрещал, поднявшийся пепел закрутился в дымоходе и вылетел наружу. Жар волнами окатывал скулы и переносицу мальчика, а его мать качалась в кресле у него за спиной, время от времени поглядывая на профиль своего сына.

Причудливые картины сплетались в пламени, образуя живую фреску: мальчик увидел черную повозку, которую везли две белые лошади с траурными плюмажами, увидел облака пара от их дыхания. В повозке лежал незатейливый маленький гроб. Следом шли мужчины и женщины в черной одежде, кого-то сотрясали рыдания, кто-то всхлипывал. Сапоги хрустели по снегу. Приглушенные звуки. Печать тайны на лицах. Пугливо-прищуренные взгляды в сторону багря-

но-серой горы Джегер. В этом гробу лежал маленький Гриска, и траурная процессия везла то, что от него осталось, на кладбище, где уже поджидал лелкес¹.

Смерть. Она всегда казалась мальчику чем-то холодным, чуждым и далеким, не принадлежавшим ни его миру, ни миру отца с матерью, а скорее тому, в котором жила бабушка Эльза, когда стала совсем больной, с пожелтевшей кожей. Тогда отец и произнес это слово: «Умирает». В ее комнате нужно было вести себя тихо, потому что она не могла больше петь тебе и хотела теперь только одного – спать. Смерть казалась мальчику временем, когда умолкают все песни и ты счастлив только тогда, когда закрываешь глаза. И вот теперь он смотрел на ту похоронную повозку в своей памяти до тех пор, пока не просело полено и язычок пламени не появился в другом месте. Мальчик вспомнил, как перешептывались одетые во все черное жители Крайека: «Какой ужас! Всего восемь лет. Бог забрал его».

Бог? Остается только молиться и надеяться, что Ивона Гриску и в самом деле забрал Бог.

Мальчик продолжал вспоминать. Он видел, как гроб опускали на веревках в темный квадрат в земле, а лелкес читал молитвы и помахивал распятием. Крышку гроба заколотили гвоздями и обмотали колючей проволокой. Перед тем как могилу засыпали землей, лелкес перекрестился и бросил туда свое распятие. Это случилось неделю назад, до того как

¹ Лелкес – священник (венг.).

потерялась вдова Янош, до того как семья Шандор исчезла снежной воскресной ночью, оставив все свое имущество, до того как Иоганн-отшельник рассказал, что видел обнаженных людей, танцующих на открытой всем ветрам вершине Джебегер с огромными волками, что охраняют эту населенную призраками гору. Вскоре после этого Иоганн тоже пропал вместе со своей собакой Видой. Мальчик вспомнил суровое лицо отца, искры глубокой тайны в его глазах. Однажды он слышал, как отец сказал маме: «Они снова зашевелились».

В печи со вздохом осели поленья. Мальчик моргнул и отодвинулся подальше. Спицы в руках матери замерли, она наклонила голову в сторону двери и прислушалась. Ветер ревел, принося с собой снег со склонов горы. Утром нужно будет сильно постараться, чтобы дверь открылась и твердый наст разлетелся вдребезги, словно стекло.

«Папа уже должен был вернуться, – подумал мальчик. – На улице такой холод, такой холод. Конечно же, папа не мог задержаться так надолго».

Казалось, тайны окружали со всех сторон. Только вчера ночью кто-то пришел на кладбище Крайека и раскопал двенадцать могил. Включая ту, в которой лежал Ивон Гриска. Гробов так и не нашли, но ходили слухи, будто бы лелкес разыскал в снегу кости и черепа.

Кто-то постучал в дверь, словно молот ударил по наковальне. Раз, потом еще. Мама вскочила со стула и обернулась.

– Папа! – радостно закричал мальчик.

Он вскочил, тут же забыв об огненном лице в пламени печи, и бросился к двери, но мать схватила его за плечо.

– Тш-ш-ш! – прошептала она, и они вместе замерли в ожидании, а тени их расплылись по всей дальней стене.

Снова стук в дверь – тяжелый, как свинец. Ветер завывал совсем как мать Ивона Гриски, когда заколоченный гроб ее сына опускали в промерзшую землю.

– Открывайте скорее! – сказал папа. – Я совсем замерз!

– Слава богу! – воскликнула мама. – О, слава богу!

Она подбежала, отперла засов и распахнула дверь. Снег лавиной налетел на нее, искажая очертания глаз, носа и рта. Сгорбленная фигура отца в полушубке и шерстяной шапке шагнула в тусклый свет печи, на его бровях и в бороде сверкали бриллианты льда. Он обхватил маму ручищами, и она едва не утонула в его объятиях. Мальчик тоже бросился к нему, радуясь возвращению отца, потому что быть старшим оказалось труднее, чем он думал. Отец провел ладонью по волосам мальчика и крепко хлопнул по плечу.

– Слава богу, ты дома! – сказала мама, повиснув на нем. –

С этим покончено?

– Да, покончено, – ответил отец, развернулся и закрыл дверь на засов.

– Иди сюда, ближе к огню. Боже милосердный, какие холодные у тебя руки! Снимай шубу, пока не промерз до смерти.

Она взяла полушубок, потом шапку. Отец подошел к печи и протянул руки к огню, пытаясь согреться. Пламя отражалось в его глазах рубиновыми искрами. Когда он проходил мимо сына, мальчик сморщил нос. Станный запах принес с собой отец. Запах... чего? Трудно сказать.

– Он весь в грязи!

Мама дрожащими руками отряхнула отцовский полушубок и повесила на крючок у двери. Она чувствовала, что слезы облегчения вот-вот хлынут из глаз, но не хотела плакать при сыне.

– В горах лютый холод, – тихо проговорил отец и двинул носком разодранного сапога полено, из-под которого тут же взвился язычок пламени. – Просто лютый.

Мальчик смотрел, как начинает таять ледяная крошка на побелевшем от мороза отцовском лице. Вдруг отец прикрыл глаза, вздрогнул и тяжело вздохнул: «Уф-ф-ф». Потом снова открыл глаза, обернулся к сыну и посмотрел на него:

– Что ты так на меня вылупился, малыш?

– Ничего. Просто так.

Такой странный запах. Что бы это могло быть?

Отец кивнул:

– Подойди ко мне.

Мальчик сделал один шаг и остановился. Ему вспомнились лошади, везущие гроб, и причитания плакальщиц.

– Ну же! Иди сюда, говорю.

Мать в дальнем углу комнаты все еще держала в руках

полушубок. Ее улыбка скривилась, как будто она только что получила пощечину от чьей-то вынырнувшей из тени руки.

– Все в порядке? – спросила она, и в голосе ее прозвучала нотка органа из будапештского собора.

– Да, – ответил отец, протягивая руку к сыну. – Все замечательно, потому что я дома, со своей семьей, там, где и должен быть.

Мальчик заметил, как тень коснулась лица матери и как оно мгновенно потемнело. Рот ее приоткрылся, а глаза расширились в озера, полные недоумения.

Отец взял сына за руку. Кожа на отцовской ладони была твердой, со следами ожогов от веревки. И ужасно холодной. Отец подтянул мальчика ближе. Еще ближе. Пламя огня извивалось, как разворачивающая свои кольца змея.

– Да, – прошептал он, – все в порядке.

Его взгляд остановился на жене.

– Как ты допустила, чтобы в моем доме было так холодно?

– Я... прости меня, – пробормотала она и задрожала, а глаза ее сделались глубокими ямами, полными ужаса.

– Лютый холод, – сказал отец. – Я чувствую, что промерз до костей. А ты, Андре?

Мальчик кивнул, глядя на темное отцовское лицо, выхваченное из тени огнем, и на свое отражение, плавающее в его глазах, более темных, чем прежде. Да, гораздо темнее, словно горные пещеры, и с серебристым налетом по краям. Мальчику пришлось приложить такое усилие, чтобы отвести

взгляд, что у него заболела шея. Он задрожал точно так же, как мама. Мальчик и сам не смог бы объяснить, почему его охватил страх. Он только знал, что запах от одежды, кожи и волос отца был точно такой же, как в той комнате, где бабушка Эльза заснула навсегда.

– Мы поступили неправильно, – проворчал отец. – Я, твой дядя Йозеф и другие люди из Крайека. Не стоило нам забираться в горы...

Мама охнула, но мальчик не смог повернуть голову и посмотреть на нее.

– ...потому что мы ошибались. Все мы. Это совсем не то, что мы думали...

Мама заскулила, как попавший в капкан дикий зверь.

– ...понимаешь?

А отец улыбнулся. Теперь он уже стоял спиной к печи, но белизна его лица пробивалась сквозь тени. Рука крепче сжала плечо сына, и мальчик вздрогнул, словно бы северный ветер с ревом пронесся сквозь его душу. Мама всхлипнула, и мальчик хотел оглянуться и посмотреть, что с ней случилось, но он не мог шевельнуться, не мог повернуть голову, не мог даже моргнуть.

– Мой милый, маленький сынок, – с улыбкой произнес отец. – Мой милый, маленький Андре...

И он нагнулся к сыну.

Но в следующий миг его лицо исказилось, а глаза вспыхнули серебром.

– НЕ СМЕЙ! – гаркнул он.

Мальчик вскрикнул и вырвался из отцовской хватки. Он увидел маму с дробовиком в трясущихся руках и раскрытым в отчаянном крике ртом. И как раз в тот момент, когда он подбежал к ней, мама нажала сразу на оба спусковых крючка.

Заряды просвистели над мальчиком и угодили в голову и в горло отцу. Яростно и раскатисто взревев, он отлетел назад и повалился на пол, лицо его скрылось в тени, а сапоги зарылись в красные угли.

Мама выронила ружье, сдавленное рыдание превратилось в приступы безумного смеха. Отдача едва не раздробила ей правое плечо и отбросила к двери так, что из ее глаз хлынули слезы. Мальчик замер с бешено колотящимся сердцем. Густой запах пороха забил его ноздри. Он смотрел на обезумевшую женщину, только что застрелившую его отца, – на ее искаженное лицо, пузырящуюся на губах пену и мечущиеся от одной тени к другой глаза.

И тут с другого конца комнаты послышался долгий, тягучий скрежет.

Мальчик обернулся.

Отец поднимался на ноги. Половина его лица исчезла; подбородок, челюсть и нос свисали белыми, бескровными волокнами. Уцелевшие зубы сверкали в отблесках пламени, а превратившийся в месиво глаз болтался на толстой вене над развороченной дырой на месте бывшей скулы. Пошатываясь, он стоял на корточках, а его огромные пальцы скрю-

чилились, словно когти. Он попытался усмехнуться, и оставшаяся половина рта нелепо изогнулась вверх.

И только в это мгновение мальчик и его мать заметили, что из ран не течет кровь.

– Чудовище! – закричала мама, прижимаясь спиной к двери.

Слово ворвалось в голову мальчика, выдирая крупные куски его сознания, так что он застыл и онемел, словно оголенное пугало зимой.

– Чудовище! – повторяла мама. – Чудовище!

– Э, не-е-ет, – прошипело обезображенное лицо, и тварь заковыляла к ней, шевеля когтями в голодном нетерпении. – Не так просто, драгоценная моя супруга...

Она схватила сына за руку и отодвинула дверной засов. Тварь была уже близко, когда завывания ветра и стена снега ворвались в дом. Тварь попятилась, прикрывая ладонью единственный глаз. Мама потащила мальчика за собой в ночь. Снег цеплялся им за ноги, пытаясь остановить.

– Бежать! – пробился сквозь рев ветра крик матери. – Нам нужно бежать!

Они пробивались вперед сквозь резкие, как удары кнута, снежные порывы, и мама так крепко обхватила запястье мальчика, что, казалось, ее пальцы стали одним целым с его костями.

Где-то в ночи закричала женщина, пронзительно и испуганно. Затем мужской голос взмолился о пощаде. На бегу

мальчик оглянулся на сбившиеся в кучу дома Крайека, но не смог ничего различить сквозь выюгу. И все же ему показалось, что к сотне голосов ветра примешивается хор жутких воплей. Прерывистая какофония хохота нарастала и нарастала до тех пор, пока не заглушила призывы к Богу и милосердию. Мальчик мельком разглядел свой дом, скрывающийся вдали. Тусклый красный свет вытекал за порог, словно последний уголек угасающего в печи огня, о котором он так заботился. Неповоротливая полуслепая тварь проковыляла во двор через дверной проем. А потом мальчик услышал яростный рев, вырвавшийся из бескровного, изуродованного горла:

– Я НАЙДУ ВАС!

Мама снова дернула мальчика за руку, и он едва не споткнулся, но она все тащила и тащила его за собой, вынуждая перейти на бег. Ветер со свистом хлестал их по лицу, и черные волосы мамы уже побелели от снега, как будто она состарилась в считанные минуты или обезумела, подобно какому-нибудь психу из сумасшедшего дома, что принимает свои кошмары за оскал лишенной теней реальности.

Внезапно из гущи присыпанных снегом сосен показалась чья-то фигура, хрупкая, тонкая и белая, как озерный лед. Ветер трепал длинные волосы и раздувал изъеденные червями лохмотья. Оборванец постоял на заснеженном пригорке, поджидая их, а затем, прежде чем мама успела как следует разглядеть его, заступил им дорогу и с детской улыбкой про-

тянул ладонь, словно бы высеченную из льда.

– Мне холодно, – сказал Ивон Гриска, по-прежнему улыбаясь. – Я ищу дорогу домой.

Мама остановилась, вскрикнула и выбросила руку перед собой. На мгновение мальчик замер под взглядом Ивона Гриски и услышал в своей голове эхо его шепота: «Ты ведь будешь со мной дружить, Андре?» И он едва не ответил: «Да, о да», но тут мама крикнула что-то, что было унесено ветром. Она потянула его за собой, и он оглянулся с холодным сожалением. Ивон уже забыл о них и медленно зашагал по снегу в сторону Крайека.

– Папа! – позвал мальчик, но услышал в ответ лишь отдаленный, насмешливый вой ветра. – Папа!

Его слабый, усталый голос сорвался. Ресницы отяжелели от снега. Но тут мама с трудом поднялась на ноги и снова потащила его за собой, хотя он отбивался и пытался вырваться. Она отчаянно встряхнула его и закричала:

– Он умер! Неужели ты ничего не понял? Нам надо бежать, Андре, бежать, пока хватит сил!

Ледяные дорожки белым кружевом перечертили ее лицо, и мальчик вдруг понял, что мама сошла с ума. Папа тяжело ранен, потому что мама выстрелила в него. Но он не умер, нет. Он там, он ждет.

А затем плену тьмы разорвал слабый огонек. Дым из трубы. Они разглядели занесенную снегом крышу и ринулись

на этот свет, насквозь промерзшие, спотыкающиеся. Мама что-то бормотала себе под нос, истерически смеялась и подгоняла мальчика. Он боролся с костлявыми пальцами холода, сжимавшими горло.

«Ложись, – шептал ветер ему в затылок. – Остановись и усни прямо здесь. Эта женщина сделала плохо твоему папе, и тебе тоже может. Ложись прямо здесь и согрейся немного, а утром папа придет за тобой. Да, малыш, спи и забудь обо всем».

Потрепанная непогодой вывеска дико скрипела, раскачиваясь туда-сюда над тяжелой дверью. Мальчик разобрал слабые следы слов: «ТРАКТИР „ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ“». Мама бешено заколотила в дверь, в то же время встряхивая мальчика, чтобы он не заснул.

– Впустите нас, пожалуйста, впустите! – кричала она, продолжая стучать по дереву онемевшим кулаком.

Мальчик споткнулся и завалился на нее, свесив голову набок.

Дверь распахнулась рывком, и к ним потянулись длиннорукие тени. Колени мальчика подогнулись, и он услышал, как закричала мама, когда холод – запретным прикосновением любящего чужака – нежно поцеловал его перед сном.

Котел

Пятница, 25 октября

I

Усеянная звездами ночь, черная, как асфальт шоссе, который пузырился, как варево в котле под полуденным солнцем, теперь густо покрывала длинный сухой участок трассы Техас-285 между Форт-Стоктоном и Пекосом. Тьма, плотная и неподвижная, словно глаз бури, зажата между убийственной жарой сумерек и рассветом. Плоская, как сковорода, земля по обеим сторонам трассы заросла колючим кустарником и свечевыми кактусами. Под брошенными корпусами старых автомобилей, которые солнце и внезапные песчаные бури объели до металла, укрывались свернувшиеся кольцами гремучие змеи, все еще чувствующие ужасные следы укусов солнца.

Возле одного из таких остовов – ржавого и искореженно-го, с разбитым ветровым стеклом и дырой на месте двигателя, унесенного каким-то умельцем-оптимистом, – обнюхивал землю в поисках воды заяц. Почувяв скрытую глубоко в земле прохладу, он принялся копать передними лапами, но через мгновение остановился, и нос его дернулся в сторону днища машины. Зверек напрягся, уловив змеиный запах. Из

темноты донеслось тонкое дребезжание, и заяц отскочил назад. Ничего не произошло. Инстинкт подсказывал зайцу, что внизу скрыто гнездо, и писк змеиных детенышей привлечет охотящуюся где-то мать. Вынюхивая змеиный след, заяц отбегал все дальше от машины в сторону шоссе, и только песок шуршал под его лапами. Он уже добрался до середины дороги, возвращаясь в свою нору к зайчатам, когда внезапная дрожь под лапами заставила его замереть на месте. Заяц повернул голову к югу, длинные уши вздернулись, ловя отдаленный шум.

Сверкающий белый шар медленно восходил над дорогой. Зверек заворуженно смотрел на него. Заяц не раз наблюдал, стоя над своей норой, как эта белая штуковина парит в небе, иногда она казалась больше, чем сейчас, иногда – желтее, иногда ее вообще не было, порой из нее торчали усики и она оставляла в воздухе дразнящий запах дождя, который никогда не прольется. Заяц не испугался, потому что привык к виду этой штуковины в небе, но дрожь, которую он сейчас ощущал, взъерошила мех на его спине. Белый шар все рос и рос, неся с собой шум, похожий на раскаты грома. Через мгновение шар ослепил зайца, нервные клетки послали сигнал опасности в мозг. Зверек метнулся к спасительной обочине, оставляя за собой длинную полосу тени.

Заяц был уже, наверное, в трех футах от спасительных колючих зарослей, когда черный как ночь чоппер² «Харлей-Дэ-

² Чоппер – тип мотоцикла с удлиненной рамой и передней вилкой.

видсон 1200СС», летящий под восемьдесят миль в час, вильнул прямо на него, раздробив позвоночник. Зверек завизжал, крохотное тельце забилось в предсмертных судорогах. Рессоры почти не почувствовали сотрясения от короткого удара, и огромный мотоцикл с ревом понесся дальше на север.

Несколько минут спустя к остывающей заячьей тушке волнообразно подползла гремучая змея.

Укутанный в кокон грохота и ветра мотоциклист, вглядываясь в белый конус света, отбрасываемый мощной передней фарой, едва уловимым движением направил машину к центру дороги. Он вскинул над головой кулак в черной перчатке, машина заурчала, словно сытая пантера, и рванулась вперед, наращивая скорость, пока стрелка спидометра не зависла чуть ниже отметки девяносто. Гонщик ухмыльнулся под защитным стеклом выдавшего вида черного защитного шлема. Он был одет в черную облегающую кожаную куртку и потертые джинсы с кожаными вставками на коленях. На спине старой, исцарапанной куртки раздувала капюшон ярко-красная королевская кобра, светящаяся краска на ней шелушилась, словно змея сбрасывала кожу. Машина с ревом мчалась вперед, раздвигая стену тишины и оставляя позади испуганных обитателей пустыни. Слева от дороги показался яркий рекламный щит, весь изрешеченный ржавыми дырами от пуль – синие музыкальные ноты, парящие над двумя опрокинутыми рыжими пивными бутылками. Гонщик бросил на

щит быстрый взгляд и прочитал: «НАЛИВАЙКА ПРЯМО ПО КУРСУ», и чуть ниже: «ЗАПРАВЬСЯ, ПРИЯТЕЛЬ!»

«Ага, – подумал он, – самое время заправиться».

Две минуты спустя во тьме слабо замерцали голубые неоновые вспышки. Гонщик начал сбрасывать скорость, стрелка спидометра стремительно опускалась до восьмидесяти, семидесяти, шестидесяти. Впереди, над дверью приземистого деревянного здания с плоской грязно-красной крышей, виднелась вывеска: «НАЛИВАЙКА». Три легковых автомобиля, внедорожник и грузовой пикап с частично облупленной до грунтовки синей краской сгрудились вокруг него, словно усталые осы вокруг улья. Мотоциклист свернул на заросшую перекати-полем стоянку и выключил двигатель, рев мотора сменил гнусавый голос Фредди Фендера, поющего про «напрасно потраченные дни и ночи». Гонщик выдвинул подножку, и его черный «харлей» чуть подался назад, как притаившийся зверь. Он слез с мотоцикла с напряженными, как струны рояля, мускулами, ощущая меж ног нетерпеливые толчки эрекции.

Он расстегнул ремешок и снял шлем, обнажив хищное, резко очерченное лицо, бескровное и белое, как мрамор. В глубоких впадинах глаз виднелись белые зрачки со слабыми красными прожилками. Издали они казались розовыми, кроличьими, но вблизи превращались в змеиные – холодно горящие, немигающие, гипнотизирующие. Желтовато-белые волосы были коротко подстрижены. Синие полосы вен

на висках пульсировали, с небольшой задержкой повторяя ритм музыкального автомата. Он пристегнул шлем к рулю и направился к зданию, по пути бросив взгляд на припаркованные автомобили: в кабине грузовика стояла винтовка, к заднему крылу одной из машин была прилеплена наклейка с рокерской «козой», а на зеркале заднего вида внедорожника болталась пара зеленых игральные кости.

Когда он прошел через сетчатую дверь в большую, наполненную табачным дымом и духотой комнату, все шестеро находившихся там – трое за покерным столом, двое играющих в пул в ореоле подвесной лампы и еще один за стойкой – одновременно подняли головы и замерли. Мотоциклист-альбинос поочередно встретил взгляд каждого из них, а затем уселся на барный стул, красная кобра на его спине казалась в тусклом свете кричаще-яркой. После нескольких мгновений тишины бильярдный кий щелкнул по шару с резкостью пистолетного выстрела.

– Вот черт! – сказал один из игроков, широкоплечий, в красной клетчатой рубашке и пропыленных левисах, вероятно тысячу раз цеплявшихся за колючую проволоку. – Ну, по крайней мере, я запарол тебе верный шар, так ведь, Мэтти?

– Еще бы! – согласился Мэтти, приблизительно сорокалетний долговязый и неуклюжий мужчина с короткими рыжими волосами под пропотевшей ковбойской шляпой, наведенной на морщинистый лоб.

Он задумчиво пожевал зубочистку, чуть сдвинулся, что-

бы лучше рассмотреть расположение шаров, и снова пожевал, все это время краем глаза наблюдая за белобрысым пижоном.

Бармен, здоровенный мексиканец с татуировкой на плечах и черными глазами под тяжелыми веками, склонился над стойкой, кругами вода мокрой тряпкой.

– Чем-нибудь помочь? – спросил он, посмотрев в лицо альбиносу, и тут же почувствовал себя так, словно ему в спину воткнули нож для колки льда.

Он оглянулся туда, где Слим Хокинс, Бобби Хейзелтон и Рэй Коуп уже третий час сидели за своим обычным пятничным покером. Бобби пихнул Рэя локтем в ребра и ухмыльнулся, косясь в сторону бара.

– Пива, – коротко произнес альбинос.

– Да-да, конечно, сейчас.

Бармен Луис, облегченно вздохнув, отвернулся. Вид у мотоциклиста был странноватый, неприятный, раздражающий. Он не выглядел взрослым мужчиной – лет девятнадцати-двадцати, не больше. Луис взял с полки стеклянную кружку и бутылку «Лоун стар» из тархтящего под баром холодильника. В музыкальном автомате Долли Партон как раз запела «Гори, детка, гори». Луис пододвинул кружку альбиносу и снова вернулся к выписыванию тряпкой кругов по полированному дереву барной стойки. Он вспотел, словно под жарким полуденным солнцем.

На зеленом сукне бильярдного стола застучали друг о дру-

га шары. Один с грохотом упал в угловую лузу.

– Вот так, Уилл! – протянул Мэтти. – Теперь ты должен мне тридцать пять, правильно?

– Ага, ага. Черт возьми, Луис, выключи уже этот долбанный музыкальный ящик, а то люди не могут толком сосредоточиться на игре!

Луис пожал плечами и показал рукой на покерный стол.

– Я люблю, когда громко, – сказал Бобби Хейзелтон, зыря в свои короли и десятки.

Этот парень со стрижкой ежиком и выступающим вперед золотым зубом подрабатывал ковбоем на родео. Три года назад он едва не стал чемпионом Техаса, но один паршивый черный жеребец выбросил его из седла, так что Бобби сломал ключицу сразу в двух местах.

– Музыка помогает мне думать. Иди-ка лучше сюда, Уилл, и я отберу у тебя немного тяжелых монет, которые ты притащил с собой.

– Нет уж, на фиг! Мэтти сегодня и без тебя с этим прекрасно справляется!

Уилл убрал кий на подставку, бросил быстрый взгляд на альбиноса, а потом на Бобби.

– Вы, парни, лучше приглядывайте за стариной Бобби, – предупредил он. – В пятницу вечером он нагрел меня больше чем на пятьдесят баксов.

– Просто повезло, – сказал Бобби и выложил карты на стол.

– Че-о-орт! – мрачно протянул Слим Хокинс.

Бобби сгреб со стола мелочь.

– Иди ты в жопу со своим везением! – буркнул Рэй Коуп.

Он наклонился и выплюнул кусочек табака «Рэд мэн» в пустой бумажный стаканчик.

– Боже, как здесь жарко сегодня!

Коуп скользнул взглядом по красной кобре на куртке странного парня. «Байкер хренов, – подумал он, прищурился голубые, как лед, глаза, окруженные мелкими морщинками. – Небось понятия не имеет, что значит честно зарабатывать себе на жизнь. Не иначе один из тех оболтусов, что ограбили на днях магазинчик Джеффа Харди в Пекосе».

Альбинос поднял кружку с пивом и отхлебнул, и Рэй смог разглядеть его руки.

«Ладони под этими перчатками наверняка такие же белые и мягкие, как ляжки Мэри Рут Кэннон».

Его собственные ручищи за десять лет работы на ранчо стали грубыми, мозолистыми и рубцеватыми.

Песня Долли Партон умолкла. Ее место заняла другая пластинка и зашипела-затрещала, словно горячий жир на сковородке. Уэйлон Дженнингс запел о том, что хорошо бы вернуться в Луккенбах, штат Техас. Мэтти заказал еще одну бутылку «Лоун стар» и пачку «Мальборо».

Альбинос допил пиво, посидел немного, уставившись в пустую кружку. Потом усмехнулся, словно только ему одному понятной шутке, но усмешка эта была холодной и жут-

кой, так что уловившего ее Луиса перевернуло. Альбинос повернулся на стуле, размахнулся и запустил кружкой прямо в музыкальный автомат. Цветное стекло и пластик разлетелись вдребезги, как будто по ним одновременно выстрелили сразу из нескольких двустволок. Голос Уэйлона Дженнингса сначала превратился в режущий уши фальцет, а потом загрохотал басом, когда диск проигрывателя пошел вразнос. Замигали лампочки, пластинка зажужжала и остановилась. Бар погрузился в полную тишину, нарушаемую только звоном падающих осколков.

Луис, склонившийся над пивом для Мэтти, поднял голову и оторопело посмотрел на разбитый автомат. «Пресвятая Богородица! – подумал он. – Пять лет назад эта штукавина обошлась мне в триста долларов». Потом перевел взгляд на альбиноса, который наблюдал за ним с дьявольской усмешкой оскалившегося черепа.

– Совсем рехнулся, чувак? – закричал Луис. – За каким хреном ты это сделал?

Стулья со скрежетом отодвинулись от покерного стола. Комната тут же наполнилась, словно озоном, запахом опасности и зашкаливающих эмоций.

Глаза альбиноса казались глыбами льда с кровавыми прожилками.

– Мне не нравятся эти песенки говномесов, – заявил он.

– Ты чокнутый? – завопил Луис, и на лбу у него выступил пот.

Бобби Хейзелтон сжал кулаки и процедил сквозь зубы:

– Ты заплатишь за эту машинку, придурок.

– Как пить дать заплатишь, – поддакнул Рэй Коуп.

Альбинос нарочито медленно повернулся на стуле и посмотрел на них. От его усмешки все вмерзли в пол, кроме Уилла Дженкса, отступившего на шаг.

– Не при деньгах, – сказал альбинос.

– Тогда я вызову шерифа, придурок!

Луис двинулся вдоль стойки к телефону-автомату на стене, но негромкий вымораживающий душу голос альбиноса остановил его:

– Не вызовешь.

Луис замер на месте с бешено колотящимся сердцем.

– Зря ты раздолбал эту машинку, – сказал Мэтти, забирая с подставки бильярдный кий. – У нас тихое местечко.

– Было, – добавил Бобби. – Что ты вообще здесь делаешь, придурок? Может, собрался ограбить кого-то? Позабавиться с чьей-нибудь женой или дочкой, пока мужчины на работе? А?

– Я проездом в Эл-Эй.

Альбинос все с той же едва заметной усмешкой оглядел каждого по очереди. Под прицелом его глаз у Рэя Коупа застыла в жилах кровь, у Уилла Дженкса застучало в висках, а у Слима Хокинса по спине пробежали мурашки.

– Решил остановиться и заправиться, как написано на вывеске.

– Ты мне заплатишь, – пригрозил Луис, но голос его дрогнул.

Под стойкой лежал дробовик, но, чтобы достать его, пришлось бы подойти ближе к альбиносу, и что-то подсказывало бармену, что делать этого не следует.

– Никто не просил тебя останавливаться, белобрысый! – Рэй Коуп набрался смелости и двинулся в обход бильярдного стола к альбиносу. – Придурки-байкеры нам здесь ни к чему!

– Сами говномесы мне тоже не нравятся.

Альбинос сказал это спокойно, почти небрежно, словно речь шла о неприятном суховатом привкусе пива «Лун стар», но волна напряжения мгновенно облетела комнату. Бобби Хейзелтон выпучил глаза от ярости, под мышками расплылись пятна пота. Альбинос начал медленно расстегивать куртку.

– Что ты сказал, придурок? – прошипел Бобби.

Альбинос с безразличным видом шепнул:

– Говно... месы.

– Ах ты, сукин сын! – прокричал Бобби и бросился на мотоциклиста с кулаками.

Но в следующий миг куртка альбиноса распахнулась. Дальше были жуткий грохот, шквал голубого дыма и огромная дыра на месте правого глаза Бобби Хейзелтона. Он завопил и схватился обеими руками за лицо, но пуля с плоской головкой уже разнесла ему затылок, обсыпав окружающих осколками его костей и забрызгав каплями мозга. Боб-

би завертелся перед покерным столом и рухнул на королей, джокеров и тузов, а ноги на полу продолжали дергаться, как будто покойник еще пытался убежать.

В голубоватом дыму, что вился между ним и остальными, альбинос вытащил из-под куртки пистолет с длинным тонким стволом, черной прямоугольной коробкой магазина и рукояткой, напоминающей отпиленную ручку метлы. Из смертоносного дула все еще вытекал дым. Глаза альбиноса раскрылись чуть шире обычного, когда он посмотрел на изувеченный труп.

– Ты убил его! – не веря своим глазам, воскликнул Слим Хокинс и принялся соскребать кровь Бобби со своей белой ковбойки с перламутровыми пуговицами. – Господи боже, ты же его убил...

Вдруг его горло сжалось, дыхание перехватило, и он блевнул прямо сквозь растопыренные пальцы.

– Господь всемогущий! – произнес разинувший рот Уилл. Он уже видел штуковину вроде той, что держал в руках этот парень, на оружейной выставке в Хьюстоне. Это был старый автоматический пистолет, какие были у немцев во время Второй мировой войны. «Маузер Брумхэндл» – так, кажется, он назывался. Десять пуль в обойме, и эта проклятая штука может перестрелять их быстрее, чем успеешь моргнуть глазом.

– У этого парня пистолет-пулемет!

– Ага, так и есть, – негромко проговорил альбинос.

Сердце Луиса колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот разорвет грудную клетку. Он глубоко вдохнул и нырнул под стойку за дробовиком. И тут же испуганно вскрикнул, когда мокрый пол ушел из-под ног. Но в тот момент, когда пальцы его все-таки дотянулись до оружия и сжали холодную сталь, альбинос с налитыми жадой крови глазами повернулся кругом. Луис поднял голову навстречу двум пулям, и через мгновение они снесли ему макушку. Бармен отлетел назад и ударился спиной о шкаф с пивными кружками, мозги его вытекли наружу. Он испустил тихий, жуткий вздох и мешком рухнул на пол.

– О господи! – выдохнул Уилл.

Желчь подступила к горлу, и он едва не задохнулся.

– Держитесь, парни... Только держитесь... – снова и снова повторял Мэтти, словно заезженная пластинка из музыкального автомата.

Лицо его стало таким же белым, как у альбиноса, а ковбойскую шляпу забрызгало кровью Бобби Хейзелтона. Он поднял руки, как будто умолял о пощаде, и так оно и было на самом деле, потому что в это ужасное мгновение все они поняли, что сейчас умрут.

Альбинос шагнул вперед сквозь клубящуюся завесу дыма. Он улыбался, как ребенок, которому не терпится посмотреть, что высыплется из пакетов с рождественскими подарками, если их разорвать.

– Прошу тебя, – хрипло проговорил Уилл с круглыми от

ужаса глазами. – Прошу тебя... не убивай нас...

– Я ведь говорил, что остановился, чтобы заправиться, – равнодушно ответил мотоциклист. – Когда попадете в ад, парни, передайте дьяволу, что вас прислал Кобро. Через «о».

Он ухмыльнулся и дал очередь. Окровавленная ковбойская шляпа взлетела к потолку; тела вертелись, корчились и падали, как марионетки на обезумевших нитях; по полу зацокали чьи-то зубы, выстрелом вырванные изо рта; клочки серой рубашки с перламутровыми пуговицами дыханием вулкана отнесло в дальний конец комнаты.

А затем все стихло, если не считать негромкого шлепанья капель.

У Кобро звенело в ушах. Он щелкнул предохранителем маузера и положил пистолет, сверкающий, словно черный бриллиант, на барную стойку. Затем несколько минут с ленивым удовлетворением рассматривал застывшие в нелепых позах трупы. Жадно вдыхал запах крови и наполнялся энергией жизни. «Бог ты мой, как же хорошо! – думал он. – Дьявольски хорошо!» Эрекция прекратилась. Кобро обогнул стойку, достал из холодильника еще одну бутылку пива, осушил ее в два глотка и отшвырнул в кучу пустой посуды. «Может, взять с собой пару-тройку? – задумался он. – Нет, не стоит так нагружаться. Да и места все равно нет. Хочу остаться быстрым и свободным». Он подобрал свое оружие и засунул в кобуру, пришитую к подкладке куртки. «Эта безделушка обошлась мне в Салинасе в кругленькую сумму, – ска-

зал он себе. – Но она того стоит». Кобро нравилась его пушка, он купил ее у одного хитрого старикана, который клялся, что она не просто пылилась в антикварной оружейной лавке, а побывала в руках у настоящего гестаповца. Правда, магазин пару раз заклинивало, но в остальном она слушалась идеально. Чертовски легко пробивала тело до костей. Кобро застегнул куртку. Пистолет выжиг свой отпечаток на его боку, словно клеймо страсти. Он вдыхал и выдыхал запах крови, пока легкие не наполнились горячей сладкой медью. А потом принялся за работу, первым делом очистив кассу. Там лежали купюры номиналом в один, пять и десять долларов – всего чуть больше сорока. Забрать мелочь он не удосужился. Потом перевернул трупы и пошарил у них в карманах, стараясь не оставлять следов в лужах засыхающей крови. В сумме набралось около двухсот долларов. Кобро уже поднимался с корточек, когда заметил золотой зуб, сияющий, как самородок, в полураскрытой пещере рта того парня, которого он пристрелил первым. Выбив зуб прикладом маузера, он вернул пистолет в кобуру, а зуб положил в карман.

Теперь он готов был отправиться дальше.

Воздух пустыни снаружи показался Кобро слабым и разбавленным в сравнении с насыщенным запахом смерти в «Наливайке». Шоссе исчезало в темноте по обе стороны от него, позади над головой мерцала неоновая вывеска, впереди на земле синела его собственная тень. «Скоро кто-нибудь обнаружит этих говномесов, – сказал он сам себе. – И все де-

моны ада сорвутся с цепи. Ну и ладно. К тому времени, когда появятся патрульные, я буду уже далеко отсюда по дороге в Эл-Эй». Кобро повернул голову к темному небу на западе, все его тело слегка пощипывало.

Ощущение было сильнее, чем в Сьюдад-Акунье, сильнее, чем в Соноре, и даже сильнее, чем в Форт-Стоктоне, всего в нескольких милях отсюда. Как легкое онемение, как мгновенный кайф от понюшки кокса, как мучительно-сладкое предвкушение варящегося в ложке герыча. И с каждым разом становилось все лучше и лучше, постепенно усиливаясь по мере продвижения на запад. Временами ему казалось, что он теперь постоянно чувствует этот запах крови, когда смотрит на запад, как будто весь Тихий океан наполнился кровью и ты можешь купаться в ней сколько душе угодно, пока не напьешься допьяна и не пойдешь ко дну. Как будто ему каплю за каплей скармливали величайший наркотик в мире, и с каждой милей этой поездки безумная жажда Кобро заполучить полный удар по венам только возрастала.

А еще он видел сон, который, возвращаясь снова и снова, тянул его из Мексики обратно в Штаты. В первый раз он приснился Кобро неделю назад и повторялся три ночи подряд, совершенно одинаковый, и это чертовски... жутко: во сне он катил на своем чоппере по длинному извилистому шоссе с высокими пальмами и огромными небоскребами по обочинам. Освещение казалось странным – красноватым и тусклым, словно солнце прилипло к горизонту. Он был в чер-

ной куртке, джинсах и черном защитном шлеме, а следом за ним ехала целая армия громил-байкеров на самых разных мотоциклах, какие только может вообразить себе измученный разум, – огнедышащие твари, сверкающие ярко-красным хромом, раскрашенные фиолетовыми, неоново-голубыми и золотыми металлическими блестками, с ревущими, как драконы, моторами. Но эта армия байкеров позади Кобро выглядела как-то странно и походила на скелеты: бледнокожие существа с обведенными тенями глазами, не мигающими в миазматическом свете. Их были сотни, может быть, даже тысячи. Обесцвеченные тела прикрывали лохмотья курток из оленьей кожи; рваные джинсы с кожаными заплатами на коленях; списанные армейские бушлаты, выгоревшие на солнце до болезненно-болотного цвета. На ухмыляющихся черепах некоторых из них позвякивали шлемы со светящейся краской и покрытые трещинами и вмятинами нацистские каски. Кое-кто носил защитные очки. Сквозь стиснутые зубы пробивался зловеющий рев, звучащий все громче и громче: «Кобро! КОБРО! КОБРО!» А еще в этом сне он видел белые буквы, выложенные на холмах, что возвышались над широко раскинувшимся городом: «ГОЛЛИВУД».

Жутко.

А две ночи назад он сделался лунатиком. Дважды он открывал глаза в жаркой духоте перед рассветом и понимал, что стоит – на самом деле стоит, черт побери! – во дворе жалкой деревянной лачуги, где он скрывался последние три

недели, с тех пор как покинул страну после той вечеринки под Новым Орлеаном без малого месяц назад. Оба раза он просыпался, услышав усталый голос тринадцатилетней проститутки, с которой он тогда жил, – худющей девчонки, с черными, блестящими, как нефть, волосами и глазами сорокалетней женщины, – зовущий его из-за двери: «*Señor! Señor!*»³ Но за мгновение до того, как этот голос отложился в его мутном сознании, он, кажется, слышал другой – далекий и холодный, словно канадский ветер, шепчущий прямо ему в душу: «Следуй за мной». Оба раза он открывал глаза, стоя лицом на запад.

Кобро моргнул. Внезапный порыв пустынного ветра швырнул песок ему в лицо. Пора двигаться дальше. «А уж когда я доберусь до места, – подумал он, шагая через стоянку к своему чопперу, – там начнется адская вечеринка». Он оседлал свой «харлей», нахлобучил шлем, застегнул ремешок и опустил шлем словно дьявольский рыцарь перед битвой. Надавил на педаль стартера, и грохочущая машина выкатилась со стоянки, оставляя позади притихшую «Наливайку» с ее последними клиентами. В животе чувствовалась приятная тяжесть.

На шоссе он разогнался почти до восьмидесяти. Придется ехать по худшей из пустынных дорог, чтобы разминуться с полицией штата. «Осторожность и в самом деле не помешает, – сказал он себе. – Но мне нужно поторапливаться».

³ Господин (*исп.*).

Потому что Кобро был убежден в одном: он следует за настойчивым зовом смерти.

II

Энди Палатазин открыл глаза в прохладной темноте собственной спальни с одной леденящей душу мыслью: «Таракан здесь». Он лежал неподвижно – медвежье тело, закутанное в голубые простыни, – и ждал, когда уймется сердцебиение. Лежал и прислушивался к тихим звукам ночи: скрипу лестницы внизу, приглушенному гудению холодильника, тиканью будильника на столике у кровати и всяким другим шепотам, шорохам и потрескиваниям. Он вспомнил, как в детстве мама рассказывала ему сказки про эльфов, что ночью появлялись из темноты верхом на мышах, чтобы устроить праздник, а потом исчезали на рассвете. Рядом с ним шевельнулась Джо, придвигаясь ближе. «Что же разбудило меня? – гадал он. – Раньше я никогда так не просыпался!»

Палатазин чуть приподнял голову – посмотреть на часы. Ушла целая минута на то, чтобы рассмотреть крохотные светящиеся цифры: одиннадцать пятьдесят. «Нет, Таракана здесь нет, – сказал он себе. – Таракан где-то в Лос-Анджелесе и творит все, что ему вздумается». Его замутило от ужаса и отвращения при одной мысли о том, что может принести это утро. Он лег на спину, и пружины кровати сразу провисли и заскулили, как плохо натянутые струны арфы. В любой

момент они могли впиться в спину или ягодицы. Матрас был слишком тонкий, сваявшийся за те долгие годы, что нес на себе его нешуточный вес, который колебался от двухсот десяти фунтов летом, когда Палатазин поигрывал в гольф с другими полицейскими, до двухсот тридцати под Рождество, когда он обедался запеканкой с говядиной и сметаной, что готовила для него Джо.

Он лежал, уставившись в потолок. Из-за угла Ромейн-стрит выехал автомобиль, свет фар скользнул по стене и исчез. «Совсем скоро начнется новый день», – сказал себе Палатазин. Октябрь в Лос-Анджелесе. Не похожий на те, что он помнил из детства. То были настоящие октябри, с диким ветром и беспорядочным снегопадом, холодными серыми небесами и градом, стучавшим по подоконнику. Калифорнийские октябри были фальшивыми, пустыми, не приносящими удовольствия: холодный бриз по утрам, а потом еще раз ночью, но при этом жаркое солнце в полдень, если только небо не закрывали облака, что на самом деле случалось крайне редко. Трудно поверить, что где-то идет снег, когда видишь людей в рубашках с короткими рукавами на улицах Эл-Эй. Это был город вечного лета, страна золотой юности. Иногда ему до боли в сердце хотелось увидеть хотя бы одну снежинку. О да, он мог посмотреть на снег осенью и зимой, в ясный день, когда пурпурные склоны гор Сан-Габриэль не скрыты туманом или смогом, но пальмы, раскачивающиеся повсюду, куда ни кинешь взгляд, портили эту кар-

тину. В прошлом году температура на Рождество была выше шестидесяти градусов⁴. Палатазин припомнил рождественские праздники своего детства, при десяти или даже двенадцати градусах ниже нуля, когда окна были залеплены снегом и льдом, и папе приходилось выламывать дверь с помощью...

Воспоминания внезапно оборвались. Он вернулся мыслями к тому, что разбудило его: Таракан. Этот tarlo⁵ ползал где-то по восьмимиллионному городу, ожидая удобного момента для удара. Или, может быть, уже нанося удар. В пятницу ночью молодые проститутки выстраиваются вдоль бульваров Сансет и Голливуд. «Возможно, сегодня он совершит ошибку, – сказал себе Палатазин. – Возможно, он клонет на одну из женщин-полицейских, и тогда кошмар закончится». Четыре девушки за две недели, и все сначала задушены сильными руками, а потом изнасилованы. А записки, которые это мерзкое чудовище оставляло на трупах! Бессвязные, написанные от руки сообщения, где одновременно говорилось и о Божественном замысле, и о том, что проститутки – в записках они именовались «греховодницами» – лживые посланницы ада, которых может усмирить только смерть. Палатазин помнил текст записок почти слово в слово. Он изучал их снова и снова с самого утра 27 сентября, когда рыбак из Венис обнаружил на берегу, под прогнившим причалом, труп

⁴ *Шестидесять градусов* по Фаренгейту – это 15,5° по Цельсию.

⁵ Придурок (венг.).

Китт Кимберлин – девятнадцатилетней разведенки с двумя детьми.

«Бог призвал меня в ночи, – говорилось в записке. – Бог прямо сейчас находится среди нас, и из всех людей этого города он призвал меня исполнить его промысел!» Эта первая записка, торопливо накорябанная синими чернилами на обычной машинописной бумаге из аптекарского магазина, не была подписана. Но полицейский из Вениса по фамилии Дуччо заметил, что рот покойницы набит дохлыми тараканами; история просочилась в прессу, и «Лос-Анджелес тэттлер» первой напечатала передовицу, которую, разумеется, написала Гейл Кларк, под заголовком «ГДЕ ТАРАКАН НАНЕСЕТ СЛЕДУЮЩИЙ УДАР?». Зловещие фотографии с места убийства, сделанные Джеком Киддом, были разбросаны по всей странице, и на той неделе поганая газетенка разошлась, наверное, миллионным тиражом. Когда следующую жертву – шестнадцатилетнюю чикано⁶ – нашли под брезентом на пустыре в Голливуде, там снова оказались мертвые тараканы, и другие газеты подхватили это прозвище.

Третье сообщение было подписано: «Таракан. Ха-ха! Мне нравится». Последняя записка, найденная на трупке голубоглазой блондинки, сбежавшей из Сиэтла, тревожила сильнее остальных: «Мастер зовет меня. Теперь он обращается ко мне по имени, и я должен ответить. Он говорит, что я нужен

⁶ *Чикано* – самоназвание американцев мексиканского происхождения, проживающих на юге Соединенных Штатов.

ему, и у меня перестает болеть голова. Он сказал, что я все делаю неправильно и что он научит меня такому, о чем я даже не мечтал. Больше вы обо мне не услышите». Она тоже была подписана прозвищем Таракан, и рот девушки опять был забит насекомыми.

Это случилось 10 октября. И вот уже тринадцать дней о нем ни слуху ни духу. Где он? Что он задумал? Прятался, ждал своего часа и посмеивался над тем, как полицейский департамент Эл-Эй роет землю, проверяя каждую наводку; каждый слух; каждую услышанную в баре или бильярдной историю о том, что кто-то знает кого-то, кто якобы знаком с парнем, который по пьяни хвастался, что прикончил какую-то девку и ему все сошло с рук; каждый рассказ сутенера о попавшемся ему той ночью по-настоящему стремном клиенте со странным горящим взглядом, который говорил, что у него есть с собой горстка тараканов для Китт Кимберлин; каждый послеполуденный телефонный звонок испуганной жены, шептавшей в трубку, что она не может понять, что произошло с ее Гарри, или Томом, или Джо, но ведет он себя очень странно и возвращается домой почти на рассвете. Палатазин словно бы слышал коллективное: «Да, мэм, спасибо, что позвонили, мы все выясним» – от дюжины разных полицейских в разных участках по всему городу, произнесенное именно в это мгновение.

Все газеты, от «Таймс» до «Тэттлер», нацелились исключительно на Таракана и его преступления. Вечерние телеви-

зионные новости постоянно напоминали о нем, на что-то намекали, на кого-то ссылались. Какое-то время торговля телом на бульварах Сансет и Голливуд после полуночи затихла, но теперь дело кипит как обычно. Правда, никто ничего не забыл: шутка о том, что полиция Эл-Эй не в состоянии отыскать даже таракана, кое-кому показалась очень смешной. Эти два слова преследовали Палатазина повсюду, не выходили из головы даже по ночам, хихикали, лежа возле его кровати, как разлагающийся труп, чтобы он запнулся о них, когда отправится поутру чистить зубы: «Найди Таракана!»

Как? Разумеется, этот парень псих. Животное, *fattyu*⁷, маньяк. Но при этом хитрый и осторожный. А город такой огромный, такой безграничный, в нем полно потенциальных убийц. Как? Над этим вопросом Палатазин бился постоянно, потому что именно он – капитан отдела по расследованию убийств в Паркер-центре⁸ в даунтауне Эл-Эй – отвечал за это дело. Он видел страх и недоверие на лицах горожан, когда те стояли кучками на бульварах или размышляли об изменчивых поворотах жизни и смерти в прокуренных барах. По своей омерзительности действия этого маньяка превосходили все, что совершили Хилсайдские душители⁹. Но если что-

⁷ Незаконнорожденный, ублюдок (*венг.*).

⁸ *Паркер-центр* – штаб-квартира Департамента полиции Лос-Анджелеса.

⁹ *Хилсайдские душители* – серийные убийцы из Лос-Анджелеса Кеннет Бьянки и Анджело Буоно, которые, используя полицейскую форму, изнасиловали и убили больше десяти женщин.

то и могло привлечь внимание всего Эл-Эй, то только шоу ужасов.

«Мерзкая тварь», – думал Палатазин, глядя в потолок и пытаясь представить себе внешность этого человека. Судя по синякам на шеях жертв, у него должны быть чрезвычайно большие и сильные кисти рук; вероятно, предплечья и плечи тоже хорошо развиты. Возможно, у него еще и очень быстрые рефлексы – только одна из женщин сумела впиться ногтями ему в кожу, но даже по этому крошечному кусочку специалисты из полицейской лаборатории установили, что Таракан был черноволосым белым мужчиной, скорее всего – моложе сорока лет. Психически больной человек, садист, казался наслаждавшийся новообретенной известностью. Но что вынудило его залечь на дно? Что заставило его прекратить убийства так же внезапно, как они и начались? «Тринадцать дней, – подумал Палатазин. – След все остывает и остывает. Чем он сейчас занят? Где прячется?»

И тут Палатазин вдруг осознал, что слышит какой-то посторонний шум. Тот звук, который, как он интуитивно понял, как раз и разбудил его.

Это был легкий, тихий скрип, будто кто-то прохаживался по полу возле кровати. Рядом снова шевельнулась и вздохнула Джо, погруженная в сон.

У Палатазина заледенела кровь. Он поднял голову.

В ногах кровати, перед окном, выходящим на Ро-мейн-стрит, вдоль которой стояли плечом к плечу, словно

давние друзья, старые дома с деревянными перекрытиями, сидела в кресле-качалке Нина, мать Палатазина, сидела и раскачивалась взад-вперед. Она была маленькой, морщинистой и усталой на вид, но глаза ее сурово сверкали в темноте.

Сердце бешено заколотилось в груди Палатазина. Он сел, выпрямившись, и услышал свой собственный шепот, сначала на родном венгерском, а потом уже на английском:

– *Аnya...* мама... Боже мой!

Взгляд матери остался непреклонным. Она словно бы пыталась что-то сказать, он видел, как шевелятся ее губы, а впалые щеки подрагивают от напряжения. Она приподняла слабую руку и махнула ею так, будто хотела, чтобы сын немедленно встал, словно бы говоря: «Опоздаешь в школу, лежебока».

– Что случилось? – спросил он с посеревшим лицом. – Что случилось?

Чья-то рука схватила его за плечо. Он охнул и обернулся, по спине забегали мурашки. Его жена, маленькая, милая женщина сорока с небольшим лет, с тонкими, как фарфор, костями, глядела на него затуманенными темно-синими глазами.

– Пора вставать? – еле ворочая языком, спросила она.

– Нет еще, – ответил он. – Спи.

– Что тебе приготовить на завтрак?

Он наклонился, поцеловал ее в щеку, и она положила голову обратно на подушку. Ее дыхание мгновенно успокои-

лось. Он обернулся к окну, и на лбу выступили бисеринки холодного пота.

Кресло-качалка стояло в углу, на своем обычном месте, и было пустым. На мгновение ему показалось, что оно дернулось, но, приглядевшись, он понял, что кресло не качается. И вообще не качалось. Еще один автомобиль проехал по улице, послав короткий отблеск света гоняться за вцепившимися в потолок тенями.

Палатазин долго смотрел на кресло, а потом снова лег на кровать. Натянул простыню до самой шеи. Мысли дико вертелись в голове, словно обрывки разодранной в клочья газеты. «Конечно же, это все давление. НАЙДИ ТАРАКАНА. Но я же видел ее, видел! Утром снова начнется беготня, опросы свидетелей и телефонные звонки. НАЙДИ ТАРАКАНА. Я видел, как моя мать сидела в этом кресле... День начнется рано, так что тебе нужно поспать... закрой глаза... я видел ее... закрой глаза... да, да, видел!»

Наконец веки отяжелели, и глаза закрылись. Сон принес кошмарную тень, которая преследовала женщину и маленького мальчика по равнине, заваленной высокими сугробами. Последняя связная мысль, перед тем как он бросился наутек по заснеженному полю, была о том, что мать умерла в первую неделю сентября.

III

Приблизительно в то же время, когда Энди Палатазин смотрел на пустое кресло-качалку, Митчелл Эверетт Гидеон, сорокачетырёхлетний предприниматель высшего разряда, недавно избранный вице-президентом Клуба миллионеров Лос-Анджелеса, прикурил темнолистовую двухдолларовую сигару «Хойя де Никарагуа» от золотой зажигалки «Данхилл». Этот был бойкий низкорослый мужчина с объёмистым брюшком и лицом, которое можно было бы посчитать невинным, как у Шалтая-Болтая, если бы не глубоко посаженные темные глаза и жесткая линия тонкогубого рта. Сидя в устланном золотистым ковром кабинете своего особняка в стиле пуэбло, располагавшегося в Лорел-Каньоне, Гидеон изучал полдюжины счетов, разложенных на антикварном столе из красного дерева. Это были счета на поставку самых обычных товаров: пара составов необработанных дубовых досок определенной длины и ширины, прибывших на фабрику в районе Хайленд-Парка; контейнеры с олифой и морилкой; несколько рулонов шелка от «Ли Вон и К°» из Чайна-тауна; тюки хлопкового тика; шесть бочек с бальзамирующей жидкостью.

– Чтоб вы подавились, грабители! – проворчал он, выдавая свое нью-йоркское происхождение простым скруглением языка. – Грязные, подлые грабители! Особенно Ли Вон.

Пятнадцать лет веду дела с этим китайцем, – продолжил он, прикусив сигару. – А теперь вдруг старый усёрок в третий раз за год поднимает цену. Господи!

И остальные ничуть не лучше. Дуб в нынешние времена стоит столько, что можно без штанов остаться, и на прошлой неделе Винченцо со склада лесоматериалов братьев Гомес позвонил Гидеону, чтобы поплакаться о том, чем он пожертвовал, продавая товар так дешево.

«Задницей ты моей пожертвовал! – подумал Гидеон, жуя сигару. – Еще один чертов грабитель! Ну ничего, через два-три месяца наступит время перезаключения контрактов. Тогда и посмотрим, кто хочет иметь со мной дело, а кто нет!»

Он набрал полный рот дыма, выдохнул в потолок и смел со стола счета рукой с бриллиантовым кольцом на пальце.

«Накладные расходы в этом году просто убийственные, – сказал он себе. – Пожалуй, только одна бальзамирующая жидкость не взлетела в цене, хотя ребята из лаборатории Де Витта тоже угрожающе шумели об этом. Как, черт побери, вести достойную жизнь в такие времена?» Зажав сигару в зубах, Гидеон поднялся из-за стола, прошел в дальний конец кабинета и налил себя изрядную порцию «Чивас Ригала» из графина. Он был в отглаженных до хруста брюках цвета дубовой коры, огненно-алой рубашке, расстегнутой на груди и открывавшей вид на золотые цепочки на шее, и коричневых мокалинах от «Гуччи». На кармане рубашки белыми буквами была вышита монограмма: МГ. Прихватив с собой сига-

ру и стакан с «Чивасом», Гидеон вышел через стеклянную дверь на длинную террасу с коваными чугунными перилами. Прямо под ним был пятидесятифутовый обрыв в темноту, заросшую деревьями и кустарниками, а слева едва различимые за густой стеной сосен мерцали огни дома другого обитателя каньона. Впереди, словно куча крикливых украшений, разбросанных по черному бархату стола, открывалась головокружительная панорама разноцветных огней – Беверли-Хиллз, Голливуд и Эл-Эй, справа налево и куда дотянется взгляд. Крошечные фары игрушечных автомобилей двигались по бульварам Голливуд, Сансет и Санта-Моника; неоновые огни дискотек, баров и рок-клубов на Стрипе пульсировали каждый в своем ритме. Извилистые улицы Беверли-Хиллз были унижены сверкающими белыми искрами, как будто огромное множество звезд упало с неба на землю и теперь медленно угасало. Этот электрический гобелен прерывали черные квадраты парков и кладбищ. Гидеон вдохнул сигарный дым, наблюдая за тем, как светофор на Фаунтейн-авеню, размером с булавочную головку, сменил цвет на зеленый. Потом повернул голову на долю дюйма и увидел, как сверкающая голубая пылинка свернула по пандусу на широкую полосу Голливудского скоростного шоссе и помчалась в сторону Эл-Эй. «Миллионы людей там, внизу, – подумал Гидеон, – сейчас спят, пьют, дерутся, беседуют, обманывают и обманываются, любят и ненавидят. И рано или поздно каждому из них понадобится то, что я продаю». От

этой мысли настроение слегка улучшилось. «Мир все вращается и вращается, – сказал он себе. – И каждый день уносит с собой горстку новых неудачников. Автомобильные аварии, убийства и самоубийства – старуха-природа берет свое. Но я знаю, что тебе нужно, детка, и у меня большие планы».

Иногда здесь, на Скай-Виста-роуд, Гидеон чувствовал себя богом, и ему казалось, что он может дотянуться до небес и написать на этой огромной черной классной доске: «МИТЧГИДЕОН», чтобы это увидели все старые пердуны во всех государственных школах (и в особенности Четырехглазый Граймс, утверждавший, будто бы из него не получится ничего, кроме бандита). «Разумеется, они все уже умерли, – думал он. – И, надеюсь, похоронены в сосновых ящиках, пропускающих воду, которая капает на их мертвенно-бледные седые головы». Но все же ему хотелось, чтобы все эти люди, говорившие, что ему прямая дорога в воспитательный дом или прямо в Томбс¹⁰, каким-то образом узнали, что он теперь на вершине мира, владеет испанским особняком за миллион баксов на Скай-Виста-роуд, курит сигары по два доллара за штуку, носит туфли от «Гуччи», пьет «Чивас Ригал» из хрустального стакана и смотрит сверху на маленьких людишек, суесящихся в долине. Теперь он – Митч Гидеон, «похоронный король Лос-Анджелеса».

¹⁰ *Томбс* – гробницы (англ.), прозвище знаменитой тюрьмы в Нью-Йорке, в Нижнем Манхэттене, перешедшее по наследству к современному зданию следственного изолятора.

Из каньона прилетел холодный ветер, раскачал сосновые ветви и завихрился вокруг него, сдув с сигары дюймовый столбик пепла. Темно-каштановая накладка фальшивых волос, приклеенная над седыми бакенбардами, осталась на месте. Казалось, Гидеон улавливал в этом ветре насыщенные ароматы матерого дуба, морилки, олифы, шеллака и комочков воска, застрявших в ветоши, сырых опилок и жевательного табака – ароматов его юности, поделенной между исправительным домом и обучением у Джейкоба Ривина, бруклинского гробовщика. Золотые были денечки...

Гидеон затушил сигару о перила и зашвырнул окурочек в ночь. Он уже собирался вернуться к домашнему теплу, но вдруг повернул голову вправо и замер, глядя вдаль, мимо россыпи белых огней Николс-Каньона на придавленные тьмой холмы над «Голливудской чашей»¹¹.

Он ощущал магнетическое притяжение замка Кронстина, как будто был стрелкой компаса, и сознавал, что его взгляд прикован к этому месту за двумя милями сосен, карликовых пальм, крыш домов и голых скал. Замок уже больше сорока лет стоял, словно струп, на том месте, где земля вспучилась вершиной горы, в конце Блэквуд-роуд. И уже в пятый раз за последние дни Митч Гидеон внезапно ощутил страстное желание выйти из дома, сесть в «мерседес» шоколадного цвета и направиться по этой разбитой, забытой Богом дороге к

¹¹ «Голливудская чаша» – концертный зал под открытым небом, известный своей эстрадой с акустической раковиной.

огромному готическому собору. Он прошел вдоль террасы так далеко, как только мог, и остановился, обхватив одной рукой холодные перила и глядя в пустоту. Холодный ветер снова налетел на него, покрыв пупырышками обнаженную кожу, и уже прошелестел мимо, когда Гидеону почудилось, будто его окликают по имени из невообразимой дали. Все вокруг стало расплывчатым, словно он смотрел через огромное, залитое дождем оконное стекло; огни Николс-Каньона превратились в длинные размытые полосы белого и желтого света. В висках запульсировало, словно огромная невидимая рука надавила на его голову с двух сторон. И на мгновение Гидеон решил, что и в самом деле видит вдалеке зловещий стокомнатный замок под белой свечой луны, мерцающей за испанским кружевом облаков. Он крепче вцепился в перила, и теперь ему привиделась бесконечная река простых, необработанных гробов, плывущая к нему вдоль черных берегов конвейерной ленты. Рядом с ним стояли другие люди – мужчины, женщины и даже маленькие дети, но густая паутина теней мешала рассмотреть их лица. Конвейерная лента несла гробы к погрузочной площадке, где их поджидали трейлеры с урчащими моторами. Казалось, что все эти люди знакомы друг с другом, но по какой-то причине никто ни с кем не разговаривал. Длинные ряды люминесцентных ламп горели едва ли вполнакала, и люди вокруг Гидеона двигались словно лунатики, словно лишенные лиц тени. Конвейерная лента катилась все быстрее и быстрее, поднося все больше и боль-

ше гробов для погрузки в трейлеры. В руках у Гидеона откуда-то взялась лопата. Когда гроб приближался, стоявший перед ним рабочий наклонялся и откидывал крышку. Гидеон зачерпывал лопатой бурую песчаную землю из огромной кучи, что была навалена у него за спиной, и бросал в гроб, следующий рабочий делал то же самое, как и следующий за ним. Дальше по конвейеру гроб снова закрывали, к нему с грохотом подъезжал погрузчик и перекладывал его в трейлер. Гидеон понял, что испачкал свою рубашку.

– Митч! – проговорил кто-то прямо ему в ухо.

Он услышал, как что-то упало на бетон, и решил сначала, что это была его лопата. «Я не успеваю! Нужно поднажать!» – подумал он. Но потом ощутил на щеке октябрьский ветер с запахом духов «Шанель»; Эстель Гидеон стояла рядом с мужем со слегка припухшими от сна карими глазами, в свитере, наброшенном на плечи поверх серебристого платья, которое плохо скрывало живот и бедра, подаренные ей годами изысканных обедов. Ее прискорбно жабообразное лицо было густо намазано зелеными и белыми косметическими кремами из «Элизабет Арден» на Родео-драйв. Гидеон моргнул и поглядел себе под ноги на осколки хрустального стакана.

– Ох! – тихо сказал он. – Я его уронил.

– Что ты здесь делаешь, милый? – спросила жена. – Тут же холодно!

На мгновение Гидеон задумался, что он здесь делал.

– Я... я работал, – вспомнил он. – В кабинете.

Гидеон протер глаза и посмотрел туда, где, как он хорошо знал, притаился в темноте замок Кронстина. По спине пробежал озноб, и Гидеон поспешно отвел глаза.

– Я просто вышел подышать. Тебе не спится?

– Я спала, – сказала она и зевнула. – Но мне захотелось немножко мороженого. Когда ты собираешься лечь?

– Через несколько минут. Я просматривал счета. Этот кровосос Вон словно заноза в моей заднице.

Гидеон посмотрел на мерцающий вдали город и подумал: «Прямо сейчас там кто-то умирает. Сказать тебе, что я сделаю? Я предложу тебе особую цену на тот тенистый участок, обитый шелком дубовый гроб в конкистадорском стиле и добавлю бесплатную услугу „Золотая вечность“».

Он вдохнул кисло-сладкий запах полировочного воска и опустил взгляд на руку, державшую лопату.

– Ты устроил здесь настоящую помойку, – сказала жена и зацокала языком. – Сколько ты принял?

– Что? А, всего один стакан. Смотри под ноги, крошка. Черт возьми, оставь, Натали утром все уберет. Должна же она заниматься чем-то еще, кроме вытряхивания пепельниц и просмотра дурацких мыльных опер!

Эстель несколько мгновений молча смотрела на него.

– Ты какой-то странный сегодня, Митч. С тобой все в порядке?

– Странный? Чем?

– Озабоченный или встревоженный, не знаю. Если бы дела пошли плохо, ты ведь сказал бы мне?

– Конечно сказал бы.

«Черта с два!» – подумал Гидеон. В последний раз, когда он пытался рассказать ей о трудностях в своем бизнесе, она уснула прямо на нем, продолжая бессмысленно кивать. Казалось, его проблемы больше вообще никого не интересуют. За исключением Карен, двадцатилетней любовницы Гидеона, живущей в Марина-дель-Рее. С ней он не только опять почувствовал себя мальчишкой, но и провел много ночей за разговорами, вместо того чтобы тупо трахаться. У Эстель тоже были любовники, и Митч без труда мог определить, когда к ней присасывался кто-то новый, потому что она каждый раз снова начинала посещать занятия в Оздоровительном клубе Беверли-Хиллз. Каждый раз это были молодые загорелые красавцы – теннисисты, пляжные бездельники, спасатели. Он не возражал, зная, что у Эстель хватит ума не подпускать их слишком близко к кошельку. Это было полюбовное соглашение: он получал свое, она – свое. В каком-то смысле они даже любили друг друга, пусть даже и не физически. Оставались добрыми друзьями. А бракоразводный процесс встал бы ему поперек горла, поскольку он построил свой бизнес на деньгах ее папаши из Нью-Йорка.

– Холодно, – сказала Эстель. – Пойдем спать.

– Хорошо, хорошо, иду.

Гидеон стоял неподвижно, спиной чувствуя, как замок

Кронстина притягивает его, словно магнит.

– Какая-то жуть! – прошептал он.

– Что еще за жуть, Митч? Ты слышал по радио новости об этом убийце Таракане?

– Нет, не в этом дело. Черт возьми, что случилось с Митци? Вроде бы пора уже нам что-то о ней услышать!

Эстель пожала плечами:

– Собаки иногда убегают.

– Но сторожевые собаки не должны убегать! Я заплатил за эту суку больше трехсот баксов! Ты хочешь сказать, что она сбежала от меня спустя четыре года?

– Тогда, может быть, ее кто-то украл? Я слышала про такое. Похитители собак любят красть доберманов.

– Задницу мою они любят красть! Митци оттяпала бы руку любому, кто попытался бы запихнуть ее в машину! Просто жить в этом долбаном городе стало опасно! Грабители вламываются в дома по всему каньону, вокруг шастают всякие психи вроде этого Таракана, а копы не знают, в какую сторону смотреть.

Его глаза потемнели.

– А ты помнишь, что случилось в замке Кронстина?

– Это было одиннадцать лет назад, – напредила она.

– Одиннадцать лет или одиннадцать минут, но это ведь все равно произошло. Господи, я должен все разузнать! Я видел тело этого старика... то, что от него осталось.

У Гидеона пересохло во рту, он ощутил привкус чего-то,

напоминающего бальзамирующую жидкость. И пожалел, что разбил стакан, потому что сейчас ему просто необходим был глоток «Чиваса». Гидеон справился с настойчивым побуждением обернуться и уставиться, как замороженный, в темноту, где в двух милях отсюда высилась эта груда камней и бетона. «Если и есть в Лос-Анджелесе лучший вид на город, чем из моего дома, – подумал он, – то это именно замок».

– Копы тогда тоже не нашли маньяков, которые это сделали. Видимо, никогда и не найдут.

– Это Калифорния, милый, – тихо произнесла Эстель. – Рай для всякой твари.

– Особенно для маньяков и убийц. Не знаю, крошка, в последние дни я чувствую себя чертовски неуютно. Какой-то беспокойный, что ли. Испуганный.

Он провел ладонью по лбу. Кончики пальцев онемели, как в той детской игре «Рука мертвеца», когда ты нажимаешь на большой палец до тех пор, пока не выступит кровь, и он становится холодным и чужим, будто бы вообще не человеческим.

– То, что случилось со стариной Кронстином, может произойти и с нами. С любым из нас.

– Он был безумцем, – вздрогнув, сказала она. – Один безумец убил другого. Не стой на ветру, замерзнешь.

– Митци, – прошептал он. – Что за хрень приключилась с моей собакой?

– купишь себе другую. – Она взяла его под локоть. – Пой-

дем спать.

Ее ладонь оказалась восхитительно теплой. Он посмотрел на жену и уже открыл было рот, чтобы рассказать о том, что недавно испытал, – о странных видениях, где он работал на уходящем в бесконечность конвейере, по которому один за другим прибывали гробы; о том, как ему почудилось, что ветер, проносясь поздно ночью над каньоном, шептал его имя; о том, как даже днем в любом из шести своих моргов, разбросанных по всему городу, он вдруг ловил себя на том, что стоит у окна и смотрит на холмы, на этот замок звезды фильмов ужасов – безмолвный и безучастный к солнцу, ветру или дождю. Гидеону хотелось признаться ей, что он теперь боится сильнее, чем когда-либо в жизни.

Но глаза Эстель уже потускнели, веки начали закрываться, словно живые жалюзи. На бело-зеленом лице проступила сонная улыбка, а губы прошептали:

– Пойдем, мой сладкий, пора баиньки.

– Ага, – кивнул он. – Хорошо.

Он зашел в комнату, повернулся, чтобы запереть дверь, и подумал: «Как можно вообразить себе, чтобы я, похоронный король Митч Гидеон, портил годный товар, набрасывая в него полные лопаты земли! Господи, это же смертный грех!» Он задернул занавески и поплелся вслед за женой в спальню, золотые цепочки звякали на его шее, словно высохшие кости.

А темный силуэт, скорчившийся на крыше прямо над тер-

расой дома Митча Гидеона, расправил сверкающие черные крылья и поднялся в воздух.

IV

– Уф-ф-ф! – выдохнула, глядя в потолок, Гейл Кларк. Сладкий огонь бурлил в ее венах. – Это та-а-ак чудесно!

– Я знал, что тебе понравится, – тихо проговорил мужчина, лежавший у ее раздвинутых в виде буквы V ног.

Он погладил медленными круговыми движениями ее живот, затем подался вперед и продолжил прерванное занятие. Его язык сновал туда-сюда, возбуждая и дразня; она все крепче впивалась ногтями в кожу на его плечах. Он довел ее до кипения убийственно медленной восьмеркой, и она задрожала от чистого наслаждения, когда третий за ночь оргазм приливной волной накатил на нее.

– О боже! – сказала она. – Это... это...

Больше она ничего не смогла выговорить, потому что бессилие добралось и до ее языка, и она почувствовала себя листком, занесенным на эту кровать мощным ураганом.

Еще через минуту Джек Кидд лег рядом с ней и обнял тонкими, но сильными руками. Гейл уткнулась носом ему в грудь, придвинулась ближе, как всегда делала в жарком любовном похмелье. Темные волосы щекотали ей нос.

Джек поцеловал ее в нос, а потом потянулся за бутылкой шарли к пластиковому охладителю, стоявшему у кроват-

ти. Лед уже весь растаял. Джек налил вино в бокал, отпил немного, а потом принялся нежно облизывать ухо Гейл, пока она не дернулась и не спросила:

– Что это ты делаешь?

– Вино и мочка уха. Волшебное сочетание.

– Не сомневаюсь. – Она протянула руку к его бокалу и тоже глотнула. – Ох, как я устала! И все благодаря тебе.

– Не стоит благодарности. Всегда к твоим услугам.

– Каламбур отмечен и отклонен.

Она зевнула и потянулась так, что хрустнули суставы. Гибкая и стройная, хотя и совсем невысокая – всего около пяти футов ростом, она временами уступала непреодолимой тяге к печению «Орео» и батончикам «Марс». Она часто играла в теннис, изредка делала пробежки и коротала одиночество, слушая «Джефферсон старшип» и читая Франца Кафку. В сентябре ей исполнилось двадцать два; и если даже она не считалась настоящей калифорнийской красавицей из-за чересчур большого рта и неизменной нотки раздражения в темно-карих глазах, ее, по крайней мере, можно было назвать жизнерадостной. Длинные каштановые волосы, искрящиеся рыжеватыми перьями, локонами спадали на плечи, а лоб прикрывала короткая челка.

– Который час? – спросила она.

– Еще и полуночи нет, – ответил Джек.

– Да, но восемь утра наступает ужасающе быстро.

Она помолчали, прижимаясь друг к другу, а потом Джек

тихо сказал:

– Мне было важно, чтобы этот фильм о китах тебе понравился. Правда.

Она подняла голову и провела пальцем по его темной бороде и усам.

– Он мне понравился. Плотный монтаж, потрясающий закадровый текст... Но ты ведь за него не переживаешь, правильно?

– Нет, но... Если бы мне удалось получить национальный прокат, то, возможно, это был бы прорыв, которого я так долго добивался. Черт возьми, продать бы его какой-нибудь сети! Я был бы просто счастлив! – Он слегка нахмурился. – Нет, забудь об этом. Они подадут это так, как будто люди из «Гринписа» – фанатики, или еще хуже. Не хочу, чтобы кто-то завалил мой фильм.

– Тогда о чем беспокоиться? Фридман может хоть сейчас подписать университетский контракт.

– Ага.

– Национальный прокат пусть сам о себе позаботится. Кроме того, вряд ли можно просто взять и запретить показ фильма. Кстати, о фильме: ты выполнил то задание, которое дал тебе Трейс?

Джек вздохнул:

– Завтра закончу. Надеюсь. Сегодня я сделал несколько хороших снимков старого дома Клифтона Уэбба. Утром съезжу на Голливудское мемориальное, и, думаю, на этом

все.

– Я уже вижу передовицу Трейса. – Гейл подняла вверх два пальца, как будто выравнивала шрифт на макете первой полосы. – «Призрак Клифтона Уэбба поселился на Голливудском кладбище?» Или, может быть, анонс: «Только „Эл-Эй тэттлер“ знает правду!» Броская фраза.

– Просто чумовая! – Он замолчал, и Гейл, казалось, слышала, как в его голове защелкали шестеренки. – Знаешь, что я думаю сделать дальше? Фильм о домах кинозвезд прошлого. Не новые дома, а особняки с историей, понимаешь, о чем я? И первый – дом Уэбба; прямо чувствуется, как дух старого Голливуда сочится из его стен. Следующими будут Флинн, Валентино, Берримор и... о господи, да!.. замок Кронстина! Это дьявольски атмосферное место!

– Что в нем такого особенного?

– Нераскрытое убийство, детка. Много лет назад старине Кронстину прямо там отрубили голову, и с тех пор дом пустует. Это настоящий средневековый замок, стены, башни и все такое. Теперь туда приезжают только старшекласники. Боже, да я мог бы снять целый фильм только об одном этом доме!

– Никогда о нем не слышала, – сказала Гейл.

– Тебя здесь еще не было, детка. Меня тоже, но как-то раз я ездил туда с приятелем и парой цыпочек из Голливудской средней школы. Только не надо так ерошить перья, это было давным-давно.

– Ладно, не парься.

– Чак знал этот район, а я нет. Мы проделали чертовски долгий путь по Аутпост-драйв и свернули на узкую дорогу, уходящую прямо в небо. Блэквуд-роуд или что-то в этом роде. Было жутко, как в преисподней. Я тогда принял немного кислоты – и готов поклясться, что слышал ту тему Лысой горы из «Фантазии» и видел летающих вокруг демонов, самых невозможных цветов. Стремное было путешествие.

– Представляю. Но прежде чем ты снова начнешь изображать из себя молодого Копполу, лучше займись поплотней картинками для Трейса. У меня такое ощущение, что «Тэттлер» не собирается подстраивать дедлайн под сроки твоих киносессий.

– Почему он всегда дает мне самую дерьмовую работу? – насупился Джек. – На прошлой неделе был шанс для ошеломляющего фоторепортажа о вандализме в Музее восковых фигур. Кто-то вырезал свои инициалы у Фэрры на сиськах, снес голову Элизабет Тейлор и поиграл в крестики-нолики на черепушке Юла Бриннера. Господи! Если бы я мог хоть чуть-чуть выдвинуться, то, возможно, кто-нибудь заинтересовался бы моими фильмами, или... Мне нужен прорыв, вот и все. И это случится, я знаю.

– Я тоже знаю, но капелька терпения тебе бы не помешала. Так что там с этой пургой про разгуливающего на кладбище призрака Клиффа Уэбба?

– О, каждый год находятся люди, которые утверждают,

будто бы они видели, как кто-то похожий на Уэбба бродит по Голливудскому мемориальному. Ничего нового. На прошлой неделе он... или оно... опять померещился кладбищенскому сторожу после полуночи...

– Разумеется, – сказала Гейл. – Какой уважающий себя призрак появится раньше колдовского часа?

– Точно. Вот Трейсу и втемяшилось в голову, что я должен сделать фотографии для статьи Сэнди. Будь я проклят, если знаю, о чем в этой статье говорится, я просто шелкаю затвором.

– Ну и?

– Что «ну и»?

– Ну и что там с этим призраком? Что произошло, когда сторож его увидел?

Джек пожал плечами:

– Думаю, он сделал то же, что и все призраки. Растаял, или распался на тысячу сверкающих огоньков, или... хе-хе... повернулся к фонарику сторожа, и глаза его вспыхнули холодным алым пламенем. Ты ведь на самом деле не веришь во все это?

– Нет, совершенно не верю. Может, мы сменим тему, если ты не против?

Он усмехнулся и лизнул ее локоть, вызвав волну мурашек.

– Я только «за», мисс Кларк.

Он приподнял простыню и начал покусывать ее левую грудь. Сосок быстро затвердел, и Гейл задышала чаще.

– Это лучше, чем любые мочки ушей в прежние времена, – не без труда выговорил Джек.

И тут вдруг кто-то яростно цацарапал снаружи в закрытую дверь спальни.

Джек поднял голову от груди Гейл и уставился на дверь.

– Конан, прекрати! – громко сказал он.

Царапанье продолжалось, время от времени сопровождаясь низким подвыванием.

– Он ревнует, – сказала Гейл. – И хочет войти.

– Нет, он уже два дня с ума сходит.

Джек встал с кровати, взял лежавший на стуле халат и надел его.

– Он царапает входную дверь. Возможно, у него появилась подружка. Я сейчас вернусь.

Он открыл дверь и вышел в короткий коридор, увешанный фотографиями в рамках. В маленькой гостиной с коричневым диваном и парой плетеных стульев он увидел своего трехлетнего боксера, когтями отдирающего куски от входной двери. Крупный пес, способный, встав на мощные задние лапы, положить передние на плечи хозяина, казалось, пытался проскрестить древесину насквозь. Щепки разлетались во все стороны.

– Эй! – прикрикнул на пса Джек и шлепнул его по заду. – Прекрати немедленно!

Конан даже не оглянулся, продолжая неистово царапать дверь.

– Черт возьми, что с тобой стряслось?

Джек наклонился, чтобы оттащить Конана от двери, но пес развернулся, тихо зарычал и оскалил зубы. У Джека замерло сердце. Конан был ласковым псом, и еще вчера Джек учил его ловить летающую тарелку во дворе апартаментов «Сандал». А теперь при взгляде на эти зубы у Джека все внутри сжалось от страха. Пес не мигая смотрел на него, побуждая человека к действию.

– Это же я, – тихо проговорил Джек. – Конан? Это я, малыш. Я не сделаю тебе ничего плохого.

Пес развернулся обратно и царапнул когтями дверь. Деревянная поверхность напоминала поле боя.

Джек быстро протянул руку и открыл дверь. Конан услышал, как щелкнул замок, и с тяжелым сопением попятился. Но как только дверь приоткрылась, пес бесшумно проскользнул в щелку и побежал через двор к Лексингтон-авеню. Джек смотрел вслед, все еще не веря, что его питомец мог зарычать на хозяина. Пальмовые листья колыхались на ветру, словно медлительные веера. Снизу стволы деревьев подсвечивались разноцветными огоньками, и возле одного из них – зеленого – Джек различил силуэт Конана, вытянувшийся в мощном стремительном прыжке и тут же исчезнувший из вида.

Гейл, успевшая надеть обтягивающие джинсы «Джордаш» и клетчатую блузку, показалась из тени коридора и окликнула:

– Джек, что все это значит?

– Сам не знаю. Конан просто... взбесился. Он рычал на меня. По-настоящему оскалил зубы. Он и раньше проявлял характер, но так не вел себя никогда.

Она встала рядом с ним у двери и выглянула наружу. В остальной части отеля было абсолютно тихо.

– Может, у него сейчас брачный сезон или что-то еще. Он вернется.

– Не знаю. Думаешь, стоит его поискать?

– Только не среди ночи. – Она взглянула на часы и поморщилась – Мне пора домой, Джек. Ведущий репортер «Тэттлер» должен отправиться на встречу с копами со свежей головой.

Джек еще минуту смотрел во двор, надеясь, что Конан прискачет назад, а потом повернулся к Гейл:

– А может, останешься? Я проснусь к завтраку.

– Последний раз, когда я осталась на завтрак, я сожгла яичницу. Нет уж, спасибо.

– Тогда подожди минутку. Я оденусь и отвезу тебя.

– Хочешь оставить мою машину здесь на всю ночь? Мистер Кидд, что подумают ваши соседи?

– Плевал я на них. – Он поднял Гейл на руки и закрыл дверь ногой. – С кем ты завтра встречаешься?

– Мой любимчик – капитан отдела по расследованию убийств Палатазин. Подозреваю, что это будет еще одна сессия «без комментариев».

Она провела пальцами черту на лбу Джека, почувствовала, как его тело отозвалось под тонким халатом, и ее собственное тоже ответило.

– У меня такое ощущение, что он считает статьи «Тэттлера» в некотором роде падкими на сенсации.

– Могу себе представить. – Джек уткнулся носом ей в шею и начал медленными круговыми движениями облизывать яремную ямку. – Да здравствует желтая пресса.

Она то ли охнула, то ли вздохнула и почувствовала, как перышко желания щекочет ее бедра. «На улице та-а-ак холодно, – подумала она. – И та-а-ак темно. А это звучит очень заманчиво».

Джек взял ее за руку и повел обратно в спальню.

– Завтрак в восемь? – тихо спросила она.

V

Сочась голубоватыми выхлопными газами, серый «фольксваген-жук» с помятым задним крылом направлялся вверх по Аутпост-драйв к ярко-оливковым холмам над Голливудом. Дорога поднималась все круче, и мотор «фольксвагена» начал дребезжать со слабым, раздраженным механическим фырканием. Слегка скошенные фары отбрасывали причудливые тени позади качающихся на ветру сосен и гранитных валунов с острыми, как разделочный нож, кромками. Невысокие, но просторные дома из стекла и красно-

го дерева по обеим сторонам дороги скрывались в темноте, и лишь изредка в сторону города проезжала случайная машина. «Фольксваген» свернул с Аутпост-драйв на узкую, покрытую трещинами бетонную дорогу, которая изгибалась, как змея, и карабкалась вверх под углом в сорок градусов. По правую сторону высились неприступные, мрачные нагромождения потрескавшегося гранита, слева – там, где дорога внезапно спускалась в череду оврагов, – стояли сотни корявых, карликовых мертвых деревьев.

Хотя никаких знаков или указателей не было, водитель правильно выбрал поворот на Блэквуд-роуд.

Звали водителя Уолтер Бенефилд, соседнее сиденье занимала семнадцатилетняя девушка-чикано Анжела Пэвион, голова которой свешивалась набок при каждом резком кре-не машины. Глаза ее были полуоткрыты, так что белки чуть виднелись, и время от времени она тихо постанывала. Бенефилд даже заинтересовался, что же ей снится.

В салоне автомобиля пахло миндалем, запах был густой, почти аптечный. Под сиденьем Бенефилда лежала скомканная ткань, побуревшая после пропитки раствором химикатов, которые он украл с работы. Глаза под очками в черной оправе немного слезились, хотя Бенефилд опустил боковое стекло, как только девушка уснула. «По крайней мере, все прошло лучше, чем раньше», – сказал он себе. В первый раз девушка умерла, потому что раствор оказался слишком концентрированным, во второй раз он еле успел высунуть голо-

ву из машины, когда его вырвало, и голова на следующий день ужасно болела. Теперь он управился быстрее, но скучал по работе руками. Свои огромные, мощные клешни он натренировал, сжимая упругий кистевой эспандер. Часто, лежа в своей кровати и разглядывая вырезанные из журналов «Мускулы и фитнес» и «Стронгмэн» и развешенные на стенах фото мужчин в эффектных позах с бугрящимися на спине и груди мышцами, он думал, что мог бы сжимать этот эспандер вечно. А в дальнем углу комнаты, в клетках из металлической проволоки, копошились, спаривались, дрались и спали тараканы. Последний раз он насчитал более сотни, и среди них попадались огромные самцы-каннибалы, выросшие до трех дюймов в длину.

Бенефилд подобрал эту девушку полчаса назад, в нижней части бульвара Сансет. Сначала она заупрямилась и не хотела садиться в машину, но он помахал мятой пятидесятидолларовой купюрой, которую хранил для таких случаев, и она проскользнула на переднее сиденье так, словно ее задница была смазана маслом. Она не очень-то хорошо говорила по-английски, да и понимала не лучше, но его это мало заботило. Она была по-своему симпатичной, хотя в ее красоте чувствовалось что-то грубое, вульгарное, и принадлежала к тем немногим бедовым женщинам, которые еще отваживались в эти дни гулять по улицам. «Тем хуже для нее, – подумал Бенефилд, – надо было читать газеты». Он отвез ее на пустую стоянку возле супермаркета и расстегнул ширинку. Де-

вушка наклонилась, чтобы исполнить то, о чем он просил, а Бенефилд набросился на нее так стремительно, что она не успела ни крикнуть, ни увернуться. Достал пропитанную химикатами тряпку из-под сиденья и крепко прижал к лицу девушки. Другой рукой Бенефилд, словно тисками, схватил ее сзади за шею. «Это было бы так легко, так легко, – думал он. – Только чуть-чуть сжать – почти без усилий – и полюбоваться тем, как ее глаза выскакивают из орбит, как тогда у Бев. Но нет. Ведь Мастер хотел, чтобы я сделал другое, правильно?»

Она трепыхалась всего несколько минут. Бенефилд убрал тряпку с ее лица, усадил девушку так, чтобы она не сползала на пол, и поехал на север, к подножию гор Санта-Моника – высокому хребту, разделяющему Эл-Эй пополам. Он шумно дышал от возбуждения. Девушка исхитрилась оцарапать ему правую руку, из раны потекли две дорожки крови. Он подчинялся гласу божьему, священной воле своего господина и Мастера, и сейчас, глядя в темноту, куда не дотягивался свет фар, повторял самому себе, тихо и взволнованно, как ребенок, ожидающий награды за хорошее поведение: «Быстрее. Нужно ехать быстрее, он не любит ждать».

Уклон уменьшился на несколько градусов, но «жук» по-прежнему забирался все выше и выше. Время от времени Бенефилд различал внизу город, поблескивающий у горизонта, пока наполовину грунтовая, наполовину покрытая потрескавшимся бетоном дорога вилась над обрывом. За послед-

ние две недели он часто проезжал здесь, но это была сложная, коварная трасса. В первый раз, когда он вез с собой хорошенькую рыжеволосую девушку никак не старше шестнадцати лет, Бенефилд заблудился и долго петлял, пока глас божий не вывел его обратно на правильный путь.

Сейчас голос снова говорил с ним, шепотом повторяя в буйстве ветра его имя. Бенефилд улыбнулся со слезами радости на глазах. «Я иду! – отозвался он. – Я иду!» Порыв ветра налетел на машину и слегка качнул ее. Девушка проскулила что-то по-испански и снова затихла.

В свете фар сверкнула натянутая между деревьями цепь, которой здесь раньше не было. На цепи висела металлическая табличка: «ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ – ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН». Сердце Бенефилда учащенно забилося, он прижался к обочине, выключил фары и остановился. Голос пролился охлаждающим бальзамом на его воспаленный лихорадкой мозг, голос, приходивший к нему теперь почти каждую ночь, когда он лежал на матрасе в сером забвении между сном и бодрствованием в своей крохотной квартирке-студии неподалеку от Макартур-парка; в те ужасные, мучительные ночи, когда ему снилось, как мать поднимает голову с коленей чужого мужчины, сжимая в руке его подрагивающий пенис размером с питона, и открывает рот в пьяном крике: «ВОН ОТСЮДА!». Голос шелестел в голове, словно морской бриз, обволакивал, защищал. Но иногда даже глас божий не в силах был остановить кошмарную картину, что во

всех подробностях разворачивалась в его сознании: чужак ухмыляется и говорит:

– Мелкий хочет посмотреть, Бев. Иди сюда, Уолти, погляди, что у меня есть!

И маленький Уолтер замирает в дверном проеме, словно его руки и ноги прибили гвоздями к косяку, он весь трясется, как в агонии, а чужак нагибает голову матери все ниже, пока ее смех не становится глуховатым, полузадушенным. Мальчик смотрит на все это, его живот и пах словно стягивает тугим узлом, а когда они пресыщаются, его мать – добрая старушка Бев, которая никогда не говорит «нет», никогда, никогда, – отхлебнув из бутылки «Фо роузеса», что стоит на полу рядом с диваном, обнимает чужака и заплетающимся языком просит:

– Теперь ты ублажи меня, сладенький мой.

Ее платье, то самое, в белый горошек, задирается над длинными, бледными бедрами, а под ним голое тело. Маленький Уолтер не может оторвать взгляд от потайного места, которое, кажется, подмигивает ему, словно греховный глаз. Руки его опускаются к промежности, и через мгновение чужак заходится в хохоте, фыркая, как рассвирепевший бык:

– У мелкого стоит! Маленький Уолти взвел курок! Иди сюда, Уолти. ИДИ СЮДА, Я СКАЗАЛ!

Мать поднимает голову и, улыбаясь, смотрит на него опухшими, остекленевшими глазами:

– Кто это? Фрэнк? Это Фрэнк?

Это имя отца. Старина Фрэнк ушел из дому и пропал так давно, что Уолти помнил только то, как отец бил его ремнем.

– Фрэнк? – снова спрашивает мать с той же улыбкой. – Ты вернулся, малыш? Подойди и поцелуй меня, крепко-крепко...

Глаза чужака сверкнули, как осколки темного стекла.

– Иди сюда, Уолти. Нет, Фрэнк. Иди сюда, Фрэнк. Это Фрэнк, детка. Твой муж вернулся. – Он тихо рассмеялся, его недобрые глаза налились кровью. – Снимай штаны, Фрэнк.

– Милый? – шепчет мать и ухмыляется. – Мне от тебя кое-что та-а-ак нужно.

– Подойди и поцелуй свою малышку, Фрэнк, – тихо говорит чужак. – О боже, я хочу это видеть!

Когда приходил этот кошмар, даже глас божий не мог охладить его лихорадку. И Бенефилд был благодарен, бесконечно благодарен голосу, который сказал, что все будет хорошо, если он отправится в ночной поиск, найдет другую смеющуюся Бев, вырвет ее из лап грязно-ухмыляющихся чужаков и доставит на священную гору.

Он поморщился от дурных видений, скачущих в его голове. Виски ломило, и Бенефилд пожалел, что не захватил с собой буфферина. Иногда, когда голос говорил с ним, Бенефилду казалось, что его мозги перемешивают в огромном котле, готовящем густое магическое зелье, которое изменит всю его жизнь, обратив во что-то по-настоящему важное и наполненное высоким смыслом – служение во имя Масте-

ра. Бенефилд повернул голову вправо и посмотрел на мерцающий внизу город. Он задумался, нет ли там внизу еще кого-нибудь, кто тоже был бы ингредиентом этого зелья, частичкой магии, разливающейся сейчас в его душе и во всем его естестве, воспламеняя сладостным холодным огнем. Конечно же, это была магия, ибо пути Господа праведны и он осветит город ночи своей магией и погубит всех Бев в кипящем зелье котла, – иначе чем еще это могло быть?

Приближался какой-то автомобиль. Бенефилд различил вдалеке мерцание фар, спускающихся с горы к нему. Он вылез из машины, обошел ее и открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья. Одурманенная девушка едва не вывалилась наружу, но Бенефилд подхватил ее, словно поваленное сухое дерево. А затем обернулся к подъезжающему автомобилю.

Это был длинный черный «линкольн», начищенный так тщательно, что крылья и капот блестели как стекло. Машина остановилась в десяти футах от цепи. Зажженные фары, словно голодные глаза, впилась в Бенефилда и жертву у него на руках.

Он улыбнулся, на глаза навернулись слезы.

Водитель вышел из лимузина и направился прямо к нему вместе с молодой блондинкой, которую Бенефилд сразу узнал. Ее длинные волосы растрепало ветром, а платье испачкалось в земле. Бенефилд догадался, что водитель был слугой Господа, – старик в коричневом костюме и белой ру-

башке, с длинными седыми волосами, развевающимися на ветру, с бегающими, глубоко запавшими глазами хорька на бледном, морщинистом лице. Он слегка прихрамывал и горбился, словно взвалил на себя непосильную ношу. Подойдя к цепи, он сказал Бенефилду срывающимся усталым голосом:

– Передай ее мне.

Бенефилд поднял девушку. Блондинка улыбнулась и с легкостью приняла ее, напевая, словно мать, баюкающая младенца.

– А теперь возвращайся домой, – велел старик Бенефилду. – Твоя работа на сегодня окончена.

Внезапно в глазах блондинки вспыхнул огонь. Она посмотрела на оцарапанную руку Бенефилда, а затем подняла взгляд к его лицу. Ее улыбка треснула, словно расколотое зеркало. Он моргнул и вытянул ладони перед собой.

– НЕТ! – сказал старик и замахнулся, как будто собирался ударить ее.

Она вздрогнула и поспешила к машине со своей добычей.

– Возвращайся домой, – повторил старик Бенефилду и отвернулся.

Лимузин задом выехал на свободное место, сделал крутой разворот и вскоре исчез из виду на склоне горы.

Бенефилда мучительно тянуло отправиться следом, но шепот Голоса сделался теперь тихим и мягким, принося ощущение тепла, нужности и защищенности, унося прочь головную боль. Он постоял еще минуту под пронзительным

свистом и хлесткими порывами ветра, а затем вернулся к машине. Спускаясь с горы, Бенефилд включил радио, настроил на канал, транслирующий религиозные песни, и начал подпевать – счастливый и уверенный в том, что воля Мастера будет исполнена.

Беспокойство

Суббота, 26 октября

I

Солнце поднялось на горами Сан-Габриэль рыжеватого-оранжевым взрывом, окрасив небеса в серо-стальные тона, которые с наступлением рассвета постепенно разгорятся до ярко-голубых. Повисший низко над землей смог цеплялся желтоватыми осьминожьими щупальцами за небоскребы из стекла и стали, мелко дрожащие бетонные стены фабрик и затаенный серпантин полудюжины шоссе, уже забитых транспортом. Остатки ночи холодными тенями убегали прочь, как разбитая армия перед победно марширующими лучами солнца.

Стоя перед раскрытым шкафом в своей спальне, Энди Палатазин размышлял, какой галстук выбрать. На нем были темно-синие брюки, немного тесноватые в талии, и светло-голубая рубашка с тщательно выглаженным, но потертым воротником. Он остановил выбор на зеленом галстуке в красную и синюю крапинку, вышел в коридор и чуть перегнулся через перила лестницы. С кухни, где хлопотала Джоанна, доносился дразнящий аромат жареных сосисок с картошкой.

– Джо, – крикнул он. – Погляди-ка сюда!

Через мгновение появилась она, в темно-зеленом халате и домашних тапочках, с туго стянутыми на затылке седеющими волосами.

– Ну-ка посмотрим, – сказала Джо.

Он приподнял галстук и вскинул брови.

– *Izonyu!* – ответила она. – Ужасно. Совсем не подходит к этой рубашке. Надень сегодня темно-голубой.

– На нем пятно.

– Тогда полосатый, красно-синий.

– Мне он не нравится.

– Потому что его тебе подарил мой брат, – проворчала она, качая головой.

– А что плохого в этом?

Палатазин потянул галстук, заставив его извиваться змей.

– Ничего – если ты хочешь выглядеть как клоун. Ну давай же, надень его! И ходи как клоун. Но... этого... не... будет! – Она приняхалась. – Картошка подгорела! Вот видишь, что из-за тебя получилось!

Джоанна развернулась и умчалась на кухню.

– Твой брат здесь вовсе ни при чем! – крикнул он ей вслед.

Она что-то пробубнила в ответ, но Палатазин, так ничего и не разобрав, пожал плечами и вернулся в спальню. Его взгляд зацепился за кресло-качалку возле окна, и он на мгновение замер. Затем подошел ближе, положил толстый палец

на подлокотник и слегка нажал. Кресло со скрипом закачалось вперед-назад. «Это был сон прошлой ночью, – спросил он себя, – или я действительно видел *megjelenes*, привидение, сидевшее в этом кресле? Нет, конечно же это сон. Мама умерла и упокоилась с миром. Наконец-то». Он глубоко вздохнул, посмотрел на зеленый галстук в руке и шагнул к шкафу. Вернул галстук на вешалку и покосился на другой, в полосочку, который подарил ему на День святого Стефана брат Джо, адвокат, живущий в Вашингтоне, округ Колумбия. «Ни за что!» – упрямо подумал Палатазин. Он отыскал ярко-красный галстук в крупный синий горошек, который не надевал уже несколько месяцев, задвинутый так глубоко, что Палатазин подумал, не нарочно ли спрятала его Джо. «Когда-нибудь она сожжет их все, как и грозилась», – сказал он себе. Повязывая галстук, он заглянул на верхнюю полку и увидел плоскую коробочку, полуприкрытую парой поношенных шляпок с маленькими печальными перышками, приклеенными к лентам. Палатазин быстро отвел взгляд и прикрыл дверцу шкафа.

В маленькой уютной кухне в задней части дома, откуда открывался вид на садик во дворе, Джо расставляла тарелки с завтраком на небольшом столике. Когда вошел муж, принес с собой запах одеколона «Виталис» и лосьона для бритья «Олд Спайс», она подняла взгляд и уже начала улыбаться, но вместо этого скривилась, увидев, что висит у него на шее.

– Ешь свои сосиски, – сказала она. – Должно быть, тебе в

твоём цирке предстоит нелегкий день.

– С удовольствием. Ох, выглядят очень аппетитно.

Он уселся за стол и принялся за еду, жадно набивая полный рот кусками сосиски и картошкой. Джо поставила рядом чашку горячего кофе и села с другой стороны стола.

– Вкусно, – проговорил Палатазин с набитым ртом. – Очень вкусно.

– Не спеши, а то у тебя будет приступ, – предупредила она.

Он кивнул и продолжил уминать завтрак. Когда он прервался, чтобы отхлебнуть кофе, Джо сказала:

– Энди, тебе стоило бы иногда брать выходной по субботам. Ты должен отдохнуть, а то работа и постоянное беспокойство не доведут тебя до добра. Может, позвонишь и скажешь, что остаешься дома? Мы бы прекрасно провели время на пляже.

– Не могу, – ответил он, запивая картошку глотком кофе. – Разве что в следующую субботу.

– Неделю назад ты говорил то же самое.

– Ой, ну так ведь я и в самом деле так думал, но... – Он поднял взгляд на нее. – Ты же понимаешь, почему я должен идти. Возможно, кто-нибудь что-нибудь раскопает.

– Если раскопают, то обязательно тебе позвонят.

Она внимательно наблюдала за ним, ее ярко-голубые глаза смотрели настороженно. Джо сильно беспокоили недавно появившиеся под глазами Энди темные круги и новые морщины, змейками расползающиеся по лицу. В последнее вре-

мя он и спал неважно, даже во сне преследуя этого ужасного убийцу по темным каньонам города. Она прикоснулась к его грубой медвежьей лапе и с нежностью произнесла:

– Пожалуйста. Я устрою нам сегодня пикник.

– Меня ждут, – ответил он и погладил ее по руке. – А в следующую субботу у нас будет замечательный пикник. Договорились?

– Нет, не договорились. Тебя загоняют до смерти. Ты уходишь из дому рано утром и возвращаешься глубокой ночью. Работаешь каждую субботу, а часто и по воскресеньям. Сколько еще это будет продолжаться?

Палатазин вытер рот салфеткой и вонзил вилку в гору картошки.

– Пока не найдем его, – тихо ответил он.

– Это может вообще никогда не случиться. Возможно, его уже нет в городе или даже в стране. Так почему же именно ты должен пахать как лошадь, отвечать на все вопросы и не слезать с первых полос всех газет? Мне совсем не нравится то, что некоторые о тебе говорят.

Он поднял брови:

– И что они говорят?

– Сам знаешь. Что ты не делаешь всего того, что должен делать, что ты на самом деле не заинтересован в его поимке и вообще плохой полицейский.

– Ох, с этим ничего не поделаешь.

– Пошли их всех к дьяволу! – с ожесточением сказала

Джо, и глаза ее засверкали. – Что могут знать о тебе все эти люди? О том, что ты работаешь как каторжный. Тебя должны наградить медалью! Ты пролил кофе на галстук. – Она наклонилась вперед и вытерла пятно салфеткой. – Если не расстегивать пиджак, то ничего не будет видно.

– Хорошо, я постараюсь. – Он отодвинул тарелку в сторону и положил ладонь на раздувшийся живот. – Через пару минут мне нужно уходить. Сегодня в офис должна прийти та девчонка из «Тэттлера», Гейл Кларк.

Лицо Джо скривилась от отвращения.

– Что, хочет еще раз облить тебя грязью? Зачем ты вообще разговариваешь с этой женщиной?

– Я выполняю свою работу, она – свою. Иногда ее заносит, но в целом она безобидна.

– Безобидна? Ха! Именно такие статьи, как у нее, и пугают людей больше всего. Описывать во всех жутких подробностях, что сотворил этот кошмарный *gyilkos*¹² с бедными девочками, а потом заявлять, будто у тебя не хватает ума, чтобы его остановить! Меня от нее просто тошнит!

Джо поднялась и поставила тарелку в раковину; она пыталась себя сдерживать, чтобы не показать мужу, как ее буквально трясет от возмущения. Кровь сотни поколений венгерских цыган в ней звенела от гнева.

– Люди прекрасно понимают, что это за газета, – сказал Палатазин, облизывая указательный палец и затирая пятно

¹² Убийца (венг.).

от кофе. Наконец он сдался и отпустил галстук. – Они не верят этим статьям.

Джо хмыкнула, но осталась стоять лицом к раковине. За последнюю пару недель в ее голове постепенно сложилась новая мысленная картина: Энди с пистолетом в руке крадет-ся по коридорам какого-то незнакомого здания, в одиночку выслеживая Таракана, и вдруг огромные цепкие руки тянутся к нему сзади, сжимаются на горле и душат, пока его глазные яблоки не выскакивают из орбит, а лицо не становится сине-багровым. Она покачала головой, отгоняя назойливое видение, и прошептала:

– Избави господи!

– Что?

– Ничего, – ответила Джо. – Я просто думаю вслух.

Она обернулась и убедилась, что лицо его не посинело и глаза остались на своем месте. Наоборот, вид у него был сейчас такой же, как у собаки с логотипа «Хаш папис»: толстые щеки и грустные глаза под густыми, черными с сединой бровями.

– Ты ведь не собираешься затевать сегодня что-то опасное? – тихо сказала она.

– Конечно нет, – ответил он, а сам подумал: «Откуда мне знать?»

Этот вопрос Джо задавала ему каждое утро и каждый раз получала тот же ответ. Палатазин задумался о том, сколько жен спрашивали своих мужей-полицейских о том же самом,

сколько коллег отвечали так же и сколько из них потом погибло от пули грабителя, насильника или наркомана. Слишком много, можно не сомневаться. И что ответил на этот вопрос утром 6 июля, двенадцать лет назад, Джордж Грин, первый напарник Палатазина. В тот ужасный день ему четыре раза выстрелили в лицо на глазах у Палатазина, который в это время покупал двенадцатидюймовую пиццу с грибами и маслинами, чтобы отнести ее потом через улицу в патрульную машину. Они вдвоем следили за человеком, подозреваемым в убийстве и ограблении чернокожего героинового дилера, и только гораздо позже, когда выстрелы стихли, а Палатазин высморкал остатки порохового дыма, он сообразил, что этот тип, должно быть, заметил слезку, запаниковал и приставил краденый сорок пятый калибр через открытое боковое стекло прямо к лицу Джорджа. Палатазин гнался за ним пять кварталов и, когда наконец на лестнице многоквартирного дома убийца остановился и приготовился защищаться, нажал на спусковой крючок измазанным в пицце указательным пальцем.

Мать Палатазина долго плакала, когда он рассказал, как пуля просвистела у него над головой. А потом сказала, что пойдет к комиссару и попросит, чтобы ему больше не давали таких опасных заданий. Но ничего такого, конечно же, не произошло. На следующий день она уже забывала все, что он рассказывал, и говорила о том, какие красивые цветы растут, должно быть, летом вдоль улиц Будапешта.

А сейчас Палатазин усталился на руку, сжимавшую пистолет тогда, 6 июля. «Анья, – подумал он – по-венгерски это означало „мама“. – Прошлой ночью я видел призрак матери».

Он заглянул в глаза Джо.

– Вчера я видел странный сон, – сказал он с легкой улыбкой. – Мне почудилось, будто мама сидит возле окна в кресле-качалке. Она давно уже мне не снилась. Странно.

– И что было дальше?

– Ничего. Она повела рукой. Думаю, хотела на что-то показать. Но не уверен.

– Что показать?

– Откуда мне знать? – пожал он плечами. – Я не умею разгадывать сны.

Палатазин встал из-за стола и посмотрел на часы – пора.

– У меня идея, – сказал он, обнимая жену за талию. – Я вернусь с работы пораньше и поведу тебя ужинать в «Будапешт». Хочешь?

– Я хочу, чтобы ты остался дома, вот и все. – Она на мгновение надула губы, а потом подняла руку, чтобы разгладить нимб седых волос у него на макушке. – Но думаю, сходить в «Будапешт» тоже было бы здорово.

– Хорошо. И музыка! Чудесная *ciganyzene*!¹³ Правда?

– Да, правда, – улыбнулась она.

– Значит, у нас сегодня свидание.

¹³ Цыганская музыка (венг.).

Он любовно погладил ее по заду, а потом ущипнул. Она насмешливо поцокала языком и вышла вслед за ним в гостиную. Палатазин достал из шкафа темно-синий пиджак и черную шляпу, выдавшую лучшие дни. Пока он пристегивал к подмышке черную кожаную кобуру, Джо держала его пиджак, с отвращением поглядывая на «детектив спешл» тридцать восьмого калибра. Он натянул пиджак, увенчал себя поношенной шляпой и вышел из дома.

– Хорошего дня, – сказал он на ступеньках крыльца и поцеловал ее в щеку.

– Будь осторожен! – крикнула Джо, когда он уже направлялся к старенькому белому «форду-фалькон» у обочины. – Я люблю тебя!

Он помахал рукой и забрался в машину. Через мгновение «форд» загрохотал по Ромейн-стрит. Из-за живой изгороди выскочила бурая дворняга и бежала за ним, пока автомобиль не скрылся из виду.

Джо заперла дверь. «Таракан», – подумала она и едва не сплюнула, почувствовав отвращение от одного только этого слова. Она вернулась в кухню, собираясь вымыть посуду, подмести пол, а потом кое-что прополоть в саду. Но ее беспокоило еще что-то, помимо Таракана, и прошла не одна минута, прежде чем она отыскала спрятавшуюся глубоко внутри причину тревоги. Сон Энди о матери. В душе Джо ожили любопытство и острые цыганские инстинкты. Почему Энди опять думает о матери, видит ее во сне? Конечно, ста-

руха была сумасшедшей, и всем даже лучше оттого, что она умерла и не чахнет день за днем в доме престарелых «Золотой сад». «Энди сказал, что не умеет разгадывать сны, – подумала Джо. – Но возможно, мне стоит порасспросить того, кто умеет? Может оказаться, что это предзнаменование».

Она повернула кран горячей воды и на мгновение закрыла мысленную дверь в кладовую древнего искусства толкования снов.

II

Черный микроавтобус «шевроле» Джека Кидда – настоящая фотолаборатория на колесах с напыленными аэрографом изображениями варваров с мечами и полуголых девиц а-ля Фрэнк Фразетта – остановился у Голливудского мемориального кладбища. Через распахнутые настежь ворота Джек разглядел, что в сторожке горит свет, хотя было уже без малого восемь тридцать и солнце ослепительно ярко светило над зелеными пригорками кладбищенских лужаек. Джек с висящим на шее «кэноном» пару раз просигналил, но сторож не вышел встретить его. Гейл на соседнем сиденье зевнула и сказала:

– Никого нет. Проезжай.

– Мне нужно сперва поговорить с этим парнем.

Джек снова надавил на клаксон.

– Может быть, он свернулся где-нибудь калачиком и отсы-

пается после того, как ему привиделся разгуливающий здесь старина Клифтон. – Он мельком улыбнулся Гейл, открыл дверцу и вышел из машины. – Вернусь через минуту.

Джек направился к белой бетонной сторожке с красной черепичной крышей. Заглянул в окно, выходящее к воротам, и бегло осмотрел интерьер. Над застеленным бумагой столом горела лампа, стул был слегка отодвинут, как будто кто-то недавно с него встал. На столе рядом с раскрытым «Спорт иллюстрейтед» стояли недопитая чашка кофе и заваленная окурками пепельница.

Джек подергал дверь, и она легко открылась. Он зашел внутрь, заглянул в маленькую туалетную комнату, убедился, что там пусто, и вернулся к своему фургону.

– Его там нет, – сказал Джек, усаживаясь на свое сиденье, и завел мотор. – Чертовски неудачно! Этот парень знал, что я приеду сегодня утром. Как мне теперь найти могилу старины Клифтона?

– Слушай, ты не мог бы тут закрутиться по-быстрому и отвезти меня в Паркер-центр?

Гейл нетерпеливо постучала по стеклу наручных часов.

– Хорошо, но сначала я попытаюсь отыскать этого парня. Здесь дел на пять минут. Три снимка надгробия – вот и все, что мне нужно.

Он въехал на кладбище мимо высоких пальм вашингтония. По обеим сторонам извилистой главной дороги были расставлены мраморные надгробия, мавзолеи и статуи ан-

гелов в окружении могучих дубов и зарослей карликовых пальм; ярко-зеленая трава искрилась от капель росы, а над землей зависла тонкая, мерцающая пленка тумана. По ту сторону кладбища Гейл разглядела монументальные корпуса студии «Парамаунт», так близко, что какое-нибудь исстрадавшееся заплаканное дитя, провалившее кастинг и потерявшее всякую надежду, могло запросто оступить и упасть в могилу. «Забавно, что офисы большинства ведущих голливудских студий выходят фасадами на кладбище», – подумала Гейл.

Ей вспомнились сплетни, которые она слышала пару дней назад в редакции «Тэттлер».

– Знаешь, что некоторые болтают про Уолта Диснея? – спросила она и посмотрела на Джека. – Что его прах вовсе не лежит на Форест-Лаун, что его тело якобы хранят в жидком азоте, чтобы когда-нибудь оживить. Трейс хочет написать об этом статью.

– Не удивлен.

– Хотя это и вправду немного странно. На всем кладбище только на могиле Диснея нет никаких дат.

– Ты что, изучала на досуге историю кладбища?

– Нет, но это куда интересней твоей чепухи про Клифтона Уэбба.

Гейл оглянулась и увидела широко раскрытые глаза Джека.

– Господи! – сказал он и ударил по тормозам так резко,

что резина на покрышках едва не задымилась. – Что это там?

Он уставился прямо перед собой.

Гейл проследила за его взглядом и судорожно втянула в себя воздух.

На дороге лежал скелет в длинном пастельно-зеленом платье. Ключья темно-русых волос еще цеплялись за расколотый череп. Обе ноги и одна рука были оторваны и лежали в стороне белыми кривыми корягами. Уцелевшая рука тянулась растопыренными пальцами к небу. Вдоль дороги на аккуратно подстриженных газонах и под декоративными карликовыми пальмами были разбросаны фрагменты других скелетов. Черепа, руки, ноги, позвоночники и тазовые кости валялись по всему кладбищу. «Свалка костей», – подумала Гейл, и у нее застучало в висках. Она не могла оторвать взгляд от отвратительных в своей будничности поз этих скелетов. Среди них попадались и целые, в строгих костюмах и вечерних платьях, лежавшие друг на друге, как будто они принялись танцевать, когда пробило полночь, но попадали на землю в безжалостный миг рассвета. Другие выглядели гораздо хуже – свежие трупы, еще не окончательно превратившиеся в набор костей, засиженные черными мухами. Десятки надгробий были опрокинуты, могилы – раскопаны, кучи сырой земли лежали вдоль неровных, пустых ям.

– Бо-о-о-же! – повторил Джек, уловив порыв ветра, принесший с собой пышный запах гниения. – Кто-то выпустил здесь всех демонов ада!

Он снял крышку с объектива своего «кэнона» и выбрался из фургона.

– Джек! – крикнула ему вслед Гейл.

Кожа ее сделалась холодной и липкой, как старая мокрая тряпка. Что-то лежало в тени дерева – должно быть, всего в десяти футах справа от нее, – что-то такое, на что невыносимо было даже взглянуть. Ей послышалось звонкое жужжание заинтересованных мух.

– Черт побери, Джек, куда тебя понесло?

Но Джек уже защелкал фотоаппаратом.

– Трейс непременно захочет получить эти снимки! – Голос его чуть ли не искрил от возбуждения, но лицо посерело, как глина, а палец на затворе объектива мелко дрожал. – Как ты думаешь, сколько могил разрыто? Двадцать? Тридцать?

Она не ответила. Затвор все щелкал, щелкал и щелкал. С тех пор как Джек, больше двух лет назад, подписал контракт с «Тэттлером», он снимал аварии на дорогах, самоубийства, жертв перестрелки, а однажды – целую семью чикано, которую взрыв из-за утечки газа зажарил, превратив в черные чипсы. Трейс отправлял в печать все эти фотографии, сохраняя верность девизу «Тэттлер»: «Мы печатаем все, что видим». Джек привык к подобным вещам, он был профессионалом, и ему нужны были деньги на документальное кино. «Тэттлер» оставался одним из последних таблоидов, работающих по принципу «кровь ведрами», и порой то, что Джек должен был снимать, выглядело действительно жутко, но он

приучился щелкать затвором на рефлексах, стиснув зубы. «Если это часть человеческого существования, для него всегда найдется место в „Тэттлер“», – любил повторять Трейс. «Но это нечто совсем иное, – думал Джек, продолжая снимать женский скелет в зеленом платье. – То, что здесь произошло, – это чистое и, несомненно, древнее зло. Нет, не так. Это зло, черней которого ничего не может быть». Он вздрогнул всем телом. «Добро пожаловать в „Сумеречную зону“!»

Подошедшая Гейл коснулась его руки, и он дернулся от неожиданности так резко, что сфотографировал небо.

– Что здесь произошло? – спросила она. – Какой... сделал это?

– Вандалы. Может быть, байкеры, или сатанисты, или еще кто-нибудь. Я и раньше видел вандализм на кладбищах – ну, знаешь там, поваленные надгробия и прочее дерьмо, – но ничего похожего на это! Господи, посмотри сюда!

Он по широкой дуге обогнул пару разбитых на куски скелетов и подошел к массивному, украшенному резьбой каменному склепу. Крыша усыпальницы была сорвана целиком. Джек заглянул внутрь, но не увидел ничего, кроме пыли и клочков темной ткани на полу. Пахло чем-то затхлым, словно из пустого колодца. «Интересно, чей это склеп?» – подумал он. В любом случае здесь осталась только горстка серой пыли. Джек отступил на шаг, чтобы сделать снимок, и едва не споткнулся об оскалившийся скелет в темном костюме.

В нескольких метрах от него Гейл разглядывала раскопанную могилу. На надгробии была видна надпись затейливым шрифтом: «МЭРИ КОНКЛИН». На дне ямы лежали желтые кости, обернутые в паутину тонкого кружева.

– Джек, – тихо произнесла Гейл. – Мне кажется, это не просто вандализм.

– А? Что ты говоришь?

Она посмотрела на него, смутно осознавая, что на ветвях соседних деревьев распевают птицы, безразличные к заботам смертных.

– А гробы? – сказала она. – Куда делись гробы?

Джек застыл с опущенной камерой. Посмотрел на сдвинутую с места бетонную плиту склепа, в котором лежал древний прах, – сколько сотен фунтов могла весить такая штука? Там тоже не было гроба.

– Гробы? – переспросил он, и струйка ледяного пота пробежала по его спине.

– Ни одного нет, нигде. Думаю... гробы похитили, а останки просто вытряхнули.

– Это какое-то безумие, – тихо возразил он.

– Тогда загляни в эти пустые могилы, черт побери! – Теперь Гейл почти кричала, в животе у нее все перевернулось. – Попробуй найти там хоть один гроб! Ну же, загляни!

Джеку незачем было туда заглядывать. Он посмотрел на рябящий пятнами солнечного света пейзаж, напоминающий старинное поле битвы: погибшие солдаты остались гнить на

том месте, где они пали, на поживу стервятникам и собакам. «Нет гробов? – Фотоаппарат болтался у него на шее, отяжелевший от свидетельств отвратительного жуткого зла. – Нет гробов?»»

– Думаю... нужно позвонить копам, – услышал Джек собственный голос.

Он попятился прочь от оскверненной гробницы, наступил на отделенный от тела череп, и тот затрещал, словно испуская полный муки предсмертный крик.

III

– Вы не возражаете? – спросил Палатазин у сидевшей по другую сторону стола юной блондинки с блестками на веках, доставая когда-то превосходную пенковую трубку, ныне превратившуюся в оцарапанный кусок древесного угля.

– Что? А, нет, дядь, все нормально.

У девушки был гнусавый среднезападный акцент.

Он кивнул, чиркнул спичкой и поднес огонь к чаше. Эту трубку Джо подарила ему на первую годовщину их свадьбы, десять лет назад. На чаше был изображен мадьярский князь – один из тех диких воинов-кочевников, что захлестнули Венгрию кровавым потоком в девятом веке. Часть носа и бровь позже откололись, и теперь изображенное лицо больше подошло бы нигерийскому боксеру. Палатазин позаботился о том, чтобы дым уходил в сторону от девушки.

– Итак, мисс Халсетт. – Он заглянул в лежавший на столе блокнот; чтобы освободить для него место, Палатазину пришлось убрать целую охапку газетных вырезок и пожелтевших папок. – Во вторник вечером ваша подруга вышла работать на бульвар Голливуд, у тротуара остановился автомобиль, и что случилось потом?

– В машине сидел какой-то парень. Странный тип.

Девушка нервно улыбнулась ему, теребя фиолетовую замшевую сумочку, которую пристроила у себя на коленках. Ногти у нее были обгрызены до крови. В кресле у двери, в другом конце кабинета, сидел детектив Салливан Рис, мощный, как пожарный гидрант, и черный, как обугленная венгерская трубка. Детектив скрестил руки на груди и наблюдал за девушкой, время от времени поглядывая на Палатазина.

– Сколько лет было этому мужчине, мисс Халсетт?

Она пожала плечами:

– Не знаю. Помоложе тебя. Она говорит, что не может сказать точно, потому что, понимаешь, фонари на бульваре светят по ночам так ярко, так странно. Трудно рассмотреть человека, пока не столкнешься с ним лицом к лицу.

Палатазин кивнул:

– Черный, белый, чикано?

– Белый. У него были очень толстые стекла в очках, и от этого глаза казались огромными и смешными. Это был... моя подруга Шейла говорит... крупный парень... не то чтобы высокий или что-то еще, а просто... толстый. У него были

черные или темно-каштановые волосы, подстриженные ежиком, почти как щетина. Да и самому ему побриться не помешало бы.

– Во что он был одет? – спросил Рис мощным, утробным голосом.

Когда-то он учился в Школе Дюка Элингтона и пел в хоре басовые партии, сотрясая пол во всем зале.

– Э-э... синяя ветровка. Светлые брюки.

– На ветровке были какие-нибудь буквы? Логотип фирмы?

– Нет, не думаю.

Она снова посмотрела на Палатазина и вздрогнула. Ее пугало такое близкое соседство копов. Линн и Пэтти назвали ее дурой, когда она отправилась в Паркер-центр, чтобы поделиться информацией с копами, ведь они не сделали для нее ничего хорошего, только дважды арестовали по обвинению в домогательстве. Но она подумала, что, может быть, если ее снова загребут, этот грустный коп, который здесь за главного, вспомнит ее и как-нибудь все уладит. Приглушенный звон телефонов и стук пишущих машинок за дверью начали действовать ей на нервы, потому что перед визитом в полицию ей пришлось отказаться от всего – ни кокса, ни травы, ни таблеток. А теперь она так волновалась, что не могла вынести шума.

– Хорошо, Эми, – мягко сказал Палатазин, почувствовав ее беспокойство. Девушка напоминала сейчас оленя, учуяв-

шего запах оружия. – А что вы скажете о машине? Какой марки она была?

– «Фольксваген-жук». Серый или зеленовато-серый, кажется.

Палатазин сделал пометку в блокноте, записав оба цвета.

– Что случилось дальше с... э-э... вашей подругой?

– Этот парень открыл дверь и спросил: «Торгуешь или как?» – Девушка беспокойно повела плечами. – Ну, ты понимаешь...

– Он сделал вашей подруге непристойное предложение?

– Ага. И еще показал полусотенную. Потом сказал что-то вроде: «У Уолли для тебя кое-что есть...»

– Уолли?

Рис чуть подался вперед на своем стуле. В солнечном свете, льющемся через открытые жалюзи за спиной Палатазина, скуластое лицо детектива блестело, как полированное красное дерево.

– Вы уверены, что не перепутали имя?

– Нет, не уверена. Послушай, дядь, как я могу быть уверена, если все это случилось не со мной, а с моей подругой Шейлой?

Палатазин записал в блокноте: «УОЛЛИ?» А ниже строчкой: «УОЛТЕР?»

– А потом что было?

– Он сказал: «Тебе не придется делать ничего особенного. Просто сядь, и мы поговорим». – Девушка замолчала и

установилась на дома позади Палатазина. – Она едва не села. Полсотни баксов – это полсотни баксов.

– Верно, – сказал Палатазин.

Он посмотрел в ее встревоженные глаза и подумал: «Деточка, как ты вообще там ухитряешься выжить?» Если ей исполнилось хотя бы шестнадцать, Палатазин готов был станцевать чардаш перед всем отделом.

– Продолжайте, пожалуйста.

– Она едва не села в машину, но в последний момент почувствовала запах, какой-то... странный. То ли лекарство, то ли... э-э... отец Шейлы моет этим руки. Он доктор.

«ДОКТОР?» – записал Палатазин. А следом: «БОЛЬНИЧНЫЙ ПЕРСОНАЛ?»

– Тут Шейла испугалась и убежала. А когда оглянулась, этот тип уже отъезжал. Вот и все.

– А когда до твоей подружки дошло, что этот тип мог быть Тараканом? – спросил Рис.

– Я слежу за тем, что пишут в газетах. Думаю, все следят. Весь бульвар только об этом и говорит, поэтому я решила, что вы, копы, должны об этом узнать.

– Если это случилось во вторник, почему ты ждала так долго, а не сообщила сразу?

Она пожалала плечами и принялась грызть ноготь большого пальца.

– Я боялась. Шейла боялась. Чем дольше я думала, что это мог быть он, тем сильнее боялась.

– Ваша подружка случайно не запомнила номер автомобиля? – спросил Палатазин, держа ручку наготове. – Или что-нибудь особенное в этой машине?

Девушка покачала головой:

– Нет. Все случилось слишком быстро.

Она посмотрела в беззлобные серые глаза грузного копа, который так напоминал ей того полицейского, что работал с трудными подростками в Холте, штат Айдахо. Только этот коп был почти лысым, говорил с забавным акцентом и забрызгал кофе свой ярко-красный галстук с синими горошинками.

– На самом деле это ведь не он?

Палатазин откинулся на спинку крутящегося кресла, завитки голубоватого дыма витали вокруг него. Эта молодая проститутка была такой же, как десятки других, опрошенных за последние недели: измотанная и перепуганная, с хорошими мозгами, позволяющими уцелеть на улице, но не настолько хорошими, чтобы порвать с такой жизнью. Казалось, у них у всех одинаковое выражение глаз: с резким оттенком пренебрежения, маскирующим спрятанную где-то глубже и ближе к сердцу усталость. В последнее время он едва сдерживался, чтобы не встряхнуть какую-нибудь из этих уличных выживальщиц и не заорать: «Неужели вы не понимаете, что вас там ждет? Убийцы, насильники, садисты... или еще хуже. То, о чем вы боитесь даже подумать, потому что это сведет вас с ума; то, что прячется в тени человечества и ждет

на его кошмарной обочине своего часа, чтобы нанести удар. То извечное зло, что должно выделять зло и поглощать зло, чтобы самому выжить...»

«Хватит!» – мысленно прикрикнул на себя Палатазин. Внутри у него все было напряжено до предела, и он сам понимал, как близок к тому, чтобы сорваться.

– Это вполне возможно, – сказал он Эми.

– О господи! – Кровь отхлынула от ее лица, и она стала похожа на куклу Кьюпи, раскрашенную снаружи и пустую внутри. – Я хотела сказать, что... У меня были свидания со странными типами, но ни один из них не пытался...

Она схватилась за горло, представив себе, как жутко ухмылялся тот тип, когда она залезла в его машину.

– Эми, – тихо проговорил Палатазин, отбросив всякое притворство. – У нас есть художник, который может составить фоторобот того типа, который пытался вас снять. Я пока не говорю, что он и есть Таракан, это только подозрение. Мне бы хотелось, чтобы вы вместе с детективом Рисом сходили к художнику и описали этого человека. Все, что сможете вспомнить, – волосы, глаза, рот. Хорошо?

Он поднялся с кресла, а Рис встал рядом с девушкой.

– Еще мне хотелось бы, чтобы вы подумали про эту машину. Чтобы вы мысленно представили ее и вспомнили о ней как можно больше. В особенности ее номер. Возможно, вы его все-таки видели и неосознанно сохранили в памяти. Спасибо, что пришли поговорить с нами, Эми. Салли, ты от-

ведешь ее к Маку?

– Конечно. Идемте со мной, мисс Халсетт.

Детектив открыл перед девушкой дверь, и в кабинет вломился рабочий шум отдела по расследованию убийств – визг телефонов, безжалостные удары по двум пишущим машинкам, стук открывающихся и закрывающихся ящиков картотеки, монотонный стрекот телекса. Девушка остановилась на пороге и обернулась к Палатазину:

– Я кое-что вспомнила. Его руки. Они были... очень большие, понимаешь? Я видела, как он сжимает руль.

– Он носил какие-нибудь кольца?

– Я... нет, не думаю.

– Ну ладно, все в порядке. Салли, как только получишь фоторобот, принеси его мне, хорошо?

Салли кивнул и повел девушку по просторной, заставленной картотечными шкафами и столами комнате с линолеумом на полу. Палатазин, чувствуя, как забился в висках пульс надежды, пробрался сквозь лабиринт столов туда, где сидел детектив Брашер, ожидавший звонка осведомителя. Молодой человек с песочными волосами и глубоко посаженными зелеными глазами, смотрящими с каждым годом все жестче и жестче, бился над кроссвордом в свежей «Таймс». Увидев, что к нему приближается капитан, Брашер мгновенно отбросил газету в сторону.

– Непохоже, чтобы ты был чем-то сильно занят, Брашер, – сказал Палатазин. – Мне нужно подобрать кое-какие папки.

Просмотри всех, кого мы опрашивали в связи с убийствами Таракана, и найди среди них тех, у кого есть «фольксваген» и кто проходит под именем Уолли или Уолтер либо имеет такие клички. Еще я хочу, чтобы ты просмотрел дела по изнасилованиям и уличным нападениям и отобрал то же самое. Приблизительно за три последних месяца.

– Да, сэр. – Он записал задание в блокнот и встал из-за стола. – Я ожидал звонка от сутенера, с которым недавно разговаривал.

– Пусть Хейден ответит за тебя. – Палатазин указал на мужчину за соседним столом. – Мне нужны эти папки, и как можно скорее.

Он отвернулся от Брашера, увидел шагнувшую в комнату Гейл Кларк и почувствовал мгновенный прилив гнева и раздражения. Она опоздала на час с лишним, и сейчас ему совсем не хотелось выслушивать ее глупые вопросы. Пару раз, когда он отказывался с ней разговаривать и отсылал ее в отдел связи с прессой, «Тэттлер» выдавал бьющие по большому передовицы о том, как капитан Эндрю Палатазин еле передвигает ноги, расследуя дело Таракана. В любое другое время он не возражал бы против этой беседы, но сейчас все газеты давили на мэра, тот в свою очередь давил на комиссара полиции, топтавшегося двумя ногами на спине у шефа полиции Гарнетта, который приходил к Палатазину, жуя зубочистку, и требовал ответа, почему дело до сих пор не раскрыто. А Палатазин мог только жевать таблетки от изжо-

ги и бродить по отделу, словно раненый, разъяренный медведь. Он знал, что его сотрудники работают, напрягая все силы, но высокопоставленные политики начинали нервничать. Поэтому комиссар отдал строгую директиву: сотрудничать с прессой.

«Теперь мало быть просто полицейским, – желчно подумал Палатазин, направляясь навстречу Гейл Кларк. – Ты должен быть социальным работником, психологом, политиком и угадывателем мыслей в одной упаковке».

– Вы опоздали, – коротко бросил он. – Что вы хотите?

– Мне очень жаль, – ответила она, но по ее тону этого не было заметно. – Меня немного задержали дела. Мы можем поговорить в вашем кабинете?

– Где же еще? Но прошу вас, давайте побыстрее. У меня много работы.

Палатазин проводил ее в кабинет, закрыл дверь и сел за стол. Имя Уолли шершнем гудело у него в голове.

– Я могу только повторить вам то, что уже говорил сегодня утром для «Таймс» и «Леджер»: у нас пока нет главного подозреваемого, но за некоторыми людьми ведется наблюдение. И нет, я не заметил ничего общего между Тараканом и Джеком-потрошителем. Мы увеличили количество подсадных уток на улицах, но мне бы не хотелось, чтобы вы предавали это огласке. Вы сделаете это?

– А я должна?

Она приподняла бровь и достала из сумочки шариковую

ручку «Флэр».

«Спокойно, – сказал себе Палатазин. – Не дай ей поддеть тебя, у нее это хорошо получается».

– Мисс Кларк, – тихо проговорил он, отодвинув трубку в сторону и положив руки на стол. – Последние недели нам с вами, по несчастному стечению обстоятельств, приходилось работать в тесном контакте. Я знаю, что не нравлюсь вам, но мне это безразлично. Я не испытываю особого уважения к вашей газете.

Он повернулся к стопке бумаг на столе, покопался в ней, нашел выпуск «Тэттлер» недельной давности и подтолкнул к ней. Заголовок передовицы кричал кроваво-красными буквами: «ГДЕ СКРЫВАЕТСЯ ТАРАКАН? КТО СТАНЕТ ЕГО СЛЕДУЮЩЕЙ ЖЕРТВОЙ?»

Легкая улыбка Гейл Кларк чуть дрогнула, но не исчезла.

– Вы должны помнить, как две недели назад я рассказал вам, что отправил нескольких женщин-полицейских изображать проституток на улицах города. То же самое я сообщил всем городским газетам и попросил их не публиковать эту информацию. Вы должны помнить, что и вас я попросил о том же. Так почему же, открыв вашу газету, я натыкаюсь на заголовок «Смогут ли женщины-полицейские заманить Таракана в ловушку?». Он не совершил ни одного нападения с тех пор, как эта информация была опубликована. Не думаю, что он настолько болен на голову, чтобы читать вашу газету, но предполагаю, что он узнал от кого-то об этих подсадных

утках и решил залечь на дно. Могут пройти месяцы, прежде чем он всплывет опять, но к тому времени его след совсем остынет.

– Я пыталась умолчать об этом в своей статье, – сказала Гейл. – Но главный редактор заявил, что каждая новость должна быть опубликована.

– О, тогда, может быть, вашего главного редактора нужно назначить на мое место, раз уж он так хорошо разбирается в работе полиции?

Он снова порылся в бумагах, нашел другой выпуск «Тэттлер» и подтолкнул его Гейл, словно кусок гнилого мяса. Заголовок трубил: «БЕЗУМНОЕ МАССОВОЕ УБИЙСТВО». Ниже была фотография, во всех ужасных подробностях показывающая, как работники морга забирают Шарлин Маккей. Остальные заголовки пытались перекричать друг друга: «В ОКРЕСТНОСТЯХ ЭЛ-ЭЙ ПРИЗЕМЛИЛОСЬ НЛО?», «НЕ СТАРЕЙТЕ НИКОГДА – ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ ДИЕТА НА ОСНОВЕ МОРСКИХ ВОДОРОСЛЕЙ!», «КАК ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА РОК-ЗВЕЗДУ?».

Палатазин презрительно фыркнул:

– Люди на самом деле подписываются на эту чушь?

– Триста тысяч, по данным за прошлый год, – невозмутимо ответила она. – Я бы могла сказать, что сожалею о попавшей в печать информации о подсадных утках, но не думаю, чтобы из этого что-нибудь вышло.

– Вы правы. У меня такое ощущение, что ничего не изме-

нится, если мы попробуем все это повторить. Неужели вы не понимаете, сколько вреда приносят эти необдуманные статьи о Таракане? Люди пугаются, начинают подозревать друг друга, не решаются даже просто выйти из дома вечером. А еще они не очень помогают расследованию. – Он взял трубку и вставил ее между зубов, едва не прокусив мундштук. – Я думал, что могу положиться на ваш профессионализм. А теперь вижу, что ошибся.

– Какого черта?! – неожиданно взорвалась она, подавшись вперед и гневно сверкая глазами, словно собиралась наброситься на Палатазина через стол. – Я пишу хорошие статьи! Чертовски хорошие! Я не могу ничего поделаться с заголовками и не могу указывать главному редактору, что нужно печатать, а что нет! Ну хорошо, я понимаю, что «Тэттлер» старается выдоить из этой коровы все до последней капли, но так же поступают все остальные городские газеты! Все решают деньги, капитан, и любой, кто утверждает, что это не так, либо дурак, либо лжец. Но если вы прочтаете мои статьи, то поймете, что я чертовски хороший журналист и говорю людям правду такой, какой ее вижу!

Палатазин помолчал немного. Прикурил трубку и посмотрел на Гейл сквозь пелену табачного дыма.

– Зачем вы тратите время на «Тэттлер»? – спросил он наконец. – Они недостойны вас. Неужели вы не можете работать где-нибудь в другом месте?

– Я зарабатываю себе имя. – Румянец понемногу сошел с

ее лица. – Такова жизнь. Большинство из тех женщин, что закончили два года назад факультет журналистики Юси Эл-Эй, сидят на попе ровно, переписывая или редактируя чужие статьи, или бегают в кафе на углу за кофе и бутербродами с ветчиной для настоящих репортеров. Возможно, «Тэттлер» и не предел моих мечтаний, но, по крайней мере, здесь я набираю себе поклонников, которые покупают газету только для того, чтобы прочитать мою статью.

– Горстку поклонников. Из числа тех, кто любит полюбоваться авариями на дороге.

– Их деньги ничем не хуже. Даже лучше, чем у большинства остальных. И не смотрите на них свысока, капитан. Они и есть великий американский средний класс. Те самые люди, которые оплачивают ваше жалованье, между прочим.

Палатазин задумчиво кивнул. Оттенок гнева еще тлел в темно-карих глазах Гейл, сверкающих, словно поверхность глубокого озера, потревоженная брошенным камнем.

– Что ж, – сказал он, – тогда мне лучше заняться делами, чтобы отработать свое жалованье. Так зачем вы хотели меня видеть?

– Да так, пустяки. Вы уже ответили на мои вопросы. Я только хотела уточнить, почему вы решили, что Таракан спрятался. – Она закрыла свою «Флэр» колпачком и положила обратно в сумочку. – Возможно, вам будет интересно узнать, что на следующей неделе главной новостью станет не он.

– Вы меня успокоили.

Она встала со стула и забросила сумочку через плечо.

– Хорошо. Скажите, не для публикации, вы хоть немного приблизились к его поимке за эту неделю?

– Не для публикации? Нет, не приблизились. Но, возможно, у нас появились кое-какие новые зацепки.

– Какие, например?

– Пока слишком рано говорить об этом. Нужно подождать и посмотреть.

Она слабо улыбнулась:

– Больше не доверяете мне?

– Отчасти поэтому. Но еще и потому, что мы работаем с информацией, которая поступила с улицы только сегодня, и вы лучше других должны понимать, насколько ненадежной она может оказаться.

Он встал и проводил ее к выходу. Она остановилась, едва дотронувшись до ручки двери.

– Я... я не должна была так горячиться. Но сегодня я столкнулась с чем-то отвратительным. Чем-то диким. Вы считаете, что я слишком сильно на вас давлю?

– Да, считаю.

– Это потому, что я не хочу всю жизнь оставаться в «Тэттлер». Я должна быть рядом, когда вы его поймаете, капитан, потому что довести эту историю до конца – это моя единственная возможность подняться выше. Хорошо, я действительно чертовски амбициозна и беспринципна, но и прак-

тична при этом. Такая тема выпадает журналисту раз в сто лет. Посмотрим, сумею ли я обернуть это себе на пользу.

– Мы можем так никогда и не поймать его.

– Я могу процитировать это ваше заявление?

Глаза Гейл округлились, и по серьезному выражению ее лица и пронзительному взгляду Палатазин никак не мог понять, шутит она или нет.

– Думаю, не стоит. – Он открыл ей дверь. – Уверен, что мы с вами еще поговорим об этом. Кстати, а что же вышло у Таракана с первой полосы? Какая-нибудь пожилая леди нашла у себя на чердаке завещание Говарда Хьюза?

– Нет.

По ее спине пробежал холодок. Она еще чувствовала запах гниения тех трупов с кладбища, пропитавший всю ее одежду.

– Разграбление могил на Голливудском мемориальном. Поэтому я и опоздала. Мне нужно было продиктовать статью по телефону и побеседовать с голливудскими копами.

– Разграбление могил? – чуть слышно повторил Палатазин.

– Ага. Или, скорее, похищение гробов. Что бы это ни было, но примерно двадцать гробов выдрали из земли и разбросали вокруг... их содержимое.

Палатазин вынул трубку изо рта и уставился на нее, и только где-то под горлом глухо бился пульс.

– Что? – чужим, хриплым голосом, больше похожим на

кваканье лягушки, спросил он.

– Да, дикость какая-то.

Гейл шагнула за дверь, но Палатазин неожиданно схватил ее за руку, сжав почти до боли. Она взглянула на него и моргнула. Лицо Палатазина сделалось восковым, губы шевелились, но не издавали ни звука.

– Что вы сказали? – с усилием проговорил он. – Когда это случилось?

– Думаю, где-то посреди ночи. Эй, послушайте... вы... вы делаете мне больно.

Он посмотрел на свою руку и тут же отпустил Гейл.

– Простите. Голливудское мемориальное? Кто первым оказался на месте происшествия?

– Я. И фотограф из «Тэттлер» – Джек Кидд. Что вас так обеспокоило? Вандализм – это ведь не ваш профиль?

– Нет, но...

Он казался опустошенным и растерянным, как будто мог в любую секунду рухнуть на пол безжизненной кучей тряпья. Взгляд его остекленевших глаз напугал Гейл до дрожи в позвоночнике.

– С вами все в порядке? – нерешительно спросила она и не услышала мгновенного ответа.

– Да, – кивнул он наконец. – Да, все хорошо. Все хорошо. Не могли бы вы уйти, мисс Кларк? У меня много работы.

Палатазин придержал дверь для нее, и она прошла в рабочую комнату отдела. Потом обернулась, чтобы попросить

Палатазина не забыть о ней, когда – и если – у него появится крепкая версия насчет Таракана. Но дверь захлопнулась прямо у нее перед носом. «Какого черта?! – подумала она. – В чем дело? Может быть, то, что я слышала, – правда? Может быть, он начал трещать под давлением? Если так, из этого должна получиться пикантная и трогательная статья». Она развернулась и вышла.

А за дверью Палатазин сжимал телефонную трубку победившими пальцами. Наконец дежурный полицейский ответил ему.

– Это Палатазин, – сказал он. – Дайте мне лейтенанта Киркланда из Голливудского дивизиона.

Голос его был требователен и полон ужаса.

IV

Солнце перевалило через свою высшую точку и начало опускаться, углубляя тени, что цеплялись драгоценной осенней прохладой за восточные фасады массивных зданий из камня и стекла, стоявших в центре Лос-Анджелеса. В медленном угасании света и дня оно окрасило алыми тонами гладкую поверхность прудов в Макатур-парке. Чистые золотые лучи заплывали в витрины магазинов и бутиков на Родео-драйв в Беверли-Хиллз. Пыль лениво колыхалась в воздухе между сбившимися в кучу кубами многоквартирных домов Восточного Эл-Эй, а развешенное на веревках от од-

ного окна к другому белье захватывало крупницы летящего песка. К набережной Венис, по которой живыми волчками носилась и крутилась на роликах детвора, все ближе подкапывал тихоокеанский прибой, постепенно приобретая сначала оранжевую окраску, потом алую и, наконец, сгущаясь в фиолетовую. На бульварах Сансет и Голливуд засверкали огни, словно раскаленные драгоценные камни. Горы Сан-Габриэль казались сваленными вперемешку грудами света и тьмы, скалистые выступы на западных склонах горели багрянцем, а восточные уже сделались почти черными.

А над всем мегаполисом с восемью миллионами разных жизней и судеб расселся на каменном троне замок Кронстина. Это было огромное, раскинувшееся на большой площади сооружение из выветренного черного камня с высокими башенками, готическими арками крыш, поврежденными горгульями, скалящимися с высоты или созерцающими лоскутную человеческую мозаику внизу. Многие окна были разбиты и заколочены досками, но некоторым верхним удалось пережить вандализм, и те, что были изготовлены из цветного стекла, переливались теперь красными, синими и фиолетовыми огнями в яростном, напористом свете закатного солнца. В темнеющем воздухе сгущался и накапливал злобу ночной холод. Ветер, проносясь между бойницами каменных стен, что-то шептал и насвистывал, словно сквозь сломанные зубы.

И в какое-то жуткое, леденящее кровь мгновение многим

там, внизу, почудилось, будто их окликают по имени из-под опускающейся завесы ночи.

V

Горячий неон обжигал мозги Рико Эстебана. Вокруг грохотали моторы, мощные звуки электронной музыки разрезали воздух. Он понимал, что должен что-то сказать темноволосой девушке, вжавшейся в пассажирское сиденье автомобиля, но в голове вертелись только два слова, говорить которые точно не следовало: «гребаное дерьмо». Кроме этой грубой оценки собственных ощущений, его гудящие от перегрузки мыслительные цепи ничего выдать не могли.

«*Prenado?* – мысленно повторил он. – Она сказала, что беременна?» Всего несколько минут назад он притормозил свой огненно-красный лоурайдер¹⁴ – «шеви» возле фасада дома, в котором жила Мерида Сантос, на Дос-Террос-стрит, в мрачном, заставленном многоквартирными домами баррио¹⁵ Восточного Лос-Анджелеса. Из коридора, в котором единственная тусклая лампочка выхватывала из темноты шаткую лестницу и покрытые граффити стены, почти сразу же выскочила Мерида и запрыгнула в машину. Он поцело-

¹⁴ *Лоурайдер* – автомобиль с намеренно заниженной подвеской, окрашенный в кричаще-яркие цвета, популярные среди американцев мексиканского происхождения.

¹⁵ *Баррио* – квартал города, населенный преимущественно испаноязычными жителями.

вал ее и тут же подумал, что с ней что-то не так. Взгляд у нее был какой-то непривычный, немного печальный, а под глазами появились темные круги. Его «шеви» рванул вперед, наполнив Дос-Террос-стрит грохотом, от которого задрожали оконные стекла, а два-три старикана возмущенно завопили, но машина уже с визгом понеслась к бульвару Уиттиер. Мерида отодвинулась от него и уставилась на свои руки, ее длинные черные волосы волнами ниспадали на плечи. На ней было голубое платье с серебряным распятием на цепочке, которое Рико купил ей неделю назад на день рождения.

– Эй! – Он наклонился к ней и указательным пальцем приподнял ее подбородок. – Что случилось? Ты плакала? Эта шизанутая *perra*¹⁶ тебя опять побила?

– Нет, – ответила Мерида чуть дрожащим мягким голосом.

В свои шестнадцать лет она все еще была скорее девчонкой, чем женщиной. С гладкой смуглой кожей, подтянутым и стройным, как у жеребенка, телом. Обычно ее глаза искрились застенчивой, смешливой невинностью, но сегодня что-то изменилось, и Рико никак не мог понять, что именно. Если эта сумасшедшая старуха, мать Мерида, не отлупила ее снова, тогда в чем же дело?

– Луис опять убежал из дома? – спросил Рико.

Она покачала головой. Рико откинулся в удобную чашу красного сиденья и отбросил со лба прядь черных волос.

¹⁶ Сука (*исп.*).

– С этого Луиса глаз нельзя спускать, – тихо проговорил он, объезжая парочку пьяных гуляк, отплясывающих прямо посреди улицы, и нажал на клаксон, на что один из танцоров показал ему средний палец. – Парень еще слишком молод, чтобы водиться с «Головорезами». Я ему раз сказал, потом еще сто раз сказал, чтобы он не связывался с этими *ladrones*¹⁷. Они его до добра не доведут. Где ты хочешь сегодня поужинать?

– Мне все равно, – ответила Мерида.

Рико пожал плечами и повернул на бульвар, в яркий неоновый карнавал, перемигивающийся над порнокинотеатрами, барами, дискотеками и винными магазинами. Было чуть больше половины седьмого, но лоурайдеры уже всюду бились за места для стоянки, пыхтя при этом, как локомотивы современной обтекаемой формы. Машины всех цветов радуги, от синего «электрик» до кислотно-оранжевого, с полосатыми, как зебра, или пятнистыми, как шкура леопарда, крышами и антеннами высотой с башню. Они продвигались ползком, подпрыгивая и раскачиваясь, словно брыкливые дикие скакуны, а вдоль бульвара выстроились толпы подростков-чикано, ищущих развлечений в этот субботний вечер. Транзисторы и автомобильные радиоприемники ревели во всю мощь, стараясь перекричать друг друга в бешеном угаре рока и диско. Их заглушали только громовые басы, прорывающиеся сквозь открытые двери баров. В притор-

¹⁷ Разбойник, мерзавец (*исп.*).

но-сладком жарком воздухе с ароматами выхлопных газов, дешевого парфюма и марихуаны трещали жестяные голоса. Рико прибавил громкость своего радио, довольная ухмылка расколола его смуглое лицо. Рев Тигра Эдди с Кей-Эй-Эл-Эй превратился в гипнотическое заклинание: «Разнесем этот город в ПРАХ и сровняем его с землей, разнесем под ОРЕХ, ведь мы круче ВСЕХ, это наша СУБ-БОТ-НЯЯ ночь. Могучее Кей-Эй-Эл-Эй идет к вам с „Волками“ и „Рож-ж-жденными для крутизны“».

Мерида выключила радио. «Волки» продолжали завывать из дюжины других динамиков.

– Рико, – сказала Мерида, на этот раз глядя ему прямо в глаза, и ее нижняя губа задрожала. – Оказывается, я беременна.

«Гребаное дерьмо! – подумал Рико. – Беременна? Она сказала „беременна“?» Он чуть было не спросил: «От кого?» – но сдержался. Рико прекрасно знал, что последние три месяца она спала только с ним, даже после того, как у него появилась эта квартира в нижней, бедной части бульвара Сансет. Она добрая, порядочная и верная женщина. «Женщина? – мысленно повторил он. – Ей только исполнилось шестнадцать. Да, девушка, но во многом и женщина тоже». Рико был так ошарашен, что не мог ничего сказать. Волны лоурайдеров заколыхались перед ним, словно металлический океан. Он почти всегда пользовался резинками и считал, что соблюдает все предосторожности, и вдруг... «Что

теперь делать? – спросил он самого себя. – Из-за твоего большого мачо у этой женщины теперь проблемы, и что ты собираешься делать?»

– Это точно? – спросил он наконец. – Откуда ты узнала?

– У меня не началось вовремя, я пошла в клинику, и доктор мне все объяснил.

– А он ничего не напутал? – пытался привести мысли в порядок Рико. – Когда я мог не предохраниться? Когда мы пили вино той ночью или когда торопились...

– Нет, – сказала она, и от ее категоричного тона у него засосало под ложечкой.

– Твоя мать знает? Она меня убьет. Она и так меня терпеть не может. Недавно сказала, что если снова увидит нас вместе, то пристрелит меня и сама вызовет копов...

– Она не знает, – тихо ответила Мерида. – Никто больше не знает.

Она сдавленно всхлипнула, словно полузадушенный кролик.

– Не плачь, – сказал Рико слишком громко и слишком резко, но тут же понял, что она уже плачет, опустив голову, и по щекам ее катятся крупные капли слез.

Он всегда ощущал себя ее защитником, скорее старшим братом, чем любовником. «Люблю ли я Мериду?» – спросил он себя, и этот простой вопрос, заданный в лоб, поставил его в тупик. Рико не мог с уверенностью сказать, знает ли он, что такое любовь. Может быть, она похожа на хороший

секс? Или это ощущение, что рядом с тобой есть кто-то, с кем запросто можно поговорить? Или это такое же тихое и благоговейное чувство, какое испытываешь, сидя в церкви?

– Пожалуйста, не плачь, хорошо? – сказал Рико, остановившись на светофоре вместе с другими лоурайдерами.

Водители уже нажимали на педаль газа, бросая ему вызов, но он не обращал на них внимания. Через мгновение Мерида перестала плакать, но так и не взглянула на него, разыскивая в сумочке носовой платок. «Шестнадцать! – думал Рико. – Ей только исполнилось шестнадцать!» А вот он – такой же, как и все остальные в этой самодовольной толпе на бульваре в субботу вечером, одетый в зауженные чинос¹⁸ и бледно-голубую рубашку, и золотая цепочка с крошечной ложечкой для кокса свисает с его шеи. Жеребец-мачо, который собирался отвести свою женщину куда-нибудь поужинать, заглянуть с ней на одну-две дискотеки, а потом затащить к себе в кровать и по-быстрому заняться сексом. Только теперь все круто изменилось – Мерида забеременела от него, он сделал ребенка ребенку и теперь почувствовал себя отягощенным годами и серьезными проблемами, какие не снились ему даже в самых страшных кошмарах. Он представил, что смотрит на себя со стороны – на свое худое лицо с высокими скулами, привлекательное на особый, мрачный и опасный манер из-за дважды сломанного и дважды плохо вправленного носа, и видит тонкие бороздки вокруг глаз

¹⁸ Чинос – мужские летние брюки из хлопковой ткани, зауженные снизу.

и морщины на лбу. В этот миг ему снова захотелось стать маленьким мальчиком, играющим с красной пластмассовой машинкой на холодном полу, пока его мать и отец обсуждают, как мистер Кабрильо сбежал с женой мистера Эрнандеса, а старшая сестра крутит туда-сюда настройку транзисторного приемника. Он хотел бы навсегда остаться ребенком, без груза проблем на шее. Но мать и отец умерли почти шесть лет назад, погибли во время пожара, который начался с одной искры в старой, неисправной электропроводке и пронесся огнедышащим смерчем по всему многоквартирному дому, так что три этажа обрушились еще до того, как приехали пожарные. Рико в это время свел дружбу с уличной бандой «Костоломов» и как раз пил под лестницей красное вино с тремя приятелями, когда услышал вой пожарных машин. Он до сих пор иногда просыпался среди ночи в холодном поту от этого воя. Его сестра Диана стала теперь моделью в Сан-Франциско, или, по крайней мере, так она сообщала ему в нечастых письмах. Она всегда писала, что собирается сниматься для какого-нибудь журнала или встретила мужчину, который возьмет ее в рекламный бизнес. Однажды Диана похвасталась, что станет моделью июня, но, конечно же, на обложке «Плейбоя» в том месяце оказалась голубоглазая блондинка, живущая за тридевять земель от баррио. Рико не видел сестру уже два года, а последнее письмо от нее пришло больше полугода назад.

Светофор мигнул, сменив цвет на зеленый. Вокруг с виз-

гом срывались с места лоурайдеры, оставляя позади густой след резины. Рико внезапно понял, что очень крепко сжимает руку Мериды.

– Все будет хорошо, – сказал он. – Вот увидишь.

А потом она быстро скользнула по сиденью и прижалась к нему плотно-плотно, словно вторая кожа, и если любовь – это что-то вроде жалости, то да, Рико любил ее.

– Слушай, хочешь гамбургер или что-нибудь еще? Я могу остановиться прямо здесь.

Он показал на закусочную «Толстый Джим» с огромным сине-лиловым неоновым гамбургером, парящим в небе. Мерида покачала головой.

– Ладно, поужинаем потом.

Рико взял с приборной панели пачку «Уинстона» и закурил. Мимо проскользнула в обратную сторону черно-белая патрульная машина, и Рико на какое-то ледяное, остановившее сердце мгновение встретился взглядом с сидевшим за рулем копом. В коробке, спрятанной в специально вырезанном углублении под резиновой подкладкой багажника, Рико вез несколько граммов кокса и кучку пятидолларовых пакетиков с чистейшим «колумбийским красным». Такая у него теперь была работа – снабжать коксом малолеток, что ошивались возле рок-клубов на Сансет-Стрип. Хотя он и занимался одной мелочовкой, на крутой прикид этого заработка вполне хватало. А его поставщик, лысый парень, щеголявший в костюмах от Пьера Кардена и называвший себя Джон-

Цыган, говорил, что при своих стальных нервах и честолюбии Рико вполне может стать когда-нибудь большим человеком в этом деле. Не таким, как сам Джон-Цыган, разумеется, но достаточно большим. Рико безучастно отвел взгляд от копа и ловко перестроился в хвост разрисованного в тигриные полосы «тандерберда». Кто-то окликнул его с тротуара, он обернулся и увидел Феликса Ортегу и Бенни Грациона, стоявших вместе с двумя симпатичными лисичками у входа в дискотеку «Давай-давай». Рико поднял руку и крикнул: «Как дела, *amigos?*»¹⁹ – но не остановился, потому что эти парни были живым напоминанием о времени, проведенном с «Костоломами».

Наконец Мерида задала вопрос, которого так страшился Рико:

– Что мы будем делать?

С блестящими глазами она внимательно наблюдала за ним, выискивая любой намек на предательство.

Он пожал плечами, сигарета повисла на нижней губе.

– А что ты хочешь, чтобы мы сделали?

– Это твой ребенок.

– И твой тоже! – громко ответил Рико.

Поначалу лицо его налилось кровью от раздражения – почему она не принимала таблетки или что-нибудь еще, но затем щеки окрасил румянец горячего стыда.

– О боже! – хрипло проговорил он. – Я не знаю, что теперь

¹⁹ *Amigo* (амиго) – друг (исп.).

должен делать.

– Ты ведь любишь меня? Ты говорил, что любишь. Если бы ты так не сказал, я бы ни за что не согласилась. Ты у меня первый и единственный.

Он мрачно кивнул, вспомнив, как овладел ею в первый раз. Это случилось на заднем сиденье его машины в автокинотеатре рядом с Саутгейтом. Когда все кончилось, Рико очень гордился собой, потому что она была у него первой девственницей, а он знал, что не может считаться настоящим мужчиной, пока не сломает целку. Однажды Ортега так и сказал ему на заброшенном складе, который «Костоломы» превратили в свою штаб-квартиру: «Трахни девственницу, чувак, и она будет любить тебя вечно».

«О господи! – подумал он. – Вечно? С одной цыпочкой? Мне нужно думать о делах. Очень скоро я смог бы покупать себе шелковые рубашки, туфли из крокодиловой кожи или отличный черный „порше“. Смог бы жить в таком же пентхаусе, как у кинозвезд. Я в самом деле смог бы стать кем-то в этом городе, кем-то даже большим, чем Джон-Цыган!» Но теперь Рико видел свой путь, который сворачивал прямо в черное, горькое сердце баррио. Через десять лет он будет работать в каком-нибудь гараже и в пять часов вечера возвращаться домой, в двухкомнатную квартирку, где его будут ждать Мерида и двое-трое детей с сопливыми носами и прочими радостями. Его руки почернеют от моторной сажи, а живот разбухнет от всего того пива, что он будет выпивать с

приятелями по субботам. Мерида станет измотанной и костлявой, дети, все время путающиеся под ногами, и теснота маленькой квартиры сделают ее раздражительной и сварливой, совсем не похожей на ту красавицу, какой она выглядит сейчас. Они будут ругаться из-за того, что он не может найти более денежную работу, что у него не осталось никакого честолюбия, – и такая жизнь начнет затягиваться петлей на его шее, пока не задушит до смерти. «НЕТ! Я НЕ МОГУ НА ЭТО ПОЙТИ!» – сказал Рико самому себе и включил музыку громче, чтобы не слышать собственных мыслей.

– Мерида, – сказал он, – я хочу, чтобы ты была уверена. То есть... я хочу, чтобы ты не сомневалась, что... ну, понимаешь... что это мой ребенок.

Рико пытался нащупать, отыскать что-нибудь такое, чем можно отгородиться от решения, которое он должен принять. И тут же почувствовал себя предателем, насквозь прогнившей трусливой душонкой. Но он понял главное: что не любит Мериду настолько, чтобы изменить свою жизнь ради нее.

Она отвернулась, отодвинулась от него, перестала горбиться и села совершенно прямо, сцепив руки на коленях.

«Ну вот, – сказал себе Рико. – Теперь она все поняла. О господи, какое же все это дерьмо, чувак! Ты обошелся с ней как с обычной девкой, какой-нибудь фанаткой „Костоломов“ или одной из размалеванных неонам шлюх, что сами выкрикивают свою цену по обеим сторонам бульвара».

Вдруг из горла Мериды вырвалось рыдание, и она выско-
чила из «шеви», прежде чем Рико сообразил, что происхо-
дит. Она побежала прямо по улице в обратном направлении,
лоурайдеры объезжали ее, а водители выкрикивали прокля-
тия и оскорбительные предложения.

– Мериды!

Рико круто вывернул руль, заехал на поребрик и выдернул
ключ из замка зажигания. Потом вылез из машины и побе-
жал по Уиттиеру, пытаясь отыскать ее в свете сотен ослепи-
тельно-белых фар, равнодушно глазевших на него.

– МЕРИДА! – позвал он, бросаясь прямо на зеленый
«форд», водитель которого пообещал, что засунет его голову
ему же в задницу.

Рико бежал среди движущихся машин, проклинаясь на
всех языках и со всеми интонациями, но его это ничуть не
волновало. Мериды была слишком молода, слишком невин-
на для того, чтобы оказаться субботним вечером в неонео-
вой преисподней бульвара. Она по своей доверчивости со-
вершенно не понимала, какая ей угрожает опасность. «Она
всегда полагалась на меня, – с горечью подумал Рико. – А
я оказался худшим из насильников – я надругался над ее
душой». Полуослепший от яростных атак фар, он помчался
дальше, еле успев отскочить в сторону, когда мимо пронесся
здоровенный рыжебородый байкер на синем чоппере. Что-то
сверкнуло на тротуаре, и Рико склонился подобрать находку.
Это было серебряное распятие Мериды, его подарок на

ее день рождения. Застежка лопнула, когда Мерида сорвала цепочку с шеи, металл все еще хранил тепло ее тела.

– Мерида! – крикнул Рико, вглядываясь в сияющее море огней. – Прости меня!

Но ночь поглотила ее, она исчезла, и Рико понимал, что даже если она расслышит его зов сквозь этот безумный шум, то все равно не повернет назад. Нет, она была слишком гордой для этого, и в сравнении с ней Рико ощущал себя отвратительной тварью, покрытой заразными язвами.

Он заметил голубой огонь патрульного автомобиля, который приближался, скользя между лоурайдерами. Холодная паника пронзила его, как только он подумал о товаре, лежавшем в багажнике «шеви», – легкая добыча для копов, если они решат полюбопытствовать, что он везет. Рико развернулся кругом и, расталкивая людей, помчался по тротуару наперегонки с патрульной машиной. Заметив приближение копов, сутенеры в павлиньих костюмах и их девки в обтягивающих шортах шмыгали за двери. Луч синего света кружился и кружился, электризуя воздух, но копы пока не врубили сирену. Рико запрыгнул в «шеви», вдавил в гнездо ключ зажигания и попятился с поребрика, а потом резко крутанул руль и влился в поток медленно движущихся к западу машин. Впереди, примерно за квартал от него, столкнулись посреди бульвара два лоурайдера, и двое парней схватились между собой, подзуживаемые плотным кольцом зевак. Проезжая мимо них, Рико услышал душераздирающий

визг полицейской сирены, посмотрел в зеркало заднего вида и увидел, как патрульный автомобиль остановился, чтобы разнять дерущихся. Он надавил на газ и плавно проскользнул мимо полицейской машины. «Не хватало мне еще сегодня проблем с копами, – сказал себе Рико. – Черт, у меня их и так выше крыши!»

И тут он вспомнил, что Мерида сейчас одна на бульваре. Нельзя ее оставлять этой своре хищников, охочих до свежего мяса. Рико нашел свободное место, быстро сделал u-образный разворот и поехал обратно, мимо патрульной машины, туда, где Мерида выскочила на улицу. Мутные личности, исчезнувшие в темных переулках и дверях, снова вылезли торговать своим товаром. Тротуары переполняла ненасытная толпа, и в этой давке худенькая беременная девушка-чикано мало что значила. Тревожась за нее, Рико сжал в кулаке серебряную цепочку с распятием; и хотя он никогда не был особо религиозным, сейчас очень жалел, что Мерида не оставила ее при себе, на удачу. «Я найду ее, – думал он. – Даже если придется искать до самого утра, я все равно найду ее».

Его «шеви» умчался в ночь и вскоре растворился в море металла.

VI

В тот момент, когда Мерида Сантос выпрыгнула из крас-

ного «шеви» на бульваре Уиттиер, Палатазин стоял у запертых ворот Голливудского мемориального кладбища. Он сжимал руками прутья решетки и смотрел, как холодный вечерний бриз шелестит пальмовыми листьями над его головой. Было уже почти семь, и он вспомнил, что обещал Джо заехать за ней в шесть тридцать и отвезти поужинать в «Будапешт». Палатазин решил, что расскажет ей о каком-то происшествии в департаменте, а историю с кладбищем будет держать при себе. Вдруг он ошибся? Тогда он и в самом деле выкажет себя сумасшедшим, как считает лейтенант Киркленд.

– Установить наблюдение за кладбищем? – недоверчиво переспросил Киркленд по телефону. – Зачем?

– Потому что я вас попросил, – объяснил Палатазин. – Этого должно быть достаточно.

– Сожалею, капитан, – ответил Киркленд, – но мне необходимо нечто большее. Как вам известно, субботний вечер в Голливуде может оказаться чертовски напряженным. И все-таки как это связано с вандализмом?

– Это... это настолько важно, что вы обязаны сделать так, как я говорю. – Палатазин понимал, что это кажется полным безумием, что его голос звучит слишком высоко и взволнованно и что лейтенант Киркленд, вероятно, сейчас ухмыляется одному из своих детективов и крутит указательным пальцем у виска. – Пожалуйста, лейтенант. И никаких вопросов, пожалуйста, во всяком случае сейчас. Я просто про-

шу послать туда сегодня вечером одного-двух человек.

– Капитан, у Голливудского мемориального есть свой сторож.

– А что случилось с тем сторожем, что дежурил прошлой ночью? Кто-то нашел его? Нет, не думаю.

– Простите, но почему бы вам не послать кого-то из своих людей, раз уж вы хотите, чтобы за кладбищем наблюдали?

В голос Киркленда прокралась нотка раздражения.

– Все мои люди работают день и ночь, чтобы поймать Таракана. Я не могу просить никого из них...

– Вот и у меня то же самое, сэр. Я не могу. Нет никаких оснований. – Он тихо рассмеялся. – Не думаю, чтобы эти мертвецы доставили нам сегодня ночью какие-то неприятности, сэр. Мне пора, капитан, если вы больше ничего не хотите сказать.

– Нет, больше ничего.

– Приятно было побеседовать с вами, капитан. Сожалею, что не могу помочь вам. Счастливой охоты. Надеюсь, вы скоро пришпилите этого парня.

– Ага. До свиданья, лейтенант.

Палатазин услышал, как Киркленд повесил трубку.

И вот он уже второй раз за сегодняшний день стоял у ворот кладбища. Днем он наблюдал, как там расхаживают, переступая через трупы, полицейские из Голливудского дивизиона. Потом подъехали страховые агенты и сотрудники морга в сопровождении самосвалов и бригады грузчи-

ков. Теперь картина снова выглядела безмятежной: поросшие травой холмы белели в лунном свете, и только свежие кучи земли напоминали о том, что прошлой ночью здесь происходило нечто ужасное.

– Чем могу вам помочь? – спросили из темноты за воротами, включили фонарик и направили прямо в лицо Палатазину.

Он достал бумажник и показал свой жетон.

– Ой, простите.

Луч фонарика скользнул вниз, и из ночного мрака материализовался сторож в темно-серой униформе – высокий седой мужчина с голубыми дружелюбными глазами. На рубашке у него висел значок Голливудского мемориального.

– Меня зовут Кельсен, – сказал он. – Так чем я могу вам помочь?

– Спасибо. Не стоит беспокоиться. Я просто зашел... посмотреть.

– Посмотреть? Тогда приходите лучше в понедельник и закажите экскурсию – вам покажут могилы знаменитостей. – Кельсен улыбнулся, но Палатазин ничего не ответил, и улыбка сторожа погасла. – Вы хотите посмотреть какое-то конкретное место?

– Нет, я уже был здесь сегодня, когда полиция проводила расследование.

– Ах вот оно что! Самая жуткая история, какую мне только приходилось слышать. Сам я ровно ничего из этого не ви-

дел, но заслушался, когда меня вызвали. Обычно по субботам я не работаю. Моя жена закатила такой вой!

– Представляю себе, – тихо проговорил Палатазин. – А тот человек, что дежурил прошлой ночью? Насколько я помню, его звали Закари?

– Да, старина Зак. – Кельсен прислонился к воротам, из окна сторожки у него за спиной струился свет. – Обычно по выходным бывает его смена. Но теперь он пропал, и вызвали меня. – Он пожал плечами и снова улыбнулся. – Я не против, деньги мне нужны. Послушайте, вы ведь со своими ребятами не думаете, будто бы Зак как-то замешан в том, что случилось прошлой ночью?

– Не знаю. Я не служу в Голливудском дивизионе.

– Ох! – Кельсен нахмурился и снова качнул лучом фонаря в сторону Палатазина. – Тогда почему это вас интересует? То есть это все, конечно, чертовски странно, хотя, как мне кажется, копы сегодня уже с этим закруглились. Вандализм, правильно? Детишкам из какой-нибудь секты понадобились гробы для... не знаю, чем они обычно развлекаются. Я слышал, что то же самое случилось неделю назад на кладбище Хоуп-Хилла. Кто-то срезал замок на воротах, разрыл пять-шесть могил, вытащил оттуда гробы и смылся. Понимаете, кладбище в Хоуп-Хилле маленькое, сторожа они себе позволить не могут, поэтому никто толком и не знает, что там произошло. Думаю, это просто какие-то чокнутые подростки. Безумный мир.

– Да, безумный.

– Послушайте, вы хотите войти – или как? Осмотреть территорию? У меня есть запасной фонарик.

Палатазин покачал головой:

– Спасибо, не нужно. Я все равно ничего не нашел бы. – Он посмотрел на сторожа, глаза его внезапно потемнели и стали холодней. – Мистер Кельсен, на двери вашего домика есть замок?

– Ага, есть. А что?

– Я предлагаю вам кое-что сделать и хочу, чтобы вы меня выслушали очень внимательно. – Руки Палатазина крепче сжали прутья решетки. – Если бы я попытался объяснить, чего хочу от вас, вы бы ничего не поняли. Так что просто выслушайте меня, пожалуйста.

– Хорошо, – сказал сторож и отступил на шаг от стоявшего за воротами человека, чей взгляд стал жестким и ледяным.

– Если кто-нибудь еще подойдет сегодня ночью к этим воротам – мужчина, женщина или ребенок, запирайте дверь и опустите жалюзи. Если вы услышите, что ворота открываются, – включите музыку так громко, чтобы ничего больше не слышать. И не выходите наружу, чтобы взглянуть, что происходит. Пусть они делают все, что только пожелают. Только не пытайтесь – ни в коем случае не пытайтесь – выйти и остановить их.

– Но это... это моя работа, – тихо проговорил Кельсен с застывшей на лице кривой усмешкой. – Вы меня разыгрыва-

ете? Скрытая камера? Что все это значит?

– Я убийственно серьезен, мистер Кельсен. Вы верующий?

«Никакой он не коп, – подумал Кельсен. – Урод шизанутый!»

– Я католик, – сказал он вслух. – Послушайте, как вас зовут?

– Если кто-то подойдет к этим воротам сегодня ночью, – продолжал Палатазин, пропуская мимо ушей его вопрос, – молитесь. Очень громко молитесь и не слушайте, что вам говорят. – Он прищурился от ударившего в лицо света фонарика. – Если вы будете молиться истово, возможно, вас никто не тронет.

– Думаю, вам лучше уйти, мистер, – сказал Кельсен. – Убирайтесь отсюда, пока я не вызвал настоящего копа!

Глаза сторожа больше не казались дружелюбными, лицо исказила злобная гримаса.

– Давай, приятель, уматывай! – Он направился к стоявшему на столе в сторожке телефону. – Я вызову копов прямо сейчас!

– Хорошо, хорошо, – сказал Палатазин. – Я уже ухожу. Но пожалуйста, не забудьте о том, что я вам говорил. Молитесь, и не переставайте молиться.

Кельстен остановился и оглянулся, фонарь дрожал в его руке.

– Ага, ага, я помолюсь за тебя, шизанутый урод!

Кельсен скрылся в сторожке и захлопнул дверь.

Палатазин развернулся, быстрым шагом дошел до машины и уехал. Он весь дрожал, живот медленно скручивало. «Это человек говорил про кладбище в Хоуп-Хилле, – подумал он, пытаясь сдержать поднимающуюся волну тошноты. – Значит, такое уже случалось раньше? Боже мой, прошу тебя, не надо! Не дай этому повториться! Только не здесь, не в Лос-Анджелесе!»

Палатазину хотелось надеяться, что это он сошел с ума, что на его психике начинает сказываться давление из-за убийств Таракана, что он видит ухмыляющиеся тени там, где на самом деле нет ничего, кроме извращенных забав – как это сказал Кельсен? – «детिशек из какой-нибудь идиотской секты». Справиться даже с сотней, с тысячей таких сект было бы проще, чем с тем, что, как он начал опасаться, вырвало эти гробы из земли. Когда это случилось, Палатазин спал в собственной постели всего в шести кварталах от места происшествия, и, возможно, в тот момент, когда он проснулся, увидев свою мать, все еще продолжалось.

С большим опозданием Палатазин сообразил, что, свернув с бульвара Санта-Моника, проехал мимо Ромейн-стрит и теперь движется на юг по Вестерну. Он лишь на мгновение надавил на тормоз, а затем поехал дальше, потому что понял, куда направляется.

Здание из серого кирпича на Первой улице теперь стояло пустым – его признали аварийным много лет назад, и в

окнах поблескивали осколки стекла. Дом выглядел ветхим и жалким, давным-давно заброшенным. Стены были измазаны старыми граффити – Палатазин разглядел выцветшую белую надпись: «Выпуск-59». Где-то под этими рисунками были нацарапаны жестокой мальчишеской рукой две злобные надписи: «Палатазин отстой» и «Гори в аду для шизиков, старуха П.».

Он поднял взгляд на окна верхнего этажа – теперь разбитые, темные и пустые, но на мгновение ему показалось, будто он видит там мать, и она, конечно же, намного моложе, с совершенно седыми волосами, но не такими дикими и затравленными глазами, какими они запечатлелись в памяти Палатазина в последние годы ее жизни. Она смотрела на угол Первой улицы, где маленький Андре, уже шестиклассник, переходил дорогу с зеленым армейским рюкзаком, набитым тетрадами, карандашами, задачником по математике и учебником истории. Дойдя до этого угла, он всегда поднимал голову, и мать всегда махала ему из окна. Трижды в неделю женщина, которую он звал миссис Гиббс, приходила помогать ему с английским, который все еще давался Андре с трудом, хотя большинство учителей в его начальной школе говорили по-венгерски. В маленькой темной квартирке наверху были почти невыносимые перепады температуры. В разгар лета она превращалась в духовку, даже с открытыми окнами, а когда холодный зимний ветер задувал с гор, сотрясая оконные рамы, Андре легко мог различить призрачную,

тонкую струйку дыхания матери. Каждую ночь, независимо от времени года, она со страхом смотрела на улицу, проверяла и перепроверяла все три крепких запора на двери и бродила по комнате, бормоча и всхлипывая, пока соседи снизу не начинали стучать рукояткой щетки в потолок с криками: «Да ложись ты уже спать, ведьма!»

Соседские дети, пестрая смесь из еврейских, польских и венгерских ребятишек, не любили Андре и не водились с ним, потому что их родители боялись его матери, часто обсуждали «ведьму» за обеденным столом и говорили своим чадам, чтобы те держались подальше от ее сына, у которого, возможно, тоже не все дома. Его друзьями становились неуклюжие, робкие или отсталые дети – из тех, кто не смог сойтись с другими, кто не находил себе другого места, кроме как на задворках, и чаще всего играл свою мелодию в одиночестве. Порой «ведьмин сын» Андре, разволновавшись, начинал говорить с сильным акцентом, то и дело сбиваясь на венгерский. И тогда целая орава гнала его из школы домой, бросаясь камнями и весело хохоча всякий раз, когда он спотыкался и падал.

Ему было очень тяжело, потому что и дома он не находил спасения. Это была тюрьма, где мать красным мелком процарапывала на стенах распятия, кричала по ночам из-за тех видений, что опаляли ее мозг, а порой целыми днями лежала на кровати, свернувшись в позе эмбриона и бессмысленно уставившись в стену. Постепенно ей становилось все хуже и

хуже, и даже дядя Майло – мамин брат, который перебрался в Америку в конце тридцатых и владел теперь прибыльным магазином мужской одежды, – навещая ее, спрашивал, не хочет ли она поселиться в таком месте, где ей ни о чем не придется больше волноваться, где о ней будут заботиться и делать все, чтобы она была счастлива. «Нет! – закричала она во время одного из ужасных споров, после которого дядя Майло не объявлялся много недель. – Нет, я не хочу, чтобы мой сын остался один!»

«Если я войду, то что там увижу? – спросил себя Палатазин, заглядывая в прихожую. – Разрезанные на клочки газеты, лежащие в толстом слое пыли? Или два-три старых платья в шкафу? То, что было бы лучше забыть». Возможно, на стенах все еще видны распятия рядом с дырками от гвоздей, на которых когда-то висели иконы в нелепых золоченых рамках. Взрослый Палатазин поднял взгляд на окно, в котором ему привиделось бледное, призрачное лицо женщины, ожидавшей возвращения сына. Он не любил вспоминать о ее последних месяцах. Его сердце разрывалось на части, когда он отправил мать в «Золотой сад» и оставил там умирать, но как еще можно было поступить? Заботиться о себе она больше не могла, ее нужно было кормить, как младенца, а она, как младенец, часто выплевывала пищу или пачкала свои ужасные, похожие на резиновый подгузник штаны. Она чахла день ото дня, все время либо молясь, либо плача. Казалось, на лице у нее остались одни глаза. Когда она дня-

ми напролет сидела в своем любимом кресле-качалке, глядя на Ромейн-стрит, ее глаза светились, как две огромные бледные луны. Вот Палатазин и отправил ее туда, где о ней могли позаботиться врачи и медсестры. Она умерла от инсульта в маленькой комнате с зелеными, как лес, стенами и окном, выходящим на площадку для гольфа. Когда в шесть утра медсестра пришла проведать ее, она уже два часа как была мертва.

Палатазин вспомнил прощальные слова матери, сказанные в последний вечер перед смертью.

– Который час, Андре? – спросила она, обхватив его руку хрупкими белыми пальцами. – Сейчас день или ночь?

– Вечер, мама, – ответил он. – Почти восемь вечера.

– Ночь приходит слишком быстро. Всегда слишком быстро. Дверь заперта?

– Да.

Конечно, это была неправда, но от его слов она успокоилась.

– Хорошо. Андре, хороший мой, никогда не забывай... запирайте дверь. Ох, мне так хочется спать, глаза прямо слипаются. Сегодня утром я услышала, как черная кошка скребется в парадную дверь, и отогнала ее. Нельзя впускать в дом эту кошку.

– Да, мама.

Черную кошку держали их соседи на Первой улице. Прошло столько лет, что она наверняка обратилась в прах.

Потом глаза матери осоловели, и она долго молча смотрела на сына.

– Андре, мне страшно, – проговорила она наконец шуршащим, словно старая, пожелтевшая бумага, голосом.

В ее глазах заблестели слезы, и, когда они покатались по щекам, Палатазин заботливо вытер их платком. Она крепко сжимала его руку сухой, шершавой ладонью.

– Один из них... один из них шел за мной следом, когда я возвращалась с рынка. Я слышала его шаги за спиной, а когда обернулась... увидела его усмехающуюся рожу. Я заглянула в его глаза, Андре, в его горящие жутким огнем глаза! Он хотел... чтобы я взяла его за руку и пошла с ним... из-за того, что я сделала с твоим папой...

– Ш-ш-ш, – сказал Палатазин, вытирая с ее лба крохотные бисеринки пота. – Ты ошиблась, мама. Здесь никого нет. Тебе все это привиделось.

Он вспомнил ту ночь, о которой говорила мать. Она выронила сумку с продуктами и с криком побежала домой. И с тех пор больше не выходила из дома.

– Они ничего нам не сделают. Мы очень далеко от них, им никогда нас не найти.

– НЕТ! – Ее глаза округлились, лицо стало белым, как фарфоровая тарелка, полумесяцы ногтей впились в его кожу. – НЕ ВЗДУМАЙ ПОВЕРИТЬ В ЭТО! Если ты не будешь постоянно настороже... ПОСТОЯННО!.. они отыщут тебя и придут за тобой. Они все время были здесь, Андре... ты

просто не можешь их увидеть.

– Может быть, тебе лучше поспать, мама? Я посижу с тобой немного, а потом мне нужно будет уйти, хорошо?

– Уйти? – внезапно запаниковала она. – Уйти? Куда ты собрался?

– Домой, мне нужно вернуться домой. Джо меня ждет.

– Джо? – удивленно посмотрела на него мать. – А кто это?

– Это моя жена, мама. Ты ее знаешь, вчера вечером она приходила проведать тебя вместе со мной.

– Ох, перестань! Ты ведь просто маленький мальчик! Даже в Калифорнии маленьким мальчикам не разрешается жениться. Ты принес молоко? Я просила тебя купить молоко по дороге из школы.

Он кивнул и попытался улыбнуться:

– Принес.

– Вот и хорошо.

Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Через минуту ее хватка ослабла, и он высвободил руку. А потом долго сидел и смотрел на нее. Она так изменилась, но в чем-то осталась той самой женщиной, которая много лет назад сидела в небольшом каменном доме в Крайеке и вязала свитер своему сыну. Когда он собрался уходить и встал, мать снова открыла глаза и на этот раз взглядом прожгла ему душу.

– Я не брошу тебя, Андре, – прошептала она. – Я не брошу тебя одного.

А потом уснула опять, очень быстро, приоткрыв рот, с шумом вдыхая и выдыхая воздух. В комнате пахло почти увядшей сиренью.

Палатазин тихо вышел из комнаты, а в шесть утра ему позвонил врач по фамилии Ваккарелла.

«Боже мой! – внезапно вспомнил Палатазин и посмотрел на часы. – Джо ждет меня дома!» Он завел мотор, оглянулся на пустое теперь окно верхнего этажа – разбитые стекла отразили слабый огонек из какого-то другого дома – и направился к Ромейн-стрит. Когда он остановился на светофоре двумя кварталами дальше, ему послышался отдаленный и на удивление дружный вой собак. Но как только цвет светофора сменился, Палатазин перестал его слышать или просто побоялся прислушаться. Мысли о Голливудском мемориальном вспыхнули так быстро, что он не успел их оборвать. Руки на руле тут же вспотели.

«Они ничего нам не сделают, – повторял он. – Мы очень далеко. Очень далеко. Очень».

Но тут из глубины памяти долетел в ответ голос матери: «НЕ ВЗДУМАЙ ПОВЕРИТЬ В ЭТО!..»

VII

Мерида Сантос бежала так долго от шумного многоголо-сья бульвара Уиттиер, что у нее заболели ноги. Она остановилась, прислонилась спиной к полуразрушенной кирпич-

ной стене и потеряла себе икры. Легкие горели, глаза слипались от слез, из носа текло. «Будь он проклят, этот Рико! – приговаривала она. – Ненавижу его! **НЕНАВИЖУ! НЕНАВИЖУ!**» Она задумалась о том, как поступить с ним. Сказать Луису, будто бы он избил ее и изнасиловал, и тогда «Головорезы» придут за ним и разорвут на куски? Пожаловаться матери, что он напоил ее и сделал свое дело, чтобы она заявила на него в полицию? Или самой позвонить копам, сообщить, что ей известно, кто продает кокаин подросткам на Стрипе, и поинтересоваться, не хотят ли они узнать имя этого человека?

Но уже через миг рыдания разбили вдребезги все планы мести. Ничего из этого она не сможет сделать. Просто не вынесет вида его страданий. Легче умереть, чем думать о том, что его избili или посадили в тюрьму. От горькой искры гнева и обиды взвилось горячее пламя любви и тяги к нему – в равной мере и физической, и эмоциональной, и от безумной яркости этого огня по щекам снова потекли слезы. Она задрожала и долго не могла с этим справиться. Где-то глубоко в животе разверзлась пропасть, и Мерида боялась, что ее засосет туда, вывернет наизнанку, и тогда весь мир увидит крохотный зародыш, только-только образовавшийся у нее внутри. Она надеялась, что это будет мальчик, с глазами такого же кофейно-сливочного цвета, как у Рико.

Но что же ей теперь делать? Рассказать маме? Она поежилась от одной этой мысли. Мать стала сама на себя не похо-

жа с тех пор, как в прошлом году умер папа. Она с подозрением относилась к каждому шагу Мерида и с двойным подозрением – ко всему, что делал Луис, отчего тот еще больше старался держаться подальше от дома. А в последнее время она начала будить Мерида среди ночи и расспрашивать о парнях, с которыми она водит компанию, о том, что они делают. Курят мерзкую травку? Хлещут вино? Луис рассказал маме, что Мерида встречается с Рико, и о том, что Рико не последний человек в торговле коксом на бульваре Сансет. Луису всего двенадцать, но он теперь почти каждый вечер болтается вместе с «Головорезами», и все бандиты в баррио ненавидели Рико за то, что когда-то он был там же, где сейчас они, но сумел выбраться наверх. Мать закатывала истерики, грозилась запереть Мерида дома или обратиться в социальную помощь, если дочь и дальше будет встречаться с этим Эстебаном *mugre*²⁰. А что будет, если Мерида признается матери, что носит в животе его ребенка?

Или навестить сначала отца Сильверу, и он, возможно, поможет ей объясниться с матерью? Да, так и нужно поступить.

Мерида вытерла опухшие от слез глаза и огляделась, чтобы понять, где находится. Она совершенно не соображала, в какую сторону бежит. Перед ней протянулась узкая улочка, по обеим сторонам которой стояли заброшенные и разграбленные дома из красного кирпича, пострадавшие от пожаров и разборок враждующих уличных банд. Среди облом-

²⁰ Грязь (исп.).

ков сверкали куски битого стекла, желтоватый туман слоями висел над пустырями, по которым из одной тени в другую пробегали крысы, размером с доброго суслика. Некоторые дома словно бы раскололи пополам огромным топором, так что можно было рассмотреть маленькие комнаты и коридоры, а также металлические изгибы труб, ванны и унитаза. И повсюду виднелись дикие каракули, нанесенные аэрозольной краской: «Зорро-78», «Головорезы из Эл-Эй» (а чуть ниже, другим цветом – «Отстой»), «Конкистадоры из Рафаэль-Хай», «Здесь был Гомес», «Анита любит делать 69». Они перемежались с грубыми сексуальными рисунками. Со стены одного из обвалившихся домов на Мериду равнодушно смотрело нарисованное красной краской огромное лицо с капающей из уголков рта кровью.

Мерида поежилась, становилось все холодней, ветер яростно извивался в лабиринте развалин, как будто искал выход. И теперь она уже догадывалась, что забежала слишком далеко, но не имела ни малейшего понятия, куда именно. Она обернулась и увидела зарево в небе над бульваром Уиттиер, но ей показалось, что до него сотни миль. Мерида прибавила шагу, слезы вновь увлажнили ее глаза. Она миновала один перекресток и свернула на другом. Эта улица оказалась еще уже, и здесь так же пахло закопченным кирпичом. Конечно же, ее улица, ее дом не могли быть очень далеко – возможно, всего в нескольких кварталах отсюда. Мама наверняка дождется ее, чтобы выяснить, где она пропадала.

Когда за спиной раздалися шаги, Мерида раздумывала о том, как объяснить матери свои заплаканные глаза. Затаив дыхание, Мерида обернулась. Что-то темное юркнуло в тень, словно крыса, не настолько крупное, чтобы его можно принять за человека. Мерида прищурилась, пытаясь лучше его разглядеть, и постояла неподвижно, как ей показалось, не меньше часа. Затем двинулась дальше, теперь уже быстрее, с испуганно бьющимся сердцем. «Такую молодую, красивую девушку, как ты, на улице могут изнасиловать, – вспомнились ей слова матери. – Изнасиловать или много хуже того». Она зашагала еще быстрее и на следующем безлюдном перекрестке снова повернула в сторону далеких огней Уиттиера. Потом оглянулась и заметила уже два силуэта, тут же запрыгнувших в проем двери. Мерида едва не закричала, но сдержалась. Ей показалось, что она разглядела лицо – бледное, как паутина, но с горящими в темноте, словно фары лоурайдера, глазами. Где-то рядом послышался стук шагов, отражавшийся от кирпичной стены, подобно приглушенным взрывам.

Мерида побежала, воздух с резким свистом вырывался из ее легких. Потом, набравшись смелости, оглянулась через плечо и увидела не меньше шести силуэтов, бесшумно бежавших следом за ней, словно стая волков. Они нагоняли ее, и у переднего из них лицо напоминало ухмыляющийся череп. Мерида споткнулась о кучу мусора, вскрикнула и чудом не упала. Теперь она бежала изо всех сил, а в голове эхом

звенело предупреждение матери: «Изнасиловать или много хуже того». Она снова обернулась на бегу и взвизгнула от холодного ужаса. Они почти догнали ее, а передний попытался схватить ее за волосы.

А впереди из темноты улицы возникли еще три силуэта и остановились, поджидая ее. Мерида узнала одного из них – Пако Майлана, одного из приятелей Луиса по «Головорезам», только теперь лицо Пако было бледным, как брюхо дохлой рыбы. И ей почудилось, будто он говорил, хотя рот его оставался закрытым. «Не убегай, сестра, – шептал он, словно ветер шуршал в ветвях засохших деревьев. – Тебе некуда больше бежать». Он протянул к ней руки и усмехнулся.

Похожая на когтистую лапу рука ухватила Мериду за шею и дернула ее голову назад. Другая зажала рот, а ледяные пальцы вцепились в ее плоть. Ее поволокли к дверному проему, а вокруг плясали темные силуэты.

И там, в полуобвалившемся остове кирпичного дома, она узнала, что есть на свете кое-что хуже изнасилования. Много хуже.

VIII

Приближалась полночь, но вечеринка только начиналась. Чаши для гостей, наполненные квалутом и амфетаминами – «Черной красоткой», «Бенни» и «спидами» сотен различных цветов и размеров, – уже почти опустели. На серебряных

подносах от перекрещенных белых дорожек первоклассного чистого кокаина осталась только пыль, а в керамических вазах почти закончились макдоналдсовские соломинки для питья с красной полоской. Дом был наполнен людьми всех возрастов и фасонов одежды, начиная с костюмов от Билла Бласса и дискотечных платьев от Ива Сен-Лорана и заканчивая обрезанными джинсовыми шортами и футболками с рекламой кроссовок «Адидас» или «Найк». В огромной, слегка заглубленной гостиной, к которой притягивало большую часть гостей, слоями висел густой, сладкий наркотический дым. Когда переполнились все пепельницы, окурки начал принимать на себя бежевый ворсистый ковер, и прожженные в нем пятна диаметром с десятицентовик уже казались естественным узором. Кто-то стучал по клавишам рояля возле зеркального окна, выходявшего к залитому голубым светом бассейну, кто-то играл на гитаре и пел, и ко всему этому прибавлялся гомон сотен людей, соревнующихся с громовым голосом Боба Дилана из двух динамиков «Бозу», стоимостью в тысячи долларов. Стены тряслись от грохота бас-гитар и ритма барабанов, не переставая дребезжали стекла. Какой-то человек в ковбойской шляпе попытался забраться на рояль, поощряемый эффектной блондинкой в облегающем черном платье. Стайка женщин сняла свои блузки и щеголяла в толпе, хвастаясь своим имуществом, а за ними следом таскались молодые люди со вздутием между ног. Мужчины постарше, в дорогих костюмах, уверенные в силе

своих тугих кошельков, согласны были и подождать. Голос Дилана внезапно превратился в визг, когда игла стереосистемы процарапала борозду поперек пластинки, и ту сменили на «карс».

«Будьте вы прокляты! – подумал Уэс Ричер. – Я люблю Дилана. Зачем так издеваться над моими дисками?» Он улыбнулся и затянулся толстым косяком, медленно тлевшим между пальцами. «А, не важно, – успокоил он сам себя. – Завтра куплю новый». Уэс оглядел зал затуманившимися голубыми глазами. «Класс! Классная вечеринка, мать ее!» Сегодня ему казалось, что он получил ответ на вопрос, который терзал его чуть ли не все двадцать лет жизни. Простой вопрос, адресованный Богу: «Бог, Ты вообще-то на чьей стороне?» И сейчас, глядя на огненный глаз своего косяка, он знал, что ответ у него в кармане, только что прибыл в печенье с предсказаниями «Космик»: «На твоей стороне, Уэс. Бог на твоей стороне».

«Но так было не всегда, – подумал Уэс. – Чертовски верно!» Он мысленно представил себе Бога – пожилого, чуть одряхлевшего, в белом пальто «Лондон фог» и золотом кашне, призванном отогнать лютующий на большой высоте холод. Бог был бы подозрительно похож на самого Уэса Ричера в эпизоде «Старик в парке», и – да, давайте оживим эпизод – он мог бы говорить, как тот усталый еврей, продающий пылесосы: «Уэсли, у Меня куча дел, и Я не могу поспеть всюду. Я кто, по-твоему, Санта-Клаус? Один парень из Нью-Джерси

хочет отмазаться от наказания за небольшое жульничество с налогами. Одна дама из Чикаго донимает Меня просьбами вернуть ей пропавшую собаку, но та уже давно попала под автобус. Один прыщавый подросток из Де-Мойна хочет сдать экзамен по истории, иначе его пустят на вермишель. А одному приятелю нужно, чтобы его жена не узнала о трех женщинах, которых он завел себе на стороне... Все от Меня чего-то хотят, Уэс! И это только у вас, в США? Я вам что, „Дорогая Эбби“²¹ А тут еще ты, Уэс! Тебе все еще не терпится узнать, на чьей Я стороне, почему твой последний проект вылетел в трубу и почему ты больше не выигрываешь в блэк-джек! *Ou Gevalt*²², как тут все запущено! Я сам себе надаю по рукам! Ладно, ладно, может быть, если я помогу тебе, ты перестанешь Мне надоедать и отвлекать от более важных дел? Хорошо, бабах, готово! Теперь ты счастлив! Так наслаждайся же прямо сейчас!»

Сегодня Бог явил ему себя: утром он выиграл больше двух тысяч баксов, поставив на Алабаму против Ю-Эс-Си, а премьеру его нового шоу «Чистая случайность» неплохо смотрится на тридцать седьмом месте на Эй-би-си. По крайней мере, все смеялись в нужных местах и аплодировали, когда шоу кончилось. А потом началась настоящая вечеринка.

²¹ «Дорогая Эбби» – газетная рубрика, которую, начиная с 1956 года, вела в нескольких газетах журналистка Эбигейл ван Бурен, отвечая на письма читателей и давая им разнообразные житейские советы.

²² Призыв о помощи высших сил (*идиши*).

Теперь машины с грохотом отъезжали, и Уэс со своего кресла видел, как кое-кто уже купается голышом в бассейне. Он расхохотался, его подвижное лицо парня со Среднего Запада сморщилось от смеха. Уэс был среднего роста, с кудрявой рыжевато-каштановой шевелюрой, густыми бровями, которые тоже слегка кудрявились над светло-голубыми глазами, почти мальчишескими, когда не наливались кровью от наркотиков. У него был здоровый, дружелюбный, невинный вид – «благополучный вид», как сказал один из боссов Эй-би-си. Этот вид привлекал малолеток и в то же время убеждал их пап и мам, что он и в самом деле хороший парень, возможно немного дурашливый, но не настолько, чтобы о чем-то волноваться. «Всеамериканский комик», по оценке еще одного умника из Эй-би-си.

Кто-то подтолкнул его под локоть, и пепел просыпался на грязный ковер. Уэс поднял глаза и улыбнулся, хотя и не смог определить, кто стоит перед ним. На мгновение Уэсу почудилось, будто это его отец, – у незнакомца была такая же серебристая грива, но, конечно же, это не он, а кто-то другой. Отец сейчас дома, в Небраске, и наверняка спит в такой поздний час.

– Вот ты где, Уэс! – сказал незнакомец. – Я тебя уже обыскался! Шоу я пропустил, но слышал, что ты был просто великолепен.

Его рука нашла ладонь Уэса и сжала ее.

– Классное шоу, по-другому и не скажешь, мой мальчик.

Приятно снова видеть тебя.

– А вы кто? – спросил Уэс, думая о тех придурках из бассейна, которые рискуют отморозить себя яйца, потому что никто не догадался включить обогрев.

Ряд зубов расколол лицо незнакомца пополам.

– Приятно снова видеть тебя, Уэс. Отличная вечеринка!

Затем он исчез, поглощенный толпой, вьющейся вокруг кресла, в котором курил Уэс.

«Я ведь не знаком с этим типом, – удивлялся Уэс. – Боже, откуда взялись все эти люди?» Он огляделся и не узнал никого из них. Кто они вообще такие? Какого черта? Все они были его друзьями или друзьями друзей. Или, мать вашу, еще чьими-то друзьями! В следующий миг над ним нависли две девушки, одна была в фиолетовом платье, с вываливающейся наружу грудью. Он уставился на эту грудь, по-прежнему улыбаясь, потому что девушки щебетали о том, какое хорошее шоу «Чистая случайность», что они никогда еще не видели такой чудесной вечеринки, и даже та, что была у Хэфа, к этой близко не стояла. Что это за девицы, черт их всех побери? Одна из них – Уэс, не был уверен, какая именно, – положила ладонь на его колено и всунула белую визитную карточку в карман его голубой ковбойской рубашки от Ральфа Лорена. Уэс прекрасно знал, что там должны быть написаны элегантно черным шрифтом ее имя и телефон. В нынешние времена все носят при себе такие карточки, это обязательный элемент гардероба.

Он успел мельком взглянуть на ее улыбку в стиле «Ультра-брайт»²³, прежде чем вечеринка снова сомкнулась вокруг нее. В стерео теперь грохотала группа под названием «1994», от вокала Карен Лоуренс дребезжали стекла. «Господи, вот это голосище, словно труба!» – расслабленно подумал Уэс. Потом уперся взглядом в косяк с марихуаной и сказал самому себе: «Ты сорвал банк. Уэс! Ты вернулся. Бог... на... твоей... стороне».

– Уэс? – позвал кто-то, сжав ему плечо.

Он поднял взгляд на своего менеджера Джимми Клайна, стоявшего над ним. Широкое лицо Джимми излучало блаженство, темные глаза под очками в проволочной оправе блестели, словно черные пуговицы. Рядом с Джимми стояли двое мужчин постарше – в одном из них Уэс узнал Харва Чаппела, директора «Ариста рекордз». Уэс попытался встать, но Джимми усадил его обратно.

– Сиди, чувак, – проговорил он с густым бруклинским акцентом. – Ты ведь знаком с Харвом Чаппелом? А с Максом Беквортом? Им понравилось шоу, Уэс. Всем, мать твою, понравилось.

– Это было грандиозно, – с улыбкой сказал Харв.

– Фантастика. Три сезона как минимум, – с улыбкой добавил Макс.

Уэс кивнул:

²³ «Ультра-брайт» – американский бренд зубной пасты и отбеливателя для зубов.

– Надеюсь. Может, вам выпить чего-нибудь, ребята, слегка расслабиться?

– Мы хотели бы обсудить в понедельник твой контракт с «Аристой». – Глаза Джимми сияли все ярче и ярче, его ситцевая гавайка, дикая смесь пурпурного и оранжевого, казалось, пылала в тусклом свете гостиной. – Как тебе такой расклад?

– Прекрасно, просто прекрасно.

– Еще бы! – Джимми повернулся к директорам «Аристы» и улыбнулся им. – Кроме того, мы проведем переговоры с «Уорнерс» и «Эй-энд-Эм». Ты знаком с Майком Стилом из «Эй-энд-Эм», Макс? Он говорит о шестизначном контракте на одну запись с бонусами.

Макс пожал плечами.

– Записывать комедии – рискованное дело. – Он обвел присутствующих скептическим взглядом. – Сейчас только Стив Мартин и Робин Уильямс приносят прибыль, да еще иногда Ричард Прайер, если тема детишкам покажется интересной. В наше время с комедиями можно запросто сесть в лужу.

– В лужу? Кто говорит о гребаной луже? Я говорю о массовом интересе, чувак, от фермера Джонса до оравы молокососов. Уэс закрывает все базы.

– Посмотрим, Джимми. Давайте сначала дождемся рейтинга «Чистой случайности», хорошо?

– Да-да. Э-э... Уэс, а где Соланж?

– Не знаю, – ответил Уэс. – Пару минут назад была здесь.

– Чаши для гостей опустели. Попрошу Джоуи наполнить их снова, хорошо?

Уэс улыбнулся и кивнул.

– Конечно. Делай все, что пожелаешь. А «Чистая случайность» прошла неплохо.

– Неплохо? Просто потрясающе. Она будет возглавлять рейтинг недели три подряд.

Джимми вместе с боссами «Аристы» уже собирался уходить, но Уэс схватил его за локоть.

– Не пудри мне мозги, – тихо проговорил он. – Она прошла неплохо.

– Классно прошла.

Джимми сверкнул торопливой улыбкой и ушел.

«Бог на моей стороне, – еще раз подумал Уэс, снова расслабляясь. А затем всполошился. – Соланж! Где ее черти носят?» Он неуверенно поднялся с кресла, и ему мгновенно расчистили дорогу. Его хлопали по спине, выкрикивали слова, которых он не слышал. Он блуждал по залу, отыскивая Соланж, остатки его косяка осыпались пеплом на ковер.

Мгновением позже он увидел Соланж, сидевшую вместе с какими-то людьми на длинном темно-коричневом диване в центре зала. Она пила вино, изящно обхватив ножку хрустального бокала длинными смуглыми пальцами. Перед ней на низеньком столике горели в медных подсвечниках три свечи, отбрасывая янтарные отблески на ее кожу и сверкая

золотом в черных озерах миндалевидных глаз. Огромную ва-зу с высохшими цветами и доску для трик-трака²⁴ куда-то убрали, чтобы освободить место для другой доски – уиджи²⁵. Соланж смотрела на белую планшетку рассеянно и в то же время напряженно. Сидевшие вокруг люди курили травку и пили вино, то и дело переводя взгляды с ее изящно вылепленного восточноафриканского лица на доску и обратно.

– Давай, Соланж, – услышал Уэс мужской голос. – Сделай это для нас. Вызови... э-э... вызови Мерилин Монро или еще кого-нибудь.

Соланж слабо улыбнулась.

– Ты ведь это несерьезно. Ты просто хочешь развлечься, – произнесла она холодным, как осенний ветер, тоном.

– Нет, я серьезно, – ответил парень, но улыбнулся при этом чересчур широко. – Клянусь. Давай, вызови... Шэрон Тэйт...

– О господи, нет! – сказала блондинка, знакомая Уэсу по последнему хиту Эн-би-си «Скейт-лихорадка». Волны ее длинных волос слегка колыхались, а глаза были полны ужаса.

– А если Освальда? – сказал кто-то еще, дунув на жасминовую ароматическую палочку, так что от нее полетели искры. – Этот подонок заговорит с кем угодно.

²⁴ *Трик-трак* – французская игра в кости с шашками на доске с треугольниками двух цветов.

²⁵ *Уиджи* – доска для спиритических сеансов вызова душ умерших с нанесенными на нее буквами алфавита, цифрами от 0 до 9, словами «да» и «нет» и со специальной планшеткой-указателем.

– Клифтона Уэбба. – Старлетка Эн-би-си придвинулась к доске уиджи, опасаясь, однако, прикоснуться к ней. – Я слышала, что он опять рыщет неподалеку отсюда.

– Нет. – Соланж прищурила кошачьи глаза, а пламя свечи мягко замерцало. – Не уверена, что хочу заниматься этим сегодня. Не здесь и не когда вокруг столпилось столько людей. – Свет отражался от сотни с лишним крошечных медных бусин, вплетенных в ее тугие эбеновые косы. – С таким настроением духи мне не ответят.

– А что не так с твоим настроением? – спросил тот парень, что хотел поговорить с Освальдом. Он размахивал ароматической палочкой, а глаза его потускнели, как у загипнотизированного. – По-моему, с ним все в порядке. Сделай это, Соланж. Вызови нам кого-нибудь.

– Духам не нравится, когда над ними смеются.

Соланж глотнула вина, не отводя взгляда от свечи. Уэс даже издали разглядел, как пламя слабо колыхнулось, и по спине у него пробежал внезапный холодок. Точно такой же, какой он ощутил, когда впервые посмотрел в глаза Соланж в президентском номере «Лас-Вегас Хилтон» почти год назад.

– Придумал, дорогуша, – сказал с лисьей улыбкой художавый юноша, сидевший слева от Соланж. Это был Мартин Блю, британский молодой гений, который три года назад спродюсировал для «Уорнер» первый комедийный альбом Уэса. – Наколдуй нам этого... как же его звали?.. Кронстина. Орлона Кронстина.

Старлетка Эн-би-си – Мисси как-то-там, фамилии Уэс не помнил – нервно рассмеялась. За столом на миг установилась тишина, а вечеринка продолжала вихриться вокруг собравшейся здесь компании. Уэсу показалось, что все они теперь выглядели испуганно, за исключением переставшей улыбаться Соланж.

«Пришло время спасать ее задницу», – подумал Уэс и шагнул в круг отбрасываемого свечой света.

– Что тут у вас? – спросил он немного невнятно. – Рассказы о привидениях? Сегодня еще не Хеллоуин, детишки.

– Привет, Уэс, – сказал Мартин Блю. – Мы пытаемся уговорить твою подружку заколдовать нам...

– Я не колдую, – мягко возразила Соланж.

– Ага, я слышал всю эту чепуху. – Уэс плюхнулся на диван и потянулся. – Если тебе, Мартин, невтерпеж поговорить с Кронстином, так поднимись к той маленькой крепости, которую он построил, и позови его. Скорее всего, он выплывет к тебе с головой под мышкой.

– Ой, не надо! – Мисси заерзала по дивану. – Это не тот старый актер, который...

– Актер фильмов ужасов, – поправил ее Уэс. – Снялся примерно в сотне картин. По крайней мере, их хватило, чтобы разбогатеть. Некоторые до сих пор крутят в «Кричер-фичерсе»²⁶.

– А что с ним случилось? – спросила Мисси и посмотрела

²⁶ «Кричер-фичерс» – общее название телевизионных шоу ужасов в США.

сначала на Мартина и Соланж, а потом снова на Уэса.

– Кронстин познакомился в Европе с девушкой из богатой семьи и женился на ней. Потом выяснилось, что у нее рак, лейкемия или что-то вроде того. После смерти жены он слегка тронулся умом и потратил остатки ее денег на то, чтобы перевезти из Европы этот замок. Спустя десять или одиннадцать лет какие-то люди раздели старину Кронстина догола, истязали горящими сигаретами и раскаленной кочергой, а затем, прикончив его, повесили труп на люстре. Ах да, те, кто это сделал, отпилили Кронстину голову ржавой ножовкой и, уходя, забрали ее с собой. Одна из тех легенд Голливуда, которая непременно заставит тебя, моя дорогая, купить электрический забор или пару сторожевых собак.

Мисси вздрогнула, и сидевший рядом с ней парень, тот, что размахивал ароматической палочкой, взял ее за руку.

– Теперь вы поняли? – спросил Уэс, оценивающе оглядывая всю компанию. – В этом городе хватает Тараканов, свихнувшихся убийц, и кое-кто из них был бы только рад побегать здесь, в Бель-Эйре, с мачете или ледорубом. Рано или поздно каждому из нас, знаменитостей, придется отгородиться ото всех стен.

– Ты нарочно меня пугаешь. Это ведь все неправда – про Кронстина... про его голову.

– Сущая правда, дорогуша, – подтвердил Мартин с любезной улыбкой и обернулся к Соланж, водившей пальцем над пламенем. – Давай послушаем Орлона. Если, конечно,

ты сможешь, если ты действительно медиум.

– Перестань, – сказал Уэс. – Это вечеринка, а не чертов сеанс.

– О, сеансы могут быть такими забавными. И такими познавательными. Возможно, Орлон расскажет нам, кто такой Таракан. Ведь призраки все видят, правильно? – Он бросил взгляд на свой золотой «Ролекс». – Две минуты до полуночи. Колдовской час.

– Засунь свою голову себе в задницу, Мартин, – с кислым видом проговорил Уэс, но, оглянувшись на Соланж, заметил, что та напряженно смотрит куда-то сквозь него.

– Ни к чему вызывать того, кто уже здесь, – прошептала Соланж.

– А? Что она сказала?

Мартин подался вперед, но Соланж целую минуту или около того хранила молчание. Наконец она тихим шепотом проговорила:

– Ты дурак, Мартин. Ты рвешься поиграть с тем, что выше твоего понимания. Духи все видят и все знают, и они всегда здесь – в тени свечи, в центре ее пламени, растворяясь в воздухе, словно дым. Они всегда стремятся прорвать границу и поговорить с теми, кто на этой стороне. Хотя нам часто и не нравится то, что они говорят.

Она обратила всю силу своего взгляда на Мартина Блю.

– Хорошо, – сказал он, но более высоким тоном, чем обычно. – Чего же мы тогда ждем? Давайте узнаем, кто такой

Таракан, а? Или хотя бы что случилось с головой мистера Кронстина.

Соланж посмотрела на Уэса из-под отяжелевших век.

– Очень хорошо, – тихо проговорила она. – Уэс, ты не мог бы сесть рядом и помочь мне управляться с планшеткой?

– Давай лучше я? – тут же попросил Мартин. – Мне рассказывали, что ты способна на такое, но... я хочу убедиться, что это не надувательство. Без обид, конечно, дорогуша.

– Конечно. Никто и не собирался. Тогда подвинься вплотную ко мне, бедром к бедру. Теперь положи кончики пальцев на планшетку напротив моих. Нет, слишком тяжело, пусть твои пальцы чуть касаются ее. Ага, уже лучше.

Она прикрыла глаза и чуть улыбнулась:

– Я уже чувствую токи.

– А я ни хрена не чувствую, – объявил остальным Мартин.

– Соланж, – сказал Уэс, – тебе не нужно ничего никому доказывать...

– Думаю, нужно. Ты снова давишь, Мартин. Расслабь пальцы.

Уэс огляделся. Только сейчас он понял, как много людей собралось вокруг, с интересом наблюдая за ними. Грохот стереосистемы стих до глухого урчания, рояль умолк.

– Здесь слишком шумно, не могу сосредоточиться, – сказала Соланж.

По толпе пробежал ропот, и стерео затихло. Уэс расслышал доносящийся из бассейна пьяный смех. Он откинулся на

спинку дивана, следя за тем, как темное лицо Соланж делается сонным, а Мартин улыбается и строит гримасы собравшимся вокруг него.

– Не уверена, что мне нравится... – нервно начала Мисси, но Соланж шикнула на нее:

– Тихо!

Уэсу почудился пронзительный свист ветра вдалеке, вдоль улиц Бель-Эйр, над выстриженными лужайками, кирпичными стенами и коваными воротами, вокруг острых углов особняков на миллион долларов. Глаза Соланж сжались до щелочек и закатились так, что Уэс разглядел белки, рот медленно приоткрылся. Мисси внезапно охнула, и многие в зале повторили этот звук. Сердце Уэса забилося быстрее, и он пожалел, что не приготовил себе еще один косяк.

– Мой разум открыт, – странным отчужденным тоном, чуть громче шепота, заговорила Соланж. – Путь открыт. Мы будем твоим голосом. Мой разум открыт. Путь открыт. Мы будем твоим голосом...

– Мне тоже что-нибудь спеть? – со смехом спросил Мартин, но никто не обратил на него внимания.

– ...Путь открыт. Мы будем твоим голосом. Мой разум...

Глаза Мартина округлились, и если бы не напряжение, Уэс рассмеялся бы от этого зрелища.

– Боже! – проговорил Мартин. – Долго еще это будет...
ЧЕРТ!

Он вздрогнул и отдернул пальцы от планшетки.

– ...Мы будем твоим... Мартин, не прерывай контакт!.. голосом. Мой разум открыт...

Мартин снова прикоснулся к планшетке, но осторожно, дрожащими руками.

– Кажется, я почувствовал... ГОСПОДИ, ОНА ШЕВЕЛЬ-НУЛАСЬ!

Теперь он уже не убрал пальцев, и, когда планшетка нерешительно сдвинулась примерно на дюйм, по толпе зрителей снова пробежал шепот. Уэс подался вперед, сердце его колотилось. Планшетка замерла, а затем снова плавно заскользила поперек доски.

– Мы установили контакт, – прошептала Соланж, по-прежнему сидя с закрытыми глазами. – Пусть она движется. Мартин, ты пытаешься ее тормозить.

Планшетка начала описывать медленную широкую дугу.

– Кто ты? – спросила Соланж.

Планшетка скользнула к «да». Когда Соланж повторила вопрос, она какое-то мгновение лежала спокойно, а затем спустилась ниже, к ряду черных букв, отпечатанных на доске.

– Называй буквы вслух для меня, – попросила Соланж.

Уэс скользнул по дивану туда, откуда мог лучше видеть доску.

– «Б», – произнес он. – «О»... «Б»...

Планшетка нырнула ниже и завертелась, словно катилась по вощенной поверхности.

– Опять «Б»... «И»...

Планшетка остановилась.

– Бобби.

– Значит, Бобби будет нашим проводником, – прошептала Соланж. – Контакт усиливается, становится очень прочным.

– Твою мать, мои пальцы горят! – прохрипел Мартин.

– Чем ты занимался при жизни? – спросила Соланж.

Планшетка снова начала указывать буквы, быстрее, чем раньше. Уэс произносил их вслух:

– «С»... «О»... «О»... «Б»... «Щ»... «Е»... «Н»... «И»... «Е».

Слово повторилось еще дважды, с каждым разом все быстрее. А затем сложилось новое:

– «З», – называл буквы Уэс. – «Л»... «О». «ЗЛО». Это значит «зло».

– Это твое сообщение? – еле слышно прошептал в притихшем зале голос Соланж. – Что это значит?

Планшетка закрутилась в безумном вихре, а затем снова опустилась к тем же буквам: «З Л О З Л О».

– С тобой есть еще кто-нибудь?

«Д А».

– Кто они?

«Т А К И Е Ж Е К А К Я».

– Господи! – выдохнула Мисси, потянулась за вином, но сначала закапала свои модельные джинсы и только потом донесла бокал до рта.

– Кто такой Таракан? – выпалил Мартин. – Как его зовут?

Планшетка не двинулась с места. Соланж медленно повторила оба вопроса, и почти тут же планшетка неуверенно указала:

«ЗЛОИСПОЛЬЗУЕТЕГО».

– Использует? – переспросил Уэс. – Как это понимать?

– Один из нас хочет поговорить с Орлоном Кронстином, – шепотом продолжила Соланж. – Он рядом с тобой?

И немедленный ответ: «ДА».

– Тогда пусть он отзовется.

Пауза затянулась, планшетка как будто умерла. А затем она внезапно едва не прыгнула с доски.

– Черт! – сказал Мартин, когда она завертелась от «ДА» к «НЕТ» и «МОЖЕТ БЫТЬ», а потом обратно, то ли три, то ли четыре раза подряд.

– Рассеянная энергия, – спокойно произнесла Соланж. – Тише, тише. У тебя есть сообщение?

– Это даже лучше, чем «Кроссвитс»²⁷, – пробормотал себе под нос Уэс. Мартин оглянулся на него и нервно хихикнул.

Затем планшетка упала на нижнюю часть доски так быстро, что казалась всего лишь размытым пятном. Она начала бегать вдоль рядов букв. Уэс наклонился к ней.

– «З», «Л». – прочитал он. – «ЗЛО. ЗЛО». Он повторяет одно и то же снова и снова.

²⁷ «Кроссвитс» – британское игровое телешоу, в котором участники разгадывают кроссворды.

– Это Кронстин? – спросила Соланж.

«ДА. ДА. ДА». А потом: «ЗЛО. ЗЛО...» Опять и опять.

– Тихо, тихо. Что это за зло? Ты можешь рассказать нам?

Планшетка задрожала и словно бы закружилась в воздухе. Затем снова начала перемещаться, все набирая и набирая скорость, так что Уэс едва успел проговорить те новые буквы, которые она показывала:

– О Н И Ж А.

Планшетка остановилась, и Уэс поднял взгляд на Соланж:

– «ОНИЖА». Чудесное сообщение из мира духов.

Соланж открыла глаза и тихо проговорила:

– Она снова двигается.

Уэс снова посмотрел на доску. Планшетка опять приблизилась к Ж, затем к другим буквам, все быстрее и быстрее.

– «ЖДУТ», – прочитала Соланж. А планшетка снова начала выписывать «ОНИ». – «ОНИ ЖАЖДУТ» – вот какое было сообщение. Теперь она повторяет слова.

– И что же это может значить? – обеспокоенно спросил Уэс.

– Ты хочешь нам еще что-то... – начала Соланж, но тут планшетка внезапно остановилась.

Соланж прищурилась, и в какое-то мгновение Уэс уловил в ее глазах что-то похожее на смесь недоумения и страха.

– Бобби? – позвала Соланж. – Кто здесь? Кто хочет говорить?

И планшетка медленно, с пугающей решительностью ука-

зала новое слово.

– «ГЛУПЦЫ», – прочитал Уэс. – Во имя Господа, что же все-таки это...

Соланж пронзительно вскрикнула. Планшетка вырвалась из-под ее пальцев и вылетела с доски уиджи, словно снаряд, нацелившись острым концом в правый глаз Уэса. Он успел вскинуть руку, планшетка ударилась в ладонь, отскочила и упала на ковер мертвым куском пластика, чем она на самом деле и была. В зале кто-то опять закричал, эхо этого крика вырвалось из горла еще двух-трех гостей. Соланж вскочила на ноги.

– Уэс, с тобой все в порядке?

– Конечно в порядке, – раздраженно ответил Уэс, поднялся на дрожащие ноги и уставился на то, что едва не выкололо ему глаз. – Эта маленькая мерзость пыталась прикончить меня.

Он рассмеялся, но, оглянувшись, увидел, что никто даже не улыбнулся.

– Кажется... мне... нехорошо.

Смазливое личико Мисси приобрело желтоватый оттенок, и она поплелась в сторону ванной в сопровождении своего бойфренда.

– Она... двигалась! – объявил Мартин, покачивая головой. – Она в самом деле двигалась!

– Хватит об этом! – Соланж взяла Уэса за руку и принялась растирать его ушибленную ладонь. – Ты хотел салонную

игру, и ты ее получил.

Мартин оглянулся в поисках выпивки.

– Точно. Салонная игра.

Вскоре вечеринка опять начала наполняться жизнью, но все-таки она была уже не та. Гости понемногу расходились. Казалось, в гостиную случайно угодил холодный ветер и теперь пытался вырваться наружу сквозь стены. Стерео загрохотало снова, Алисия Бриджес умоляла о тепле тела. Но все было не так, как раньше.

– Я в порядке, детка, – сказал Уэс и поцеловал Соланж в щеку, ощутив привкус перца и меда на ее коже.

Соланж посмотрела в его глаза, нахмутив выгнутые высокой дугой брови, и он почувствовал, что она дрожит.

– Мартин, – не выдержал наконец он, – ты действительно знаешь, как засрать хорошую вечеринку! Может, тебе лучше убраться отсюда?

Уэсу хотелось раздавить планшетку, разбить на сотню кусочков холодного пластика. Но он этого не сделал, потому что на какое-то мгновение ему показалось, что это голова кобры, лежавшей на ковре, и Уэс решил, что никогда – ни за что! – не прикоснется больше к этой мерзкой твари.

Соланж наклонилась, осторожно дотронулась до нее и положила обратно на доску уиджи.

Музыка замолчала, гости разошлись, и вечеринка очень быстро закончилась.

Ночные странники

Воскресенье, 27 октября

I

Большой зеленый фургон увез остатки субботнего мусора, и пологие холмы над зеленым лебединым прудом возле замка Спящей красавицы в Диснейленде заблестели яркими каплями росы. Со стартовых площадок Страны будущего нацелились на холодные звезды белые ракеты. Небесный лифт замер в неподвижности. Пароход «Марк Твен» стоял в доке, темная вода под ним казалась гладкой, как зеркало. Золотистого света горевших вполсилы газовых фонарей на Главной улице едва хватало на то, чтобы охранник на электрокаре мог что-то разглядеть перед собой. Было почти три часа утра, и огромный комплекс Диснейленда погрузился в тишину.

Если не считать приглушенного шума шагов в центре Страны фантазий. Тонкий силуэт, бредущий сквозь темноту, остановился на мгновение возле пиратского корабля Питера Пэна, а затем двинулся дальше, в сторону белой бетонной горы Маттерхорн. Это был темноволосый молодой человек в черном вельветовом костюме, черных туфлях от «Гуччи» и светло-голубой футболке «Бич бойз». На его резко очерченном тонкокостном лице не было морщин, но в воло-

сах, особенно на висках и вдоль аккуратного косо́го пробора, виднелись желтоватые седые завитки. Белки глаз были цвета осевшей пыли, с красными прожилками. Худощавый и хрупкий, не дотягивающий нескольких дюймов до шести футов роста, он походил на семнадцатилетнего юношу, играющего Генри Хиггинса в школьной постановке «Моей прекрасной леди», только зрачки его глаз были зелеными, как мелководье Тихого океана, и вертикальными, как у кошки. Пока он разглядывал удивительные чудеса Страны фантазий, на его висках медленно пульсировала сеть голубых вен.

Он пересек дорожку, остановился у темной карусели в виде осьминога, щупальца которого соединялись с улыбчивыми слонятами Дамбо, и подумал, что без движения вся конструкция выглядит уныло и неестественно, теряя всю магию до последней капли.

Зрачки его глаз сузились от напряжения, и он описал в воздухе круг указательным пальцем левой руки.

Двигатель внезапно завыл. Вспыхнули и замигали искрящиеся белые огоньки. Карусель начала вращаться, улыбающиеся слонята мягко подпрыгивали в воздухе. С очарованной улыбкой он подумал, что хотел бы однажды встретиться с тем, кто построил это великолепие, и если бы этот парк принадлежал ему, он никогда бы не устал играть здесь, за всю вечность, что лежала перед ним. Однако через несколько минут его внимание рассеялось, белые лампочки потускнели и погасли, а слонята замедлили вращение и наконец оста-

новились. Снова наступила тишина.

Он шел по тропинке, ведущей к Маттерхорну, вглядываясь в него и думая о доме. Фальшивая гора казалась холодной, покрытой густым снегом, и кое-где с ее выступов свисали бетонные сосульки. Его охватила тоска по снежным бурям юности, по дико свистящим ветрам, что гнали тучи снега вдоль скалистых перевалов, по которым не отваживался ходить ни один человек. В этой стране под названием Калифорния слишком жарко, слишком много солнца, но он дал клятву идти туда, куда позовет Учитель, и обратной дороги у него нет. Он закрыл глаза, и над ним с воем закружил стремительный вихрь ледяного воздуха, немного освежив его и тут же угаснув.

Он приехал сюда из города, чтобы побыть в одиночестве и подумать о Фалько. Старик устал и сделался ненадежным, пришло время принять решение. Хуже всего то, что искра угрызений совести, которую Фалько носил в себе почти пятьдесят лет, вспыхнула мучительным пламенем отчаяния. «Фалько такой же, как и все остальные, – подумал он, неохотно поворачивая прочь от Маттерхорна. – Постарев, он стал мягким и теперь ищет избавления, гадает, лежа в своей постели, не сможет ли молитва спасти его. Если он начнет молиться, я убью его. Как и всех остальных», – решил юноша. Ему не хотелось думать об этом, однажды ночью его голову уже обожгло имя бога, прозвучавшее в шепоте, что слетел с губ одного глупца.

Когда он приблизился к деревьям по другую сторону Маттерхорна, его кожу неожиданно начало покалывать. Под деревьями стояла пара ярко раскрашенных скамеек, и на одной из них юноша разглядел в темноте поджидавшего его Гранд-мастера. Он остановился и замер в полной неподвижности, с внезапным стыдом осознав, что его разум был слишком затуманен и он не смог ощутить присутствие своего Господина, своего Короля, строгого и непреклонного Учителя.

– Конрад, – мягким, бархатным голосом произнесло существо, сидевшее на скамейке. – Тебя ищет некто, пришедший с юга. Ты позвал его, и он явился.

Юноша на секунду закрыл глаза и сосредоточился: он услышал отдаленный рев мотора, уловил запах бензина и горячего асфальта.

– Человек-змея, – сказал он и открыл глаза, убедившись, что не ошибся.

– Да, твой лейтенант. Он проделал долгий путь, следуя твоему приказу. Скоро придет время действовать.

– Наш круг растет, – кивнул юноша, и в его ярко-зеленых глазах вспыхнуло нетерпение. – Мы становимся сильнее с каждой ночью.

Существо на скамейке тонко улыбнулось, закинуло ногу на ногу и сложило на колене руки с черными когтями.

– Я потратил на тебя много времени, Конрад. Я научил тебя древнему искусству. И теперь ты готов использовать эти знания от моего имени. Мир может стать твоим, Конрад. Ты

можешь пройти по нему, как Александр.

Конрад кивнул и повторил прекрасное имя:

– Александр.

– Александр тоже ощущал эту удивительную жажду, – прошептало существо. – Твое имя впишут в учебники истории нового мира. Нашего мира.

– Да. Да.

Взгляд юноши затуманился, в голове пронеслись тревожные мысли о Фалько.

– Фалько постарел, сильно постарел с того времени, когда мы разговаривали в последний раз. Ему известно слишком много моих секретов, и он становится слабым.

– Так найди другого помощника. Убей Фалько. Рядом с тобой уже есть человек, порвавший связь с человечеством.

Глаза существа, похожие на раскаленные добела круги, буравили лицо юноши.

– Да, – сказал Конрад. – Он приносит жертвы плоти.

– И тем предает свою расу ради грядущего нового мира. Ты Король для него, Конрад, вот и сделай его своим слугой. – Лицо существа, какое-то мгновение молча разглядывавшего юношу, перечеркнула усмешка. – Тверже шаг, Конрад. Используй от моего имени все, чему я тебя научил. Высеки свою легенду в анналах новой расы. Но будь осторожен – в этом городе есть люди, которым приходилось сталкиваться с подобными тебе. И уже скоро ты должен нанести удар.

– Скоро. Клянусь...

– Именем моим, – подсказало существо.

– Именем твоим, – повторил Конрад.

– Да будет так. Преданный слуга, ученик и правая рука, возлагаю на тебя эту задачу.

Все еще улыбаясь, существо как будто растворилось в темноте, пока не остался виден только его рот, словно улыбка Чеширского кота, но затем и он тоже исчез.

Юноша задрожал от восторга. Избран Учителем! Из всех ему подобных, что ходили по земле, скрывались в горных пещерах или прятались в городской канализации, он единственный, кого избрал Грандмастер! Теперь он сосредоточился на человеке-змее, про которого Учитель когда-то давно сказал, что тот идеально подходит для предстоящей задачи. Конрад углубился в себя, чтобы отыскать и увидеть человека на мотоцикле, дотягиваясь до самых отдаленных пределов огромного города. «ИДИ КО МНЕ», – мысленно приказал он и вызвал в памяти вид черного замка – так похожего на его собственный, далеко отсюда, – угнездившегося на скалах над Лос-Анджелесом. Он как раз складывал в голове изображение горной дороги, когда за спиной у него внезапно вспыхнули фары.

Юноша с шипением обернулся.

– Эй, парень! – крикнул ему человек на электрокаре. – Что ты здесь делаешь?

Охранник резко ударил по тормозам и завопил от ужаса. Никакого парня здесь больше не было, он превратился в

нечто огромное и жуткое, рванувшее в небо с кожаным шуршанием черных крыльев. Электрокар юзом проскользил по тропинке, оставляя на свежеподстриженной траве отметины шин. Брюки охранника быстро пропитались мочой. Он вцепился в руль и, стуча зубами, старался смотреть только прямо перед собой. Наконец он вышел из электрокара и огляделся – вокруг не было ничего, вообще ничего. Тихо и безлюдно, как всегда бывает в воскресенье утром в Диснейленде. Внезапно его нервы лопнули, как истершаяся веревка. Он запрыгнул обратно в электрокар и помчался так, словно заранее увидел то, что ждет его в аду.

II

Кобро не мог толком сосредоточиться, голова напоминала кузнечную наковальню, по которой били молотом. Где-то внутри мозга пульсировало раскаленное докрасна затухающее эхо голоса, который гремел в нем парой миль раньше: «ИДИ КО МНЕ». Голос звучал отчетливо, разрушительно. Это было все равно что стоять прямо перед грохочущими динамиками на выступлении «Стоунз» в Альтамонте. Когда на него обрушился этот голос, он летел на север по автостраде Санта-Ана, удерживая скорость чуть ниже шестидесяти. Он открыл рот и вскрикнул от неожиданности, а черный чоппер вильнул через две полосы, прежде чем Кобро сумел укропить сукиного сына. И теперь, оставив позади Диснейленд

и пророкотав по темному переплетению улиц Буэна-Парка, он понял, что скоро придется съехать с дороги и перехватить немного кофе, виски, «спидов», или что еще он сможет раздобыть, чтобы унять этот гром в голове. Вероятно, что-то обожгло веки, потому что стоило ему моргнуть, как он увидел странную картину, очерченную голубовато-синим на фоне непроглядной тьмы: что-то вроде охрененно большого собора с башнями, окнами из цветного стекла и дверями, больше похожими на девятифутовые плиты из красного дерева.

Он решил, что слегка поплыл от нервного перенапряжения, потому что был в дороге уже десять часов, проглотив только сэндвич с барбекю и пару ампул амилнитрата, чтобы поддержать силы. Но теперь его больше не волновало, галлюцинации это или нет. Вокруг него и под ним рассыпались светлячки огней, случайные подмигивания неоновых вывесок или янтарных сигналов светофора. Небо впереди сияло тускло-желтым, и это означало конец путешествия. «Или может быть, – сказал он себе, – на самом деле оно только начинается. Посмотрим, что уготовила старине Кобро судьба, этот призрак на золотом „харлее“, чье лицо может смотреть сразу на все четыре стороны. Первым доберусь наперегонки с этой ухмыляющейся стервой до самого финиша».

Равномерное мерцание красного неона справа от автостреды привлекло его внимание. «МИЛЛИ... ДЕЛИКАТЕСЫ... СТЕЙКИ... ЗАВТРАКИ... РАБОТАЕТ 24 ЧАСА».

«Возьму яичницу и кофе, – подумал он, сворачивая на следующем съезде. – Дождусь, пока моя долбаная голова не перестанет звенеть. Может быть, прихватчу немного денег на дорогу».

«Милли» оказалось маленькой плоской коробкой из выбеленного кирпича с растущими под окнами кактусами. В воздухе пахло жиром от тысячи стейков, мисочек с чили и тарелок с яичницей, которые передавали через облупившийся прилавок из огнеупорного пластика. Однако на парковке, почти вплотную к зданию, стояли два старых «харлея-дэвидсона», и Кобро, перед тем как войти, потратил целую минуту, чтобы рассмотреть их. Оба имели калифорнийские номера, а на бензобаке одного из них была намалевана красная свастика.

Перед низкой белой стойкой были расставлены в линию барные стулья, а заднюю часть заведения занимали два ряда отдельных кабинок. За стойкой старик с лицом, похожим на ком наждачной бумаги, готовил два гамбургера. Он поднял на Кобро глаза, сверкавшие презрением, когда тот вошел в дверь и расстегнул ремешок черного шлема. Кобро занял один из стульев у края стойки, откуда мог в случае необходимости мгновенно метнуться к выходу.

В одной из кабинок в задней части сидели друг напротив друга двое парней. На обоих были байкерские куртки: на одном – из выцветшей коричневой кожи, на другом – такая же выцветшая, но оливково-зеленая, из армейских запа-

сов. Какое-то время Кобро разглядывал их, пока старик шел вдоль стойки, остановившись по дороге, чтобы отхаркнуться и сплюнуть в стеклянную банку. Байкеры казались полной противоположностью друг другу, прямо Матт и Джефф²⁸ в бегах. Один – крепкий и широкоплечий, с давно не стриженными рыжими вьющимися волосами и бородой, доходившей почти до того места, где круглый пивной живот демонстрировал всем надпись «ПОШЕЛ НА ХРЕН» на футболке. Другой – тощий как скелет и бледный, как покойник, а вдобавок ко всему еще и совершенно лысый, с золотой серьгой в мочке правого уха. Байкеры в свою очередь уставились на Кобро. Атмосфера медленно закипала.

– Что будешь заказывать, приятель? – спросил старик.

Кобро повернулся к нему, и глаза старика округлились, словно он осознал присутствие странствующей смерти.

– Значит, ты и есть Милли? – тихо спросил Кобро, протянув руку к засаленному меню.

– Это моя жена. – Старик попытался рассмеяться, но выдал лишь хрипкое карканье. – Все так спрашивают.

– Ага. Ну хорошо, Милли, как насчет чашки черного кофе и яичницы с ветчиной? Приготовь глазунью.

Старик поспешно кивнул и отошел. Он отнес Матту и Джеффу гамбургеры, потом соскоблил лопаткой с противня подгоревшие кусочки говядины и разбил на них пару яиц.

²⁸ *Матт* и *Джефф* – персонажи популярного в США ежедневного газетного комикса о двух не схожих между собой хвастунах.

Кобро понаблюдал за его работой, затем достал из-под прозрачного пластикового колпака на прилавке глазированный пончик и с жадностью съел его. Пончик хрустел на зубах и по вкусу напоминал штукатурку. Дожевывая пончик, Кобро думал о том голосе, что недавно слышал, о властном приказе, едва не расколовшем его голову пополам. Он все еще видел сияющий голубым собор, словно это изображение выжгли у него на подкорке.

«Что это была за хрень?» – гадал он. Дорожная лихорадка? Или глас судьбы, взывающий к нему с запада? Тот ли это голос, что шепотом звал его в тихой, влажной мексиканской ночи, что доносился сквозь тяжелый воздух вокруг бара на пустынном тexasском шоссе? Он ясно ощущал, что там, в Эл-Эй, есть что-то важное для него. По крайней мере, так же отчетливо, как все, что он видел, чувствовал или понимал в своей жизни, которая за эти двадцать лет сводила его с байкерскими бандами, торговцами дурью и убийцами от Калифорнии до Флориды.

«Или, может быть, это вовсе не зов судьбы», – с усмешкой подумал он. Возможно, это зов смерти. Вот она подключается к телефонной линии, ведущей в мозг Кобро, набирает костяным пальцем его номер и шепчет: «У меня здесь, в Калифорнии, есть кое-что для тебя, Кобро. Кое-что важное, и доверить это я могу лишь тебе одному. Хочу, чтобы ты сел на свой чоппер и приехал сюда. Может быть, подбросишь мне по дороге парочку хороших драк. Я буду ждать тебя».

Да, может быть и так. Но какая, на хрен, разница между судьбой и смертью? Обе они в конце концов приведут в одну и ту же яму в земле.

Старик дрожащей рукой подтолкнул ему чашку кофе через прилавок. Кобро взглянул на него взглядом Медузы, от которого тот окаменел.

– Эй, старик, – сказал Кобро. – Я разыскиваю одно местечко. Может быть, оно где-то поблизости, а может, и нет. Это большая штукавина, по-настоящему большая. Возможно, церковь или что-то вроде того. С башнями и цветными стеклами в окнах, и еще... не знаю... похоже, что она стоит на скале. Здесь у вас ничего такого нет?

– В пресвитерианской церкви, в трех кварталах к западу, есть цветные витражи, – ответил старик. – И колокольня со шпилем. Но я не уверен.

Он пожал плечами, и вдруг его взгляд зигзагом поскакал влево. Продолжая улыбаться, Кобро начал расстегивать куртку, потому что уже почувствовал приближение тех двоих, что сидели сзади. Рука скользнула за пазуху и сжала рукоятку. Нетерпение нахлынуло на него, словно сладкий, обжигающий кокаин.

– Что ты там говорил, чувак? – спросил голос из-за спины.

Кобро обернулся. Говорливым оказался рыжеволосый, в бороде которого застряли крошки хлеба и кусочки гамбургера. Его черные, глубоко посаженные глаза уставились на лоб Кобро. Лысый байкер – он был постарше, лет около сорока

– стоял сбоку от своего друга, словно прутик живой плоти рядом с пушечным ядром. Взгляд лысого типа был пустым, как будто скорость выжгла ему мозги.

– Не припомню, чтобы я что-то говорил тебе, – ответил Кобро.

– Эй, ребята, – сказал муж Милли. – Давайте без неприятностей. Я работаю здесь...

– Заткнись, на хрен!

Лысый тип говорил хрипло, словно кто-то пытался перерезать ему глотку, но отхватил только кусок голосовых связок.

– Я задал тебе вопрос, белобрысый. Послушаем, что ты скажешь.

Кобро уже почти нажал на спусковой крючок маузера, развернув его вместе с кобурой, но остановился, когда ему оставалось надавить всего на четверть унции сильнее.

– Я скажу тебе, что ты услышишь, большой кусок дерьма. Ты услышишь, как на твоём лице зашкворчит пара пуль из маузера... **НЕ ШЕВЕЛИСЬ!**.. потому что именно этим сейчас займется мой палец. Хочешь проверить?

– Пожалуйста... – проскулил старик.

Бородатый тип несколько секунд рассматривал Кобро, а затем улыбнулся, продемонстрировав полный рот обломанных зубов. Улыбка становилась все шире, так что, казалось, еще немного – и лицо треснет.

– Обосраться можно! – прорычал он сквозь взрывы хохота.

та. – Я понял, что это ты, как только увидел! Черт возьми, никогда не встречал никого похожего на тебя, так что я знал, что не ошибся. Ты ведь Кобро?

– Так меня называют.

Палец с крючка он пока не убирал.

– В чем дело? Ты меня не узнаешь? Ну да, я не подумал о том, что пару лет назад, после небольшого трам-пам-пам между «Ангелами» и «Охотниками за головами» во Фриско, у меня не было такой бороды и такого брюха. Я же Викинг, чувак! Не помнишь меня?

– Викинг?

Имя прозвучало в голове далекой нотой, но Кобро связал его с худым и жилистым «ангелом ада», повсюду носившим с собой клещи, которыми он выдергивал чужие зубы. А еще казалось, что Викинг способен убрать пару шестибаночных упаковок «Бада» раньше, чем ты успеешь открыть третью банку. Разумеется, Кобро помнил разборку между бойцами «Ангелов» и «Охотников за головами», потому что он был тогда восемнадцатилетним и рвался оставить свой огненный автограф в истории «Ангелов». На той заброшенной стоянке, посреди ночи, когда вокруг размахивали ножами и цепями, он отправил двух «Охотников» в преисподнюю из своего люгера, а третьему врезал по яйцам.

– Викинг? – повторил Кобро, сообразив, что готов был пустить в расход брата. – Господи, Викинг! Ты что, проглотил лошадь, дружище?

– Похоже, старина пивасик мне все-таки аукнулся, – сказал бородатый, любовно оглаживая свое пузо. – Эй, хочу познакомить тебя с моим дорожным дружкой, Дикко Хансеном. Дикко, этот сучий альбинос может поймать пулю зубами и выстрелить ею из собственной задницы!

Он расхохотался, залиvisto и громко. Кобро и Дикко обменялись рукопожатиями, обхватив своим большим пальцем большой палец другого и сдавив так, что затрещали суставы.

– Где ж тебя, господи боже в душу мать, носило? – спросил Викинг.

– Да так, мотался туда-сюда.

– Я слышал, несколько месяцев назад ты гонял с «Легионом Люцифера», а потом тебя грохнули в небольшой потасовке на Нью-Овлинской²⁹ трассе.

– Не-а, это я кое-кого грохнул. Потому и свалил на время в Мексику.

Старик побледнел так, что стал похож на Кобро, и выскочил из-за стойки, трясясь от страха и надеясь, что о нем никто не вспомнит.

– Принеси еду этого парня к нам в кабинку, – крикнул ему вслед Викинг так, что старика передернуло. – Идем, братан, нам есть о чем потолковать.

Кобро уплетал свою яичницу с ветчиной, слушая рассказ Викинга. Дикко сидел рядом с Кобро, потому что его дружок

²⁹ Нью-Овлин – жаргонное название Нового Орлеана.

занимал почти всю скамейку по другую сторону стола.

– Мы с Дикко теперь гоняем с «Машиной смерти», – объяснял Викинг. – Понимаешь, мне пришлось изменить свой вид, потому что копы вышли на охоту за моей задницей. Многие братья откололись от «Ангелов» и собрали свои клубы или подались в другие штаты. Чтоб я сдох, «Ангелы» уже не те, что прежде, Кобро! Врубись, они стали респектабельными. Носят свои сраные костюмы и собирают пожертвования для сраных сироток! Тебя бы не стошнило, если бы ты увидел, как бывшие братья лижут копам задницу? Не понимаю.

Он запрокинул бутылку и выпил до дна, громко причмокнув губами под конец.

– В старые добрые времена было клево, правда же? Сотни «Ангелов» по всей ширине трассы, и ни у кого не хватало духу проскочить мимо. И боже ж ты мой, зайти бухнуть и снова в пу-у-уть! А эти тусовки «Ангелов» во Фриско, чувак, после которых волосы еще неделями стояли дыбом? Ох, черт!

Он открыл следующую бутылку и взялся за нее.

– Что поделаешь, времена меняются, правильно? Люди стали слишком много думать о буги-вуги и наличности, а не о том, как круто ехать во главе стаи под девяносто миль в час и чувствовать на лице славный сырой ветер. А территория? Никому нет дела до территории. Банда чикано может драться с черномазым отребьем за какой-нибудь высохший

клочок голого цемента в Эл-Эй, но никто не расчищает свои земли, как это делали мы.

Он снова хлебнул пива, и капли пены заблестели в его бороде.

– Всем на все насрать. Кроме «Машины смерти», ясен пень. Там собралась хорошая компания братьев. Мы со старинной Дикко возвращаемся из пробега в Сан-Диего. Ты бы посмотрел на лица этих засранцев, когда тридцать ребят из «Машины Смерти» проехали прямо через их лагерь, разбрасывая корзины для пикника и столики ко всем чертям, и обратно. Ага, это было круто, правда, Дикко?

– Конечно круто.

– А как ты, Кобро? Что ты нам расскажешь?

– Особо нечего рассказывать, – ответил Кобро. – На какое-то время я прибился к «Ночным всадникам» в Вашингтоне, потом почувствовал дорожную лихорадку и свалил. Думаю, я успел погонять с девятью-десятью клубами, с тех пор как ушел из «Ангелов».

Викинг наклонился ближе, в глазах его мерцали тусклые пивные огоньки.

– Эй, – заговорщицки прошептал он. – А кого ты грохнул в Нью-Овлине? Что за дело там было?

– Пару «Демонов Дикси»³⁰, прикончивших моего приятеля. Я убил их из милосердия.

– А как ты их убил, быстро или медленно?

³⁰ *Дикси* – собирательное название юго-восточных штатов США.

Кобро ухмыльнулся:

– Первому я прострелил коленные чашечки. Потом локтевые суставы. И сбросил в могучую Миссисипи. Засранец еще немного побарахтался, как лягушка, пока не скрылся под водой. Второго я отловил в туалете на заправке. Сначала он у меня начисто вылизал унитаз, а потом – пух! – прямо ему в мотню. Кровищи было, как в болоте.

Взгляд его слегка затуманился.

– Плохо только, что он работал на копов, собирался дать показания против своих дружков-«Демонов». Все породы свиней устроили охоту на меня, начиная от ФБР и так далее. Дело случая, верно?

– Пожалуй.

Викинг откинулся назад и удовлетворенно рыгнул.

Кобро допил свой кофе, и тот забурлил у него в животе. Он чувствовал на себе взгляд Дикко, словно это была присосавшаяся к щеке пиявка.

– Викинг, – заговорил он чуть погодя. – А в Эл-Эй сейчас не творится ничего такого, что могло бы меня заинтересовать? Что-нибудь крупное? Ну, понимаешь, всякие там нелегальные делишки, или, может быть, кому-то позарез нужен стрелок не из города?

Викинг посмотрел на Дикко и покачал головой:

– Ничего такого не слышал. Ну хорошо, «Рыцари» затеяли небольшую войну с «Сатанинскими плясунами» в Ла-Хабре, но через несколько дней там все успокоится. А в чем дело?

– У меня такое ощущение, как будто что-то вот-вот прорвется.

Мелкие, как у хорька, глаза Дикко заблестели.

– Что это за ощущение? Что-то странное, дикое, как будто у тебя внутри гудит какая-то сила?

– Да, вроде того. Только оно становится все сильнее, и совсем недавно мне почудилось... парни, вы случайно не знаете такого дома – он по-настоящему большой, возможно, на скале, с высокими башнями и цветными стеклами на окнах, или, может быть, это церковь?

Дикко испуганно уставился на него.

– Э-э... на скале. Высоко над Эл-Эй? Боже! Может быть, это замок?

Кобро кивнул.

Внезапно Викинг расхохотался:

– Гребаный замок? Разумеется, старина Дикко его знает! Ты говоришь про особняк Кронстина? Это там, где Дикко с кучкой придурков, у которых снесло башню от ЛСД и мескалина, устроили вечеринку и...

– Одиннадцать лет назад, – тихо проговорил Дикко. – Мы сделали это одиннадцать лет назад.

– Что вы сделали? – переспросил Кобро. – О чем ты?

– Ты хочешь попасть туда? – Глаза Дикко снова помертвели. – Зачем?

– Может быть, это не то место, куда я хочу попасть, – сказал Кобро. – Я пока не знаю. Но мне бы хотелось его увидеть.

Далеко это отсюда?

– На Голливудских холмах. Но мы могли бы управиться еще до рассвета, если ты хочешь взглянуть на него. Я слышал, там кто-то поселился.

– Кто? – спросил Кобро.

«Ну и как тебе это нравится? – сказал он самому себе. – Замок, а не церковь».

Дикко пожал плечами:

– Какой-то приезжий засранец. Примерно месяц назад была статья в газете. Я сохранил ее.

– Отлично. Какого черта, мне все равно больше нечем заняться. Давайте сгоняем к этой хрени и посмотрим на нее.

Кобро вдруг загорелся этой идеей.

«Мое путешествие окончилось? – задумался он. – Или только началось?»

Кровь словно закипела в его венах.

– Погнали! – сказал Викинг и выволок свою тушу из кабинки.

III

Из мертвой синей тьмы на холмах над «Голливудской чашей» поднялись три луны. Кобро ехал слева от Дикко, следуя изгибам дороги с почти сверхъестественной уверенностью. Они хорошо посидели у Милли, хотя Викингу, ехавшему справа от Дикко на мотоцикле, хрипящем, как старый,

отбегавший свое конь, приходилось через каждые две-три мили останавливаться и освобождать мочевой пузырь от выпитого пива. Теперь они втроем поднимались все выше под невероятным углом, рев моторов и хлопки глушителей разрывали тишину. Дикко резко свернул на узкую дорогу, вдоль которой стояли сотни мертвых деревьев. Потом троица продолжила подъем, а ветер завивался вокруг них, словно в водовороте.

Так они и добрались до протянутой поперек дороги цепи с табличкой: «ЧАСТНЫЕ ВЛАДЕНИЯ – ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН».

– Сейчас разберемся.

Кобро слез с чоппера и направился к дереву слева от дороги. Цепь была обернута вокруг ствола и скреплена навесным замком из тех, что вряд ли получится отстрелить. Кобро дернул за цепь. Она держалась крепче эрекционного кольца, и не было никакой возможности объехать ее – с левой стороны дороги открывалась пустота, а с правой путь преграждал валун величиной с целый дом.

– Дальше придется идти пешком, – сказал Кобро и решил перешагнуть через цепь. Но тут внезапно раздался щелчок, и цепь соскользнула на дорогу.

– Отлич-ч-чно! – обрадовался Викинг и газанул. – Как ты это сделал?

– Я... не знаю.

Кобро шагнул назад и наклонился, разглядывая зубья зам-

ка. Они были новыми, гладкими.

– Просто ржавый замок, – сказал он, выпрямляясь, и подумал: «Что ждет меня здесь: смерть или судьба?»

Он вернулся к своему мотоциклу. Ноги его слегка затряслись, но будь он проклят, если покажет это кому-нибудь!

– Ты уверен, что хочешь туда подняться? – спросил Дикко.

Под глазами у него в слабом свете проступили глубокие синие впадины, а рот скривился, словно серый червяк.

– Ага. Почему бы и нет?

– Выше дорога чертовски коварна. А я давненько здесь не бывал. Надеюсь, я не заведу вас прямо к краю пропасти и дальше вниз, к Эл-Эй.

– Хочешь повернуть назад, Дикко? – спросил Викинг с мягкой насмешкой в голосе и в глазах.

– Нет, – поспешно ответил Дикко. – Я готов. Но... понимаешь... я много думал о той ночи. Этот придурок Джоуи Тагг устроил тогда живодерню.

– Я слышал другое, – сказал Викинг, но продолжать не стал.

Дикко с ревом переехал цепь, Кобро не отставал от него. По дороге наверх пришлось огибать каменные глыбы, попадавшие с уступов у них над головами. Когда они подъехали к самой вершине, дорога повернула под углом в восемьдесят градусов, и сквозь просвет между деревьями Кобро разглядел всю сверкающую внизу долину, от каньона Топанга до

Алхамбры.

А потом появился *он*, угнездившийся на вершине, словно каменный стервятник. Замок был огромен, намного больше, чем рисовалось в воображении Кобро. Его словно окатили холодной водой. Это было то самое место: устремленные в небо черные башни, остrokонечные крыши, похожие на дурацкие колпаки, и мягкое голубое мерцание окон в шестидесяти футах от земли не оставляли никаких сомнений. Весь замок был окружен десятифутовой каменной стеной с протянутыми поверху кольцами колючей проволоки. Гигантские деревянные створки ворот были распахнуты настежь, и за ними Кобро разглядел заросшую сорняками дорожку, ведущую через открытый двор к каменному крыльцу. Над крыльцом виднелась входная дверь, высокая, как разводной мост. «Здесь должен быть ров с долбаными крокодилами», – подумал Кобро.

– Кто построил это непотребство? – спросил он у Дикко.

Дикко выключил мотор, остальные поступили так же. В тишине стало слышно, как шелестит листва у них над головами. Ветер холодными пальцами прикоснулся к их лицам, словно бы изучая их черты.

– Один безумный старый актер по фамилии Кронстин, – негромко ответил Дикко, слез с мотоцикла и поставил его на подножку. – Он перевез эту штуку из Европы по кусочкам. Ты не видел его фильмы?

Кобро покачал головой.

– Фильмы про монстров, – продолжал Дикко, ведя глазами по острым углам башен и парапетов. – Из-за них-то старик и спятил, так я думаю. Видел мертвые деревья, мимо которых мы проезжали? Кронстин нанял каких-то парней, и те опрыскали их черной краской, просто покрыли дерьмом, будто в каком-нибудь фильме ужасов.

– Давно он здесь стоит? – спросил Кобро, слезая с чоппера.

– Очень давно. Думаю, его поставили здесь в сороковых годах. Но он еще старше. Должно быть, стоял в Европе не один век.

– Но старина Кронстин оказался не настолько богат, как вам, болванам, хотелось? – с ухмылкой спросил Викинг, рыгнул и что-то пробормотал себе под нос.

Дикко долго молчал, а потом ответил:

– Там почти не было дорогой мебели. Не было золотых статуй и сундуков, набитых деньгами. Ничего не было, кроме пустых комнат.

Он обернулся к Кобро:

– Ты его увидел. Теперь пойдем.

Кобро сделал несколько шагов по дорожке, под ногами у него хрустел гравий.

– Подожди минутку.

«Что здесь происходит? – задумался он. – Что зовет меня сюда?»

– Идем, братан, – сказал Викинг. – Погнали... ЭЙ! ТЫ

ВИДИШЬ ЭТО?

Он показал пальцем, и Кобро посмотрел вправо.

В одном из окон башни мерцала свеча, за цветным стеклом ее огонек казался оранжевым. Краем глаза Кобро заметил слева еще одну догорающую свечу. И вот они уже горели почти за каждым окном во всем замке. Крошечные огоньки светились зеленым, голубым и белым за цветными стеклами, словно фонари, указывающие охотнику дорогу домой.

Входная дверь бесшумно отворилась. На Кобро нахлынула волна радости и страха. словно электрический заряд между двумя полюсами. Он еле передвигал ноги, как будто брел по липкой бумаге.

– Куда ты собрался? – крикнул ему вслед Викинг. – Кобро, что ты делаешь, чувак?

– Оно зовет меня, – услышал Кобро собственный голос.

Он оглянулся на Викинга и Дикко, стоявших у дальнего конца дорожки.

– Идемте, – сказал он, и дикая ухмылка пробежала по его лицу. – Идемте со мной. Оно зовет нас всех.

Ни тот ни другой не двинулись с места.

Рядом с огромным зданием Кобро казался карликом. Он уловил доносящийся через открытую дверь запах утробы этого замка – сухой, холодный, древний, как само время. На пороге Кобро остановился и оглянулся на своих друзей, и тут в голове у него ледяным ветром пронеслось: «ИДИ КО МНЕ». Он шагнул в темноту и услышал, как Викинг кричит

ему из внешнего мира:

– КОБРО!

Он стоял в самой утробе тьмы, где не было ни стен, ни пола, ни потолка. Только вдалеке слышался какой-то шум – то ли падающих на бетон капель, то ли приглушенных шагов. Кобро двинулся дальше, ощупью находя дорогу, и ботинки его загрохотали, как брошенные на грубый каменный пол кости. Отголоски эха накатывались на Кобро и расходились, не задевая друг друга, словно разрывное течение у берега. Его глаза понемногу привыкали к темноте, и он различил гладкие каменные стены и геометрический узор грубо вытесанных стропил примерно в двадцати футах над головой. С потолка наискось свисала старая ржавая люстра, в которой чудом сохранились две лампочки, напоминающие слезинки. Где-то далеко, в глубине помещения, мерцали свечи, Кобро пошел на их свет, касаясь стены кончиками пальцев. Он пробирался вперед по длинному, высокому коридору, казалось уходящему в бесконечность, как в карнавальной зеркальной комнате. Что-то в нем съежилось от страха, как дворняжка, но что-то другое пошатывалось от пьяного восторга, и именно оно заставляло ноги не прекращать движения. «Я в доме с привидениями на ярмарке в Новом Орлеане, – сказал он себе. – Иду по Лабиринту безумца. Через минуту я почувствую паутину в волосах и увижу чучело в обезьяньей маске».

Наконец он добрался до свечи. Она стояла в сверкающем

бронзовом подсвечнике на длинном столе из темного полированного дерева. Кобро ничего не видел за пределами круга света, но у него возникло ощущение, что это огромный, как пещера, зал, возможно, с каменной лестницей, вьющейся вдоль стены и скрывающейся из виду. Где-то высоко над ним свистел в разбитых окнах ветер.

Слева от себя он увидел еще одну свечу, плывущую в воздухе, словно ее нес призрак. Но затем разглядел в мерцании света лицо девушки с длинными вьющимися эбеновыми волосами и чувственными пухлыми губами. Лицо, прекрасное, как луна. По другую сторону появилась еще одна свеча. Ее держал юноша в футболке с надписью «Кисс». У него было вытянутое, худощавое лицо и глаза хищника. Третья свеча возникла за спиной у Кобро. Ее несла высокая улыбающаяся девушка с беспорядочно спадающими на плечи рыжими волосами. А потом еще и еще. Кобро заметил пару девушек-чикано, черного парня в бандане, мужчину и женщину средних лет, с нежностью смотревших на него, словно он был их давно потерянным сыном. Горящие свечи безмолвным кольцом окружали его.

И тут плеча Кобро коснулась чья-то рука, холодная и твердая, как глыба льда. Он обернулся, готовый пустить в ход свой маузер. Но рука рванулась белой стрелой и схватила его за запястье, не причиняя боли, а только удерживая на месте. В золотистом мерцании свеч Кобро разглядел белое лицо, выглядевшее одновременно очень юным и очень старым.

На нем не было морщин, но в древних и мудрых глазах горел огонь могущественных тайн. В том месте, где пальцы незнакомца касались запястья, Кобро ощутил электрическое покалывание, которое медленно разрасталось, пока он не подумал, что его, должно быть, подключили к той же розетке, что питала энергией всю Вселенную. Кобро чувствовал, что вот-вот взорвется от страха и радостного возбуждения, что он должен опуститься на колени на холодный каменный пол и поцеловать ледяную руку смерти.

Он улыбнулся – мальчишеской улыбкой и глазами старика и произнес:

– Добро пожаловать.

Викинг и Дикко долго ждали снаружи, но Кобро так и не вернулся. Первые робкие лучи света расползлись по горизонту на востоке. Несколько раз друзья звали Кобро, но безуспешно, а потом Викинг вытащил изогнутый охотничий нож из кожаных ножен на боку.

– С Кобро что-то случилось, – сказал он Дикко. – Пойду узнаю, в чем дело. Ты со мной?

Дикко помедлил, а затем потянулся к пояснице и достал сорок пятый калибр из черной кобуры.

– Ага, – ответил он. – Я в деле.

Они вошли в замок, и тьма поглотила их.

Солнце постепенно захватывало горизонт, преследуя стоявшие на пути тени. Где-то перед самым рассветом дверь в

замок захлопнулась, и лязгнули засовы.

IV

Наступило воскресное утро, ясное и теплое. В сотнях церквей по всему Эл-Эй звонили колокола. Богу света поклонялись самыми разными способами, от официальных служб до простой молитвы в церкви Тихого океана на пляже Малибу. Священный орден Солнца зажигал конусы с благовониями, служились католические мессы. Буддисты преклоняли колени перед своими алтарями. Город выглядел тихим и спокойным, планета вращалась, как ей подобало, в упорядоченной Вселенной.

Митч Гидеон наблюдал со своей террасы в Лорел-Каньоне за стаей птиц, грациозно плывущей в небе, словно в замедленной съемке. Он стоял в теплом пятне солнечного света, курил сигару и думал о том сне с гробами на конвейерной ленте. Прошлой ночью ему снова это приснилось, и он вскочил с кровати так яростно, что с Эстель чуть не случился сердечный приступ. В первый раз сон казался какой-то причудой подсознания, над которой можно посмеяться. Теперь он был пугающим, подробности постепенно становились все ясней и ясней. Прошлой ночью он разглядел лица кое-кого из своих коллег по этой работе. Они походили на ухмыляющихся мертвецов, и холодная белизна их плоти выглядела так реально, что Гидеону пришлось с боем вырваться из

сна, словно со дна глубокого, заросшего тиной пруда. Сегодня днем он собирался поиграть в гольф пара на пару в загородном клубе Уилшира и надеялся, разделявая под орех Слезинджера, отвлечься от этого сна, который становился по-настоящему поганим.

Энди и Джо Палатазин сидели на своих обычных местах в Венгерской реформатской церкви на Мелроуз-авеню, всего в нескольких кварталах от дома. Почувствовав озабоченность мужа, Джо сжала его ладонь. Он улыбнулся и сделал вид, что внимательно слушает, но его мысли метались между двумя мрачными проблемами: Тараканом, чье присутствие в городе казалось теперь таким призрачным и неосвязаемым, и тем, что перевернуло вверх дном Голливудское мемориальное кладбище. Сделанный художником фоторобот человека, пытавшегося завлечь к себе Эми Халсетт, распечатали и раздали детективам и патрульным с приказом показывать его при разговорах с уличными обитателями. Конечно, может статься, что этот человек вовсе не Таракан, а просто парень, захотевший развлечься за свои кровные, но эту зацепку необходимо проверить. Тяжкие труды Брашера обернулись лишь тем, что внешность единственного подозреваемого, владеющего темно-синим «фольксвагеном», совершенно не совпадала с описанием, данным молодой проституткой. Для полной уверенности Палатазин все же выделил одного полицейского для наблюдения за ним.

Вторая проблема тревожила Палатазина гораздо больше. Он проехал мимо Голливудского мемориального по дороге в церковь – на первый взгляд там все было в порядке. Палатазин даже видел мельком сторожа Кельсена, отпирившего ворота для утренних воскресных посетителей. Может, это и в самом деле был просто бессмысленный вандализм. Палатазин очень на это надеялся. Другой ответ, притаившийся в глубине его сознания, мог свести с ума.

А Уэс Ричер в огромной круглой кровати у себя дома в Бель-Эйр шевельнулся и протянул руку к прохладному коричневому телу Соланж. Но захватил пальцами лишь край простыни, на которой она должна была лежать. Он открыл глаза и тут же зажмурился. Окна были завешены толстыми бежевыми портьерами, но свет все равно оставался таким ярким, что зрительные нервы Уэса затрещали, как оголенные провода под нагрузкой. Он прикрыл глаза ладонями и перевернулся на спину, дожидаясь, когда пройдет первая волна раскалывающей голову боли.

– Соланж! – позвал Уэс, и от звука собственного голоса его барабанные перепонки едва не лопнули. – Соланж! – повторил он раздраженно.

«Проклятье, где же она?» – подумал он. В носовой пазухе смешались запахи марихуаны и жасминовых благовоний с доброй примесью холодного кокаина. «Как прошло шоу? – внезапно заволновался он. – Я был в ударе? „Чистая случай-

ность“ опять зажгла. Ели ментально, доктор Бэтсон!» Уэс встал и натянул свои «Фрут оф зе лум»³¹.

Он вошел в гостиную, огляделся и громко выругался. Испорченный от стены до стены ковер; кофейный столик из красного дерева, расцарапанный, словно брак из «Кей-марта»; обломки керамики инков, которые он вчера не заметил, потому что изрядно набрался; пустые чаши для гостей, наполнявшиеся по ходу вечеринки не меньше пяти раз; осколки стекла, сверкавшие на ковре между мерзкими пятнами и раздавленными окурками; следы каблуков на рояле – следы каблуков, во имя Христа! А еще... «Ой, да ну, к чертям собачьим! – подумал он. – Полный разгром!»

И посреди всего этого сидела Соланж в длинном белом пеньюаре с глубоким вырезом, открывающем нежные темные округлости груди. Она сидела на диване, крепко обхватив себя руками, словно ей было холодно, и смотрела на доску уиджи.

– Доброе утро, – сказал Уэс и плюхнулся в кресло.

Через мгновение снова вскочил и убрал из-под себя наполненную окурками пепельницу, а на заднице у него осталось кольцо пепла.

– Господи! – тихо проговорил он, оглядывая разруху. – Как в таких случаях говорят, если бы только меня видели сейчас парни из клуба «Домино»!

Соланж не обращала на него внимания, ее взгляд был при-

³¹ «Фрут оф зе лум» – американская компания по производству нижнего белья.

кован к центру доски.

– Я не почувствовал, как ты встала. Давно ты здесь?

Она моргнула и посмотрела на него так, словно только сейчас заметила, что он вошел в комнату.

– Уэс, я... я уже давно встала. Не могу спать после рассвета. – Соланж долго разглядывала его, а затем одобрительно улыбнулась. – Ты выглядишь так, будто кто-то поразил тебя нгангой.

– Нга... чем? Что это такое?

– Злые чары. Очень сильные.

Соланж нахмурилась и повернулась обратно к доске. Затем подняла планшетку и потрогала ее обратную сторону кончиком пальца.

– Осторожней с этой гадостью, – сказал Уэс. – Как бы она тебя не укусила. Когда я в следующий раз увижу Мартина Блю, то обязательно дам ему пинка под зад. Он чуть мне глаз не выбил!

Соланж вернула планшетку на место.

– О чем ты, Уэс? Думаешь, это Мартин виноват в том, что случилось вчера вечером?

– Конечно он! Я видел его руки! Он смахнул эту штуку прямо с доски.

Не дождавшись ответа Соланж, он подошел к панорамному окну и посмотрел на бассейн. В воде плавали шезлонги в яркую желто-зеленую полосочку, в глубине виднелись пустые банки из-под пива «Курс».

– Хорошо, – произнес он наконец. – Я знаю, что значит это молчание. Так что думаешь ты?

– Мартин не делал этого, – сказала она. – Он ни в чем не виноват, и никто другой не виноват. Это было что-то очень сильное и агрессивное...

– Ой, вот только не надо! Послушай, я терпел всю эту мумбу-юмбу на вечеринке, но теперь, когда мы остались одни, забудь про мир духов!

– Ты мне не веришь? – холодно спросила она.

– Не-а.

– А Богу ты молишься?

Он повернулся от окна к ней:

– Да, но это совсем другое.

– Точно? Вспомни, как девять месяцев назад ты играл в покер по очень высокой ставке в номере «Лас-Вегас Хилтона». Ты играл с очень влиятельным и богатым человеком.

– Ну, было дело.

– А заключительную партию помнишь? Ты закрыл глаза, когда поднимал последнюю карту. Какому духу ты тогда молился?

– Я... я просил у госпожи удачи, чтобы это был туз. Это вовсе не дух.

Она улыбнулась, слегка раздувая ноздри.

– А я говорю, что дух. Все божества – это духи. А все, во что ты веришь, может стать божеством. Да, Уэс, ты веришь. – Она снова взглянула на доску. – Ты же видел. Ты сам произ-

носил эти слова.

– Какие еще слова? Это была полная тарабарщина!

– Это было сообщение, – тихо сказала Соланж, вздрогнула и подняла на него взгляд. – Духи обеспокоены, Уэс. В воздухе чувствуется великая и ужасная нганга. Если бы в твоих венах текла кровь банту, ты сам бы почувствовал ее вибрации, ощутил бы запах, напоминающий вонь скисшего уксуса. Духам известны все тайны, они видят будущее и пытаются защитить нас от опасности, если только мы прислушаемся к тому, что они говорят.

Уэс усмехнулся, и глаза Соланж вспыхнули гневом.

– Я никогда не ощущала более могучего существа, чем то, что проявилось здесь прошлой ночью! Оно просто подавило голоса желающих нам добра, отбросило этих духов с такой легкостью, словно отгоняло мошкарю! Именно это существо и оставило заключительное сообщение, именно оно завладело планшеткой и...

– Перестань, – резко сказал Уэс.

Несколько секунд Соланж молча смотрела на него тем напряженным взглядом, о котором Уэс говорил, что у нее не глаза, а расплавленные чернила, а потом грациозно поднялась.

– Я не хотела расстраивать тебя...

– Я ничуть не расстроен!

– ...но я хочу, чтобы ты знал правду...

– Ой, ради Христа!

– ...о том, что случилось вчера вечером. И я рассказала тебе правду.

– И правда освободит нас. – Усмешка Уэса стала еще шире. – Кажется, я уже слышал это раньше.

– Уэс! – Теперь ее голос звенел от напряжения. – Ты можешь стоять на сцене и отпускать шуточки для других людей, можешь гримасничать и менять голос, чтобы они подумали, будто ты живешь ради их смеха, но не вздумай даже на мгновение подумать, что ты можешь так же притворяться передо мной! Однажды шутки закончатся и смех стихнет. И ты столкнешься с миром, который поставит тебе свои условия, без всякого лукавства.

– О каком мире мы говорим, дорогая? Думаю, это царство духов?

Но Соланж уже отвернулась. Она стремительно вышла из гостиной, так что белый пеньюар шлейфом развевался за ней, и скрылась в коридоре. Уэс услышал слабый хлопок закрывающейся двери.

«Она не понимает шуток, и в этом ее проблема», – подумал он.

Поднявшись на ноги, Уэс прошел через гостиную и короткий коридор в кухню, где на верхней стойке была развешена кухонная утварь, а стены украшали африканские ксилографии. Он отыскал в холодильнике упаковку апельсинового сока и достал из шкафчика с витаминами несколько пластиковых бутылочек. Управившись с завтраком, он заметил, что

его пульс бьется сильнее обычного. Уэс вспомнил, как планшетка летела ему прямо в лицо, словно потерявшая управление ракета «Найк», и подумал, что проклятый Мартин Блю никак не мог этого сделать. Сучоныш и сам перепугался до потери рассудка. Чья же тогда это работа? Духов, как утверждает Соланж? Нет, это просто дерьмо собачье! Когда Соланж заводилась, она и в самом деле могла сгустить краски, сыпать всякими безумными названиями, вроде «сантерия», «брухерия», «нкиси» и «макуты». Однажды Уэс заглянул в украшенную восточной резьбой деревянную шкатулку, которую Соланж хранила под кроватью. Там лежала причудливая коллекция петушиных перьев, морских раковин, черных и красных свечей, кукурузной шелухи, белых кораллов и странных железных гвоздей, обмотанных нитками. Уэс долго терпел все суеверия Соланж, но несколько месяцев назад подвел черту, когда она пыталась повесить над каждой дверью в доме ветку с красной ленточкой.

Он не знал, какая у Соланж фамилия, и тот человек, который проиграл ее Уэсу в покер тогда, в Вегасе, тоже этого не знал. Она сказала, что родилась в Чикаго и была дочерью актрисы классического театра и африканца, практикующего сантеро³², хорошего мага. По ее словам, она появилась на свет в седьмой день седьмого месяца, ровно в семь часов вечера. За день до ее рождения отцу приснилось, что она

³² *Сантеро* – жрец распространенной на Кубе религии сантерия, уходящей корнями в верования африканского народа йоруба.

сидит на троне из слоновой кости и семь звезд кружат над ее головой, словно сверкающая диадема. Это, как объяснила Соланж, было хорошим предзнаменованием и должно было означать, что она унаследует отцовскую силу в белой магии, что ее следует считать живым талисманом. Соланж не рассказывала о том, чему научилась у отца в годы становления, но Уэсу представлялось, что она была довольно важной птицей. Соланж вспоминала, как люди приходили к ней и ожидали у дверей возможности коснуться ее и спросить о своих проблемах, связанных с любовью или деньгами.

Однажды, когда Соланж уже исполнилось десять лет, она возвращалась домой под тихим снегопадом, и вдруг к тротуару подъехала машина, и двое черных мужчин засунули ей в рот кляп и затолкали ее на заднее сиденье автомобиля. Ей завязали глаза – она отчетливо помнила грубую ткань на лице, – а потом машина везла ее куда-то всю ночь. Они ехали быстро, по разным дорогам. Когда повязку сняли, она увидела, что оказалась в большом доме, окруженном со всех сторон заснеженным лесом. Первые дни она провела взаперти, в богато обставленной спальне с окном, выходящим на скованное льдом озеро, а кормил ее чернокожий мужчина в белой одежде, который приносил еду на серебряном подносе. На третий день Соланж отвели в стеклянную комнату, наполненную лианами и распустившимися красными цветами, где ее ждал пузатый черный мужчина в сером полосатом костюме и с сигарой во рту. Он обращался с ней очень

мягко, очень дружелюбно и даже предложил кружевной платок, чтобы утереть слезы, после того как объяснил, что она никогда не вернется домой, потому что ее дом теперь здесь. Еще он сказал, что его зовут Фонтейн и вдвоем с Соланж им предстоит кое-что сделать. Она должна принести ему удачу и защитить от зла, иначе с ее отцом и матерью может случиться что-то плохое.

Только со временем она узнала, что это был плохой человек, гангстер, который контролировал большую часть рэкета в Гарлеме. Власть начала ускользать от него, и тут один человек из Южного Чикаго рассказал ему о Соланж. Четыре следующих года она почти ничего не делала, только читала линии на его ладони и узнавала слабые места разных людей, прикасаясь к их фотографиям. Фонтейн ни разу не заходил к ней в спальню, даже не дотрагивался до нее. Он оставил Соланж в покое, во-первых, потому что начал бояться ее слишком точных предсказаний будущего и заклинаний, от которых его враги внезапно чахли. А кроме того, его мозг постепенно разъедал сифилис. По ночам она часто слышала, как Фонтейн бродил по длинным коридорам своего особняка, воя от безумной ярости, словно дикое животное. В конце концов вовсе не враги, а смертельная рука сифилиса подкралась к нему, и никакие заклинания и снадобья Соланж не могли остановить ее. Фонтейна заперли за массивной дубовой дверью, а вскоре в его дом пришли двое хорошо одетых белых людей, заплатили управляющему крупную сумму

и забрали Соланж с собой на запад.

Ее новым хозяином стал престарелый капо³³ мафии, пожелавший держать ее при себе на удачу. Он слышал о том, что она делала для Фонтейна, и знал, что за это время прибыль главаря гангстеров выросла на восемьдесят процентов. Он тоже не прикасался к ней, но однажды ночью в ее комнату вошли двое его работников. И сказали, что перережут ей горло, если она осмелится рассказать, что они с ней делали. Так продолжалось до тех пор, пока Соланж не изготовила их куклы из кукурузной шелухи и не подожгла эти куклы. Оба они погибли, врезавшись на своем «линкольне-континентале» в бензовоз «Суноко» на шоссе Сан-Диего.

И так проходил год за годом, сменялись чередой могущественные и жадные люди. Еще один предводитель мафии, затем глава киностудии, затем режиссер, затем один из директоров студии звукозаписи, который обворовывал своих партнеров. Она была с ним, когда встретила Уэса, выступавшего в Вегасе со своим шоу. Денег оно приносило не так уж много, но, по крайней мере, помогало пережить нелегкое время после отмены второго сезона его сериала. Кроме того, он искал личные контакты и однажды добился приглашения на игру в покер в «Лас-Вегас Хилтоне» с денежными воротилами, среди которых был и директор Соланж. На всем протяжении долгой, изматывающей игры она сидела позади него.

³³ *Kano* (капореджиме) – одна из высших ступеней в итало-американской мафии, выше стоят только глава криминальной семьи и его заместитель.

Уэс вспомнил синяк на ее щеке. Так или иначе, но удача отвернулась от парня, и дела его пошли под откос. Проиграв около тридцати тысяч, он отвел Соланж в заднюю комнату и дал просрать, а потом привел обратно и снова затолкал в кресло. Ее глаза покраснели и припухли, а директор по-настоящему вспотел. Еще через три часа в игре остались только они двое: перед Уэсом на столе стоял столбик красных фишек, а на лице директора появилось выражение животного ужаса. Однако он продолжал играть, пока у него не осталось ни фишек, ни денег, ни ключей от бледно-голубого, как яйца малиновки, «кадиллака». Уэс решил на этом закончить.

– СЯДЬ! – крикнул этот человек. – Я СКАЖУ, КОГДА МОЖНО БУДЕТ УЙТИ!

– Ты проигрался вдрызг, Морри, – устало проговорил один из зрителей. – Заканчивай.

– ЗАТКНИСЬ! Сдавай карты... НАЧИНАЙ!

– Ты пустой, – сказал Уэс. – Игра окончена.

– Нет, не окончена! – Он обернулся и до боли сжал руку Соланж. – Ставлю в заклад ее.

– Что? Забудь об этом!

– Думаешь, я с тобой шучу, Ричер? Слушай меня, сопляк. Эта сучка стоит дороже золота. Она может всосать твой член по самые яйца, она знает такие фокусы, что у тебя глаза на лоб полезут!

– А теперь ты послушай. Я не думаю...

– Начинай, паршивый мелкий сопляк! Что ты теряешь?

Ты же купаешься в моих деньгах!

Со второго раза это слово все-таки подействовало на Уэса. Он помедлил немного, посмотрел на красивую избитую женщину, подумал о том, сколько раз ей приходилось терпеть подобное от этого мужчины. И наконец сказал:

– Хорошо, я принимаю ее в заклад на пятьсот долларов.

Соланж в ответ чуть кивнула.

А через десять минут все было кончено. Уэс выложил великолепный флеш-рояль. Директор вскочил на ноги, схватил Соланж за челюсть и сжал так сильно, что она всхлипнула.

– Убери руки, сукин сын! – негромко проговорил Уэс. – Ты портишь мой товар.

Тут парень совсем окрысился, начал сыпать всякими угрозами, сказал, что Уэс никогда больше не получит ни одного сериала, потому что у него хорошие связи со всеми сетями, а про звукозапись можно вообще позабыть навсегда. Кто-то принес этому жалкому недоноску выпивку и увел его из номера. Уэс долго смотрел на сидевшую по ту сторону покерного стола Соланж, не зная, что ему теперь, к чертям собачьим, делать и что сказать. Она первая нарушила молчание:

– Кажется, он сломал мне зуб.

– Хочешь, я найду тебе дантиста?

– Нет, все в порядке. Я видела тебя по телевизору, – сказала она и продолжила: – Вспомнила, я видела твое лицо на

обложке «Звезд ТВ».

Он кивнул:

– Да, я попал на эту обложку и много куда еще. В «Роллинг стоун» тоже была статья обо мне. У меня вышла пара комедийных альбомов.

– Ты теперь работаешь здесь?

– Точно. Но мой агент всю старается заключить контракт на следующий сезон сериала, а еще я могу получить небольшую роль в новом фильме Мела Брукса. – Он нервно откашлялся и спросил: – Долго ты была... его любовницей?

– Почти год. Это очень неприятный человек.

– Ага, но я, похоже, обчистил его карманы. – Он уставился на пачку банкнот и долговых расписок на крупные суммы, лежавшую перед ним. – Господи, это же куча бабла!

– Уже поздно, – сказала Соланж. – Не пойти ли нам в твой номер?

– Ох, послушай, ты вовсе не обязана...

– Нет, обязана. Теперь ты мой хозяин.

– Твой хозяин? Эйб Линкольн давно уже освободил рабов, если ты вдруг...

– Я всегда кому-нибудь принадлежала, – сказала Соланж, и в ее голосе Уэсу почудился страх. – Я сделала так, что удача отвернулась от него. И могу сделать так, чтобы тебе она улыбнулась.

– А? Что ты хочешь этим сказать?

Соланж встала и протянула ему руку. Он взял ее ладонь

В СВОЮ.

– В твой номер, – повторила она.

Это было почти год назад. Уэс поставил апельсиновый сок обратно в холодильник. Он знал, что ему нужно одеваться, потому что Джимми может зайти сегодня, чтобы обсудить кое-какие условия по тому фильму «Квоттлбаумс» Мела Брукса, пародию на популярные супермаркеты. Уэс зашел в гостиную и остановился на мгновение перед доской уиджи, раздумывая о том, как будет выкручиваться, если выбросит эту дрянь на помойку. Он не верил историям о духах, которые любила рассказывать Соланж, но, с тех пор как Уэс привез ее с собой в Голливуд, его беспокоила одна вещь. Меньше чем через неделю после того, как он внес первый взнос за этот дом, Уэс застал Соланж ночью в бассейне за тем, что она медленно выкручивала руки и ноги кукольному «солдату Джо», потом опустила его в воду и держала там несколько минут. Два дня спустя директора студии звукозаписи нашли утонувшим в его собственном, изогнутом в форме почки бассейне. «Варьете» опубликовала короткую заметку о его смерти. Врач, проводивший осмотр трупа, сказал, что мышцы этого парня были скручены узлом.

– Я выброшу тебя позже, дрянь, – мысленно пообещал Уэс доске уиджи и направился обратно в спальню – одеваться.

V

В два часа дня, когда зазвонил телефон, Палатазин сидел в своей берлоге и наблюдал за тем, как «Стиллерз» возят рылом по земле «Найнерз»³⁴. Джо поднялась, чтобы ответить.

– Давайте же, доберитесь до него! – сказал Палатазин экрану, когда Терри Брэдшоу увернулся сразу от двух неповоротливых линейных и отвел руку для паса, словно поршень на холостом ходу. – Не дайте этому парню увеличить счет! Ох, ради...

Он хлопнул себя по бедру, когда мяч без помех пролетел тридцать четыре ярда.

– ...Да, сейчас я доберусь до него, – слышался с кухни голос Джо. – Энди!

– Хорошо. – Он вытащил себя из мягкого кресла и взял у Джо трубку. – Да?

– Это лейтенант Рис, капитан. У нас тут сидит юная леди, которая видела того парня с фоторобота.

– Мне нужно больше. Может быть, ему просто нравятся шлюхи.

– У меня есть больше. Она говорит, что он обещал отвезти ее в отель, но вместо этого остановился на пустыре возле Юкка-стрит. Она испугалась и убежала, но он преследовал

³⁴ «Питсбург стиллерз» и «Сан-Франциско фоти найнерз» – профессиональные команды по американскому футболу.

ее на машине. Это был сероватый «фолькс», и она частично запомнила его номер.

– Подержите ее там. Я буду через пятнадцать минут.

Положив трубку, он почувствовал недовольный взгляд жены.

– Мне нужно уйти, – сказал он и направился к двери.

– Я слышала. Ты хотя бы вернешься к ужину?

– Не знаю. – Палатазин расправил пиджак и поцеловал жену в щеку. – Я позвоню.

– Ты не вернешься, – сказала она. – И не позвонишь.

Но он к этому времени уже вышел за дверь.

VI

Когда Палатазин вешал трубку, Рико Эстебан поднимался по длинным пролетам лестницы многоэтажного дома в Восточном Эл-Эй, где солнечный свет приобретал мутную бледность, напористо вытекая в коридоры через грязные окна. Ступеньки под ногами скрипели, кое-где не было перил. Четырьмя этажами ниже Рико видел потрескавшуюся желтую плитку вестибюля. Вонючие помои вытекали из мусорных баков на лестничных площадках и блестели так, словно лестница была высечена из льда. Рико все еще ходил в той же самой одежде, что и прошлой ночью, только теперь рубашка на спине промокла от пота. На ввалившихся от недосыпания глазах проступили красные прожилки. Воздух во-

круг него распирало от сталкивающихся между собой разнообразных звуков: бульканья воды, пробивающейся сквозь засоренную сливную трубу туалета; криков мужчины и женщины, ругающихся по-испански, стараясь превзойти друг друга в оскорблениях; воя голодного ребенка и отчаянного «Тише!» его матери; чьего-то жестокого кашля, в конце концов сорвавшегося в хрип отхаркиваемой мокроты; грохота радио- и телеприемников, в которых сражались «пумс-пумс» диско, программа новостей на испанском языке и перестрелка из ковбойского или детективного фильма.

В коридоре пятого этажа стояла омерзительная, удушливая жара. К тому времени, когда Рико подошел к нужной двери, рубашка прилипла к груди и спине, словно вторая кожа. Он остановился с бешено бьющимся сердцем. Рико боялся женщины, которая жила в этой квартире. Она была сумасшедшей, и никто не мог бы заранее сказать, что она с ним сделает. Как-то раз старуха Сантос поклялась, что раздобудет пистолет и отстрелит ему яйца, если он доведет до греха ее дочь. И теперь он сомневался, стоит ли стучать в дверь; может, лучше повернуть назад и выбраться из этого душного свинарника. «Что, если Мерида вчера пришла домой и рассказала обо всем матери? – размышлял он. – Тогда у меня могут быть чертовски большие неприятности. Ну а если Мерида вообще не вернулась? А если с ней что-то случилось в джунглях бульвара Уиттиер?» Неуверенность наполняла его неясным страхом. Ведь этот подонок Таракан все еще на сво-

боде. Но даже и без него хватает других, куда более гнусных подонков. Или, если монета упадет другой стороной, Рико встретит там Мериду с размазанными по щекам слезами и разъяренную безумную старуху с дешевой пушкой, направленной прямо ему в мотню. *Madre de Dios!*³⁵

Но он не мог уйти, ничего не узнав, не мог больше вынести и минуты неизвестности. Он сжал руку в кулак и постучал в дверь. Почти в то же мгновение открылась другая дверь, дальше по коридору, и пожилой чикано с подозрением уставился на него.

– Кто там?

Рико вздрогнул от этих слов, произнесенных с резким испанским акцентом.

– Э-э... это я, миссис Сантос. Рико Эстебан.

За дверью долго и напряженно молчали.

«Черт! – подумал он с внезапной паникой. – Она пошла за своей пушкой!»

Он уже собрался бежать, когда она спросила из-за двери:

– Что тебе нужно, а, мелкая тварь?

– Я бы хотел поговорить с Меридой. Пожалуйста.

– Ее нет дома.

Узел напряжения разорвался шрапнелью у него в животе. Рико чувствовал, как миссис Сантос прижимается ухом к двери за тонким слоем исцарапанного дерева.

– Вы знаете, где она сейчас? – спросил он.

³⁵ Богородица! (*исп.*)

Дверь приоткрылась, и Рико испуганно шагнул назад. Старуха выглянула в щель, и черные змеиные глаза с презрением посмотрели на него с обветренного, изрезанного морщинами лица.

– А тебе-то зачем знать?

– Я должен ее найти. Это очень важно.

Он не видел ее рук и опасался, что она и в самом деле может прятать чертову пушку за спиной.

Какое-то мгновение миссис Сантос молча разглядывала его.

– Я знаю, что она прошмыгнула в дверь у меня за спиной, надеясь, что это сойдет ей с рук. И я знаю, что она виделась с тобой, мразь! Когда она не вернулась к ночи домой, я решила, что она с тобой.

– Я... забрал ее у подъезда прошлой ночью, – с усилием проговорил Рико. – Но на Уиттиере она... она выпрыгнула из моей машины, миссис Сантос, и я искал ее всю ночь, объездил все места, о каких только мог подумать, я проспал всего два часа на заднем сиденье, и теперь не знаю, где еще...

– Что?! – взвизгнула она, дико выпучив глаза. – Моя Мерида всю ночь была на бульваре? И ты, сучоныш, оставил ее там? Я прямо сейчас вызову копов – и ты не выйдешь отсюда!

Ее глаза сверкали черным пламенем. Она попыталась захлопнуть дверь перед носом у Рико, но он тут же подставил руку. Старуха уставилась на него, раскрыв рот, в глубине ее глаз замерцал страх.

– Вы не слушаете меня! – чуть ли не закричал он. – Если Мерида не пришла ночью домой, то я не знаю, где она! Она может попасть в беду! – «Она и так уже попала в беду, – мрачно подумал он. – Куда еще она могла пойти?»

Миссис Сантос замерла, и Рико прекрасно понимал, о чем она сейчас думает. Мерида была хорошей, послушной девочкой, никогда не убегала из дома и всегда приходила ночевать.

– Я боюсь за нее, – тихо сказал он.

– Я же говорила тебе, – начала старуха шепотом, постепенно повышая голос, – чтобы ты оставил ее в покое. Я предупреждала мою Мериду о том, что творится на улицах. От тебя всегда были одни неприятности, даже когда ты был еще розовощеким хитрожопым сопляком, увивающимся за «Костоломами». А теперь один только Бог знает, каких бед ты натворил!

– Послушайте, я пришел сюда не ругаться. Меня не волнует, что вы обо мне думаете. Я просто хотел убедиться, что с Меридой все в порядке...

– Зачем? Хочешь уговорить ее выйти на панель для тебя? Ты пачкаешь все, к чему прикасаешься! Ты прикоснулся к Мериде, и Бог видел это, а Ему известно, что ты грязная тварь, и поэтому Он... Подожди минутку! Ты только подожди минутку!

Старуха отшатнулась от двери, и Рико шагнул за ней с пылающим от гнева лицом. Она прошла через тесную, грязную комнату и выдвинула ящик стола рядом с раковиной и пли-

той.

– Подожди минутку, мразь! – провизжала она и обернулась к нему с зажатым в руке разделочным ножом. – Я убью тебя за то, что ты сделал с моей крошкой!

– Прошу вас, – сказал он, пятясь к двери. – Я только хочу узнать...

– Вот что ты сейчас узнаешь! – выкрикнула она и бросилась на него с ножом, занесенным для смертельного удара.

– Сумасшедшая... сука! – крикнул Рико.

Он шарахнулся к двери и сумел захлопнуть ее до того, как старуха до него добралась. Затем сломя голову промчался по коридору, услышав сухой, довольный смешок старика-чикано. Добежал до лестницы и поскакал вниз, а дом за спиной, казалось, наполнился криками и угрозами миссис Сантос.

«Визжит, как старая гарпия, – подумал Рико, – заглушая и радиоприемники, и детские вопли, и припадки супружеской ругани». Но затем ее крик начал слабеть, и Рико с облегчением понял, что она не погналась за ним с пятого этажа. И все же он бегом припустил к выходу, а когда очутился на улице, пот градом катился по его лицу. Пара каких-то малышей пыталась отодрать колпачки с колес его машины, и Рико отогнал их пинками и руганью. Они остановились посреди улицы, показали ему средний палец и убежали.

Он уже начал обходить машину, когда услышал холодный детский голос:

– Эй, Рико! Оставь эту мелюзгу в покое, чувак!

Рико обернулся. Луис, двенадцатилетний брат Мериды, сидел в тени на крыльце соседнего подъезда. С ним было еще двое мальчишек, не старше одиннадцати, но уже с жесткой одержимостью в глазах. Они играли в карты, а Луис курил самокрутку.

– Да? – сказал Рико, возвращаясь к тротуару. – Это почему же?

– Им нужно что-то есть, и они могли бы продать эти калоши. Две.

Ему сдали две карты, он взял их и тут же недовольно фыркнул.

– Их старики завели привычку тратить по пятьдесят баксов в день, и чем дальше, тем только хуже становится. Думаешь, оттого что ты переехал на Стрип, здесь что-то изменилось, чувак?

Эти слова, так спокойно сошедшие с губ ребенка, задели Рико за живое.

– Да что ты вообще знаешь? – сказал он. – Ты сам еще пацан.

– Я много чего знаю. – Луис поднял глаза от карт. – Например, что моя сестра была с тобой прошлой ночью и не вернулась домой. Моя старушка весь день бродит по комнате из угла в угол. Она говорит, что хочет заказать тебя «Головорезам».

– И кто же собирается перерезать мне глотку? Ты, что ли, Луис? Ага, ты ведь уже начал думать, как один из них. Чувак,

если будешь и дальше водиться с этими отморозками, тебя или пырнут ножом, или упекут за решетку.

Луис раздал карты заново и по-лисьи ухмыльнулся:

– Жалко, что мы все не можем быть такими большими людьми, как ты, Рико. Чувак, ты такой большой, что перерос баррио. Ты теперь гигант с Сансет-Стрипа. – Он издал губами такой звук, будто испортил воздух, и остальные мальчишки захохотали. – Мейвен порвет тебе задницу одной левой! Не свалить ли тебе с этой улицы? Ты здесь больше не свой!

– Мейвен? Он все еще босс «Головорезов»?

– Точно. Раздаем по одной. Отлич-ч-чно, амигос! – Он не обращал внимания на Рико, пока не раздали все карты до последней. – Что ты делал в моем подъезде, чувак? Если ты попадешься на глаза моей старушке, она придет по твою задницу.

– Я уже видел твою мать, – сказал Рико. – Ей пора в *la casa de locos*³⁶. Я пытаюсь найти Мериду, Луис. Не знаю, где твою сестру черти носят!

Луис вскинул на него глаза:

– О чем ты, чувак? Она же была с тобой прошлой ночью!

– Нет, не была. Это я и пытался объяснить твоей матери. Мерида выпрыгнула из моей машины на бульваре Уиттиер и убежала. Я искал ее почти всю ночь. Так где еще она может быть?

– Ты бросил ее одну? – не веря своим ушам, спросил Лу-

³⁶ Сумасшедший дом (*исп.*).

ис. – Совсем одну на бульваре? – Карты выпали из его руки: два усмехающихся короля и джокер. – Чувак, ты теперь живешь так далеко отсюда, что даже не знаешь, что здесь творится? «Гадюки» пытаются влезть на территорию «Головорезов»! В каких-то трех кварталах отсюда зона адских боев! «Гадюки» нападают на любого «Головореза», как только его увидят. На прошлой неделе они схватили Передоза Засу, Пако Майлана и Хуана Моралеса!

У Рико заколотилось сердце.

– Убили?

– Никто не знает. Они просто исчезли... пуф и все! Мейвен считает, что «Гадюки» напали на них из засады, а трупы куда-то утащили. В пятницу пропала Анита, девушка Мейвена, а вчера – Бенни, младший брат Паоло Леграна...

– Боже! – Страх заметался в голове Рико. – Так ты думаешь, что «Гадюки»... могли схватить Мериду?

– Они должны были знать, что это моя сестра.

Луис поднялся на ноги – с огнем в глазах, с лицом мужчины, рвущегося в бой, но голая грудь под дешевым кожаным жилетом была еще детской, тонкие ребра так и торчали наружу. Он провел по губам тыльной стороной ладони.

– Да, они могли ее схватить. Они могли подстеречь ее в переулке и напасть. Эти сучьи выродки могли изнасиловать ее прямо на месте, а потом оттащить куда-нибудь.

Внутри у Рико все всколыхнулось, и он подумал, что его вот-вот согнет пополам и вырвет.

– Они могли уже убить ее, – тихо произнес Луис и вложил все свои силы во взгляд, устремленный на Рико. – Если она мертва, значит это ты помог ее убить. Ты отдал ее прямо в руки «Гадюкам».

– Мы не знаем, что с ней случилось, – ответил Рико. – Мы можем позвонить копам, и пусть они...

Луиса била мелкая дрожь, он едва сдерживал слезы.

– Никаких копов! – выкрикнул он. – Это дело «Головорезов», моих братьев. Пошли! – сказал он другим мальчишкам, и они тут же вскочили с крыльца. – Мы должны разыскать Мейвена и рассказать ему!

Они пошли вдоль улицы с важным видом, словно молодые петушки. Внезапно Луис остановился и ткнул указательным пальцем в сторону Рико.

– Молись, чтобы с моей сестрой не случилось ничего плохого, – выкрикнул он, но голос его сорвался. – Молись и надейся, чувак!

Рико смотрел, как они пропадают из виду. Приступ тошноты поднялся от живота к горлу, и он долго стоял, наклонившись, возле входа в переулок, но его так и не вырвало.

«Мертва? – думал он. – Мерида мертва?» Убита «Гадюками», горсткой радующихся любой возможности повоевать молокососов, которые были еще детьми, когда сам Рико водил дружбу с «Костоломами»? Из окна высоко над головой на Рико хлынул дождь помоев. Он отпрыгнул и услышал тонкий, но злобный смех. Потрясенный, ежась от уколов холод-

ного пота, он вернулся к машине и не мешкая поехал прочь из этого адского баррио.

VII

Чернокожая проститутка с масляными глазами под тяжелыми веками и оранжевыми прядями в волосах подтолкнула распечатанный фоторобот по столу к лейтенанту Рису.

– Это тот самый придурок. Я бы узнала его где угодно. Пытался подкатить ко мне на Юкка-стрит. Пытался убить меня. Ага, это он.

Она затянулась сигариллой и выпустила дым из уголка рта.

– Он не говорил, как его зовут, мисс Коннорс? Что-нибудь вроде Уолли, Уолта или Уолтера?

– Нет. Он не сказал ни слова, только спросил мой... э-э... ценник. А теперь послушайте меня. – Она с беспокойством покосилась на медленно крутящуюся катушку магнитофона в дальнем углу стола. – Вы ведь не пытаетесь развести старушку Лиз? Мне не нравится, что мой голос останется в этой коробке, понимаете?

Она оглянулась через плечо на детектива Уэйкросса и капитана Палатазина, сидевших здесь же, в комнате для допросов, и наблюдавших за ней.

– Ты обещал мне, – сказала она Уэйкроссу. – Ты ведь при- тащил меня сюда не для того, чтобы подловить на слове и

обвинить в домогательстве?

– Никто не собирается вас ни на чем подлавливать, – тихо проговорил Палатазин. – Нас не интересует, как вы зарабатываете на жизнь. Нас интересует тот мужчина, который посадил вас к себе в среду вечером. Одна из проблем, с которой мы столкнулись по ходу этого дела, состоит в том, что вы, дамочки, обычно не горите желанием разговаривать с нами.

– Ну так и кто в этом виноват? Джон Ло³⁷ вечно не дает проходу сестрам. Ты ведь понимаешь, что мы тоже должны как-то зарабатывать бабки. – Она томно посмотрела на Риса. – Есть куда худшие способы.

– Думаю, да, – согласился Рис. – Но вы точно запомнили эти цифры? Два и семь?

– Ага. А последняя цифра то ли три... то ли пять. Не помню.

Рис кивнул и посмотрел в протокол, который он заполнил со слов девушки.

– А буквы? Вы сказали, что первая, кажется, «Т». А вторая?

Она пожала плечами:

– Понимаешь, у меня не было времени стоять там и разглядывать его номер. Я думала о том, как убереечь свою задницу. – Она выпустила еще одну струйку дыма в сторону ненавистного магнитофона. – Хорошо, что я вообще что-то

³⁷ Джон Ло – прозвище полицейских.

запомнила.

– Дэйв, – сказал Палатазин Уэйкроссу, – что тебе мешает взять протокол и начать проверку номеров прямо сейчас? Попроси Маккаллоу и Прайса, чтобы помогли тебе, как только освободятся.

– Есть, сэр.

Уэйкросс забрал протокол и вышел из комнаты.

– Мне уже можно идти? – спросила девушка. – Я рассказала вам все, что смогла вспомнить.

– Через минуту, – ответил Палатазин и подался вперед в кресле. – Вы сказали, если позволите воспользоваться вашими собственными словами, что вам было «стремно» с этим мужчиной. Почему?

– Обычно мне без разницы, с кем встречаться, – сказала она. – Но от этого придурка у меня прямо мороз по коже прошел. Поначалу мне показалось, что он в порядке, типа спокойный и все такое. Думала, мы быстро съездим с ним в отель «Каса Лома», и я вернусь назад с полусотней баксов. Легкие деньги, потому что я не делаю ничего особенного, понимаешь?

Она приподняла брови и дождалась, когда Палатазин кивнет.

– Но глаза у него были по-настоящему странные, и он все время сидел, наклонив голову набок, как будто у него нервный припадок или еще что. Но потом, когда я вспоминала об этом, мне показалось, что он... как будто бы... слушал.

Понимаешь?

– Слушал? А радио работало?

– Нет. Было похоже на то, как будто он слушает что-то такое, чего я слышать не могла, а однажды он как-то странно, по-особенному улыбнулся. Так вот, поворачивает он с Голливуда примерно за два квартала до «Касы Ломы», а я его и спрашиваю, куда это он собрался. А он не отвечает, только кивает вроде как. Странно. Потом останавливается на парковке, где раньше был магазин «7-Eleven», и глушит мотор. Ну, думаю, значит, хочет, чтобы я это сделала прямо сейчас, потому что он лыбится как болван. Тут он... э-э... начал расстегивать штаны. Мне стало немного стремно, но я подумала: «Какого черта?» И я... э-э... наклонилась и вдруг увидела, что он как-то уж очень быстро запустил руку под сиденье. Вот тогда-то я и унюхала запашок – вроде спирта, только намного сильнее. Я понятия не имела, что это было, но старушке Лиз ничего такого не хотелось. Я выпрыгнула из его «жука» и побежала, а потом услышала, как заводится мотор, и сказала себе: «О боже, этот урод гонится за мной!» Тут-то я и вспомнила про Таракана. Но, понимаешь, он уже давно ни над кем не измывался, так что мы с подружками решили, что этот парень вдоволь натешился и уполз обратно под камень. Я добежала до угла, а «фолькс» пронесся мимо, повернул направо и пропал. Тогда я отправилась к телефону-автомату и позвонила своему парню, Тайрону. Он приехал и забрал меня.

– Вы сказали, что это вещество пахло как спирт? – спросил Палатазин. – А не мог это быть скипидар? Или что-то вроде этого.

– Точно сказать не могу. – Она затушила сигариллу в пепельнице. – Но запах был очень резкий. Я оказалась так близко к тому, что было под сиденьем, что мне начало жечь глаза. Что бы там ни было, это мерзкое дерьмо.

Рис невольно усмехнулся, но когда Палатазин оглянулся на него, закашлялся и отвел глаза.

– Хорошо, мисс Коннорс. Думаю, этого достаточно. – Палатазин поднялся с кресла и выключил магнитофон. – Вы ведь не собираетесь никуда уезжать в ближайшее время? На случай, если нам понадобится опознание?

– Не-а. Я буду топтаться здесь, в Эл-Эй.

– Хорошо. Спасибо, что зашли к нам. И будь я на вашем месте, то посоветовал бы подружкам соглашаться только на платонические свидания, пока мы не отправим Таракана за решетку.

– Будь спок.

Она забрала свою сумочку, слегка повиляла хвостом перед Рисом и вышла за дверь в общую комнату отдела. Палатазин снова сел, достал из-за кресла трубку и закурил.

– Как ты думаешь, – спросил он Риса, – это похоже на нашего клиента?

– Трудно сказать. Если это тот же самый парень, что пытался снять Эми Хаслетт, то он действует иначе, чем Тара-

кан. Здесь не было никаких попыток изнасиловать или задушить.

– Если это наш клиент, зачем ему менять привычки? Не знаю, это что-то странное. Второй раз нам рассказывают о сильном запахе в машине у этого парня. Что это может быть?

– Любой из множества вариантов: от разлитого бензина до чистящей жидкости.

Палатазин немного посидел в молчании, покуривая трубку. Рис вспомнил просмотренное накануне новое телешоу «Чистое везение» о каком-то чокнутом частном сыщике, который считал себя реинкарнацией Шерлока Холмса и бегал вместе со своим психиатром, доктором Бэтсоном, по всему Эл-Эй, пытаясь раскрыть всевозможные тайны. Это было довольно забавно.

– Медэксперты осмотрели эти четыре трупа со всей возможной тщательностью. Они ведь должны были обнаружить опухоль или воспаление слизистой носа или глаз?

– Конечно.

– Но они ничего не нашли. То есть никаких необычных воспалений, которые могли быть следствием удушения. Правильно?

Рис кивнул.

– К чему вы клоните?

– Предположим, Таракан изменил свои привычки. Предположим, ему не понравилось, что девушки перед смертью цапали его. Возможно, он решил больше не давать им воз-

возможности для серьезного сопротивления. Как это сделать?

– Думаю, можно грохнуть молотком по голове.

– Принято. Но представь, что он промахнулся с первого удара, и девушка закричала. А теперь вспомни рассказ мисс Коннорс о том, как он потянулся куда-то под сиденье, откуда шел сильный запах. Какой напрашивается вывод?

– Ох! – вздохнул Рис. – Наркотик, возможно. Что-нибудь вроде... эфира?

– Или он, или какое-то похожее вещество. Но в любом случае оно должно быть очень сильным, чтобы вырубить взрослую женщину всего через несколько вдохов. А потом Таракан может насиловать, душить ее и вообще делать с ней все, что захочет, и так долго, как захочет.

– А что за дрянь обычно показывают в фильмах про сумасшедших ученых? Знаете, они там вечно размахивают какой-нибудь склянкой или тряпкой перед носом у кота, а потом бедное животное протягивает лапы. Хлороформ.

– Может быть. Но насколько я знаю, хлороформ нельзя купить без рецепта. Возможно, его до сих пор применяют в больницах. Но он должен быть крепким, возможно, даже концентрированным раствором или порошком. Где наш клиент мог бы его достать?

Палатазин выдохнул к потолку длинное щупальце голубого дыма и проследил, как оно вьется вокруг воздухозаборника кондиционера.

– Ты что-то такое говорил минуту назад, – прищурился

он. – А как насчет бензина?

– Если надышаться бензином, может стошнить прямо на месте. Но чтобы пары бензина совсем тебя вырубил, на это, думаю, потребуется время.

– Правильно, а мы ведь говорим о чем-то таком, что должно подействовать меньше чем за минуту. Не знаю, – пожал плечами Палатазин. – Раз уж ты собираешься работать сегодня вечером, тогда обзвони больницы и аптеки и разузнай, какие вещества могли бы справиться с этой задачей. Думаю, нужно искать те, что отпускают без рецепта, но не мешало бы проверить еще и больничную отчетность по похожим на эфир лекарствам.

Он встал и направился к двери.

– Возможно, то, что учуяла мисс Коннорс, – это *szeszes*.

– А? Это еще что?

– Венгерский самогон.

Он вяло улыбнулся и взял со стола фоторобот. Но стоило ему взглянуть на по-беличьи пухлое лицо, как улыбка исчезла. Больше всего Палатазина встревожили глаза – такие пустые и отрешенные за толстыми стеклами очков.

«Где ты? – беззвучно спросил он. – Если ты еще выходишь на охоту, почему мы больше не находим трупы?»

Палатазин прекрасно сознавал тот печальный факт, что именно труп или, как в данном случае, его след в конечном счете указывает на убийцу. Клочок одежды, зажатый в мертвой руке, нитки или волосы под ногтями, картонные спички

или салфетки, найденные в сумочке или кармане. Никакой отдел расследований не в силах остановить убийства, они могут только выяснить подробности и собрать все ужасные кусочки пазла одержимости. А без свежих трупов в головоломке не хватало крупных фрагментов.

Палатазин подтолкнул фоторобот обратно к Рису:

– Пришло время отослать это в газеты. Ты не подготовишь их мне для встречи с прессой?

– Да, сэр. Я займусь этим.

Палатазин прошел в свой кабинет через общую комнату – там сегодня было очень тихо, работали только несколько детективов. Он посмотрел на свои часы: пять двадцать. Солнце уже начало скользить вниз по небосводу, оставляя за собой холодные серые тени. Пора было возвращаться домой, к Джо, и внутренне подготовиться к новому рабочему дню. Завтра ему предстояла встреча с шефом полиции и комиссаром, а также множество не связанных с Тараканом дел, которых с каждым днем становилось все больше: в одном из переулков в центре города обнаружили забитого насмерть мужчину-чикано; в багажнике угнанной машины нашли девочку-подростка с перерезанным от уха до уха горлом; женщину средних лет застрелили прямо на тротуаре из проезжавшего мимо автомобиля; трехлетнего ребенка избивали до неузнаваемости и засунули в мусорный бак. Палатазин поневоле превращался в зрителя ежедневного шоу ужасов. Некоторые дни, конечно же, были хуже прочих, а в худшие – обычно в

разгар лета – его мучили красочные кошмары с разбухшими от жары трупами мужчин, женщин и детей, протягивающих к нему руки, словно прокаженные, что молят об исцелении. Орудия убийства в этом городе тоже ужасали бесконечным разнообразием: бейсбольные биты, пистолеты, разбитые бутылки, яды из дюжины стран, ножи различного вида и назначения, вешалки для одежды, бельевые веревки, колючая проволока и даже, в одном случае, латунный шарик, выпущенный из рогатки. Мотивы убийства были не менее сложными: ревность, деньги, свобода, ненависть и любовь. Город ангелов? Палатазин знал, что это не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.